

ДЖОН РЁСКИН

ДЕСЯТЬ ЛЕКЦИЙ
МАЛЕНЬКИМ
ДОМОХОЗЯЙКАМ
ОБ ЭЛЕМЕНТАХ
ЭТИКА ПЫЛИ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ

Джон Рёскин

Этика пыли

John Ruskin   The Ethics of the Dust

Ten Lectures
to Little Housewives
on The Elements
of Crystallisation

Smith, Elder, and Co.

Джон Рёскин

Этика пыли

Десять лекций
маленьким
домохозяйкам
об элементах
кристаллизации

Ад Маргинем Пресс

УДК 821.11
ББК 84(4Вел)53
Р43

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы
Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE

Ad Marginem

Перевод с английского — Л.П. Никифоров
Редактор — Анна Шафран
Оформление — ABCdesign

Р43

Рёскин, Джон

Этика пыли. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 176 с.

«Этика пыли» (1866) — трактат британского арт-критика, писателя и социального мыслителя Джона Рёскина, выполненный в форме платоновских диалогов старого профессора и учениц. Этот необычный текст служит своего рода введением в проблему кристаллизации, структурной формы, присущей предметному миру, окружающему нас, и содержит в себе мысли Рёскина о системе образования, развитии европейского изобразительного искусства и дизайна и месте человека в мире. Книга была написана по следам лекций, прочитанных в женском училище Уиннингтон (Чешир) осенью 1859 года.

ISBN 978-5-91103-288-3

© Перевод Л.П. Никифорова под ред. А. Шафран, 2015

© К. Кобрин, послесловие, 2015

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015, 2016

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2015, 2016

Содержание

	7	Предисловие
	9	Действующие лица
Беседа 1	11	Долина алмазов
Беседа 2	23	Строители пирамид
Беседа 3	33	Жизнь кристалла
Беседа 4	47	Формы кристаллов
Беседа 5	61	Достоинство кристаллов
Беседа 6	77	Ссоры кристаллов
Беседа 7	91	О домашних добродетелях
Беседа 8	109	Капризы кристаллов
Беседа 9	123	Невзгоды кристаллов
Беседа 10	139	Покой кристаллов
	159	Кирилл Кобрин. Рёскин и песчинки Творения

Беседы, вошедшие в книгу, я действительно вел в одной провинциальной школе для девочек, где мне приходилось бывать, когда я рассматривал возможность ввести лучшие способы обучения рисованию в современную систему женского воспитания; мы, благодаря долгим разговорам, стали большими друзьями с ученицами этой школы. Беседы наши почти всегда проходили в форме вопросов и ответов — такими они и предстают в книге, поскольку живые диалоги интереснее сухого трактата. В беседах в разное время принимали участие многие ученицы (школа была большая); я постарался, не увеличивая количества воображаемых¹ действующих лиц, воспроизвести общий тон замечаний и вопросов моих юных собеседниц.

Читатель, вероятно, сразу заметит, что беседы не являются введением в минералогию. Цель состояла в том, чтобы в душах молодых девушек, уже способных работать серьезно и систематически, пробудить живой интерес к предмету. Никакую науку невозможно изучать шутя; но часто шутя можно извлечь плоды из прежних занятий или указать достаточные основания для будущих работ.

Я не задавался какой-нибудь узкоспециальной целью, хотя это и не может служить оправданием того, что я не коснулся многих важных аспектов строения некоторых групп минералов. Но я не стал вдаваться в подробности, не имея необходимых иллюстраций. Однако, если читатель найдет эту книгу полезной, я, возможно, постараюсь пополнить ее изображениями и заметками о наиболее интересных явлениях в отделе самых простых минералов кремнезема, базальта, о необычайно красивых прожилках в руде самых обычных металлов — свинца и железа. Впрочем, я всегда считал, что у нас тем больше шансов исполнить наши намерения, чем меньше говорим о них. Так что моя тоненькая книжечка

¹ Говоря «воображаемых», я отнюдь этим не отрицаю, что часто позволял себе дружескую бесцеремонность воспоминаний; надеюсь, мои ученицы и их друзья простят меня, так как иначе я не мог бы написать этой книги. Только два эпизода во всех диалогах и история Дотти взяты из жизни. [Примечание автора.]

вполне достигнет своей цели, если пробудит в некоторых из молодых читателей желание узнать больше. И эта жажда знаний позволит им снисходительно отнестись ко всем недостаткам книги.

Денмарк-Хилл
Рождество 1865 года

Старый профессор, возраст его трудно определить.

Флорри, по документам, девочка лет девяти.

Изабелла, одиннадцать лет.

Мэй, одиннадцать лет.

Лили, двенадцать лет.

Катрин, четырнадцать лет.

Люцилла, пятнадцать лет.

Виолетта, шестнадцать лет.

Дора, заведует ключами и домашним хозяйством, семнадцать лет.

Египет, прозвана так за угольно-черные глаза, семнадцать лет.

Джесси, всегда лучится радостью, восемнадцать лет.

Мэри, особа, к которой все, включая старого профессора, питают большое уважение, двадцать лет.

Праздний разговор в столовой у камина после десерта.

Профессор. Ну, Изабелла, расскажите, что у вас случилось сегодня после обеда.

Изабелла (жеманно присаживаясь на скамеечке). О, нечто ужасное! Мы с Флорри заблудились в Долине алмазов.

Профессор. Как! В Синдбадской долине, из которой никто не возвращался?

Изабелла. Да, но мы с Флорри оттуда выбрались.

Профессор. Вижу, что вы выбрались, но уверены ли вы относительно Флорри?

Изабелла. Вполне уверена.

Флорри (выглядывая из-за спинки дивана, на котором сидит Профессор). Все верно. *(Снова исчезает.)*

Профессор. Мне хотелось бы повернее убедиться в этом.

Флорри появляется, целует Профессора и опять прячется за диван.

Профессор. Ну теперь и я, пожалуй, убедился, но как же вам это удалось?

Изабелла. Ведь вы знаете, что орел, поднявший Синдбада, был невероятных размеров, больше всех.

Профессор. А насколько велики были остальные?

Изабелла. Не знаю, я их видела издали. Но один был огромный, с гигантскими крыльями, вдвое больше расстояния от пола до потолка. Уж если он поднял Синдбада, подумали мы с Флорри, то нас даже не почувствует на своей спине. Итак, я взобралась первая, потом втащила Флорри, мы ухватились за его шею и полетели.

Профессор. Но зачем же вы покинули долину и почему не принесли мне алмазов?

Изабелла. А змеи-то! Я так боялась идти, что не решилась поднять ни одного камешка.

Профессор. Не стоило обращать внимания на этих змей.

Изабелла. Да, но ведь они сами могли заметить меня.

Профессор. Боюсь, что мы все обращаем на вас слишком много внимания.

Изабелла. Нет-нет, право же, нет.

Профессор. Вот что я вам скажу, Изабелла: мне не верится, что Синдбад, или Флорри, или вы были когда-нибудь в Долине алмазов.

Изабелла. О, злой! Говорю же вам, что были!

Профессор. Но вы говорите, что испугались змей.

Изабелла. А вы бы разве не испугались?

Профессор. Этих змей — нет. Все, кто действительно побывал в долине, змей не боялись — они очень красивы.

Изабелла (посерьезнев). Но ведь никакой Долины алмазов на самом деле нет, не правда ли?

Профессор. Нет, Изабелла, она существует.

Флорри (появляясь снова). Где же, где? Расскажите о ней.

Профессор. Рассказать-то мне особенно нечего, я знаю только одно: она совсем не похожа на долину Синдбада. В его долине алмазы попадаются лишь изредка, а в настоящей они каждое утро ложатся на траву вместо росы. Еще там есть деревья, похожие на кусты сирени, которые весной покрываются аметистовыми цветами.

Флорри. Там, значит, нет и змей?

Профессор. Почему же?

Флорри. Потому что они не появляются в таких прекрасных местах.

Профессор. Я не говорил, что долина прекрасна.

Флорри. Как?! Но вместо росы она усеяна алмазами?

Профессор. Это вам кажется прекрасным, Флорри, а мне роса нравится больше.

Изабелла. Но роса высыхает!

Профессор. Да, было бы лучше, если бы и алмазы тоже высыхали, потому что жителям долины приходится сгребать драгоценные камни в кучи, чтобы расчистить себе проход; к тому же блеск алмазов вреден для глаз.

Флорри. Вы шутите!

Профессор. Так же, как и вы.

Флорри. Да, но вы не должны шутить.

Профессор. Вы слишком строги, Флорри. Почему мне нельзя делать того, что делаете вы?

Флорри. Мне можно, потому что я маленькая, а вам нельзя, потому что вы... (*Подыскивает слово.*)

Профессор (сурово продолжает). Потому что я большой? Это совсем неуважительная причина, Флорри. Вы малы — у вас и забав должно быть мало, а так как я большой, то у меня их должно быть много.

Изабелла и Флорри (вместе). Нет, нет, нет. Это не так.

Изабелла (одна, цитируя мисс Инджелу²). Но «ягнята только играют, не зная ничего лучшего». (*Склоняет голову набок.*) А теперь, пожалуйста, ну пожалуйста, скажите нам правду.

Профессор. Но почему вы хотите, чтобы я сказал вам больше правды, чем скажет вам «Тысяча и одна ночь»?

Изабелла. Потому, что мы хотим услышать о реальных предметах, и вы можете нам рассказать о них. Зачем же обращаться за этим к сказочникам?

Профессор. А что вы называете реальными предметами?

Изабелла. Ну вы же сами знаете! Вещи, которые действительно существуют.

Профессор. Независимо от того, можете вы их видеть или нет?

Изабелла. Да, если их видел кто-то другой.

Профессор. А если никто никогда не видал?

Изабелла (уклоняясь от прямого ответа). Но если вы знаете, что Долина алмазов действительно существует, то кто-нибудь да видал же её.

Профессор. Я бы не стал утверждать этого, Изабелла. Порой люди, оказавшись в реально существующих местах, не видят их — многие проходят и по этой долине, не замечая ее.

Флорри. Но как же они должны быть глупы!

Профессор. Нет, Флорри, они умнее тех, кто видит.

Мэй. Мне кажется, я знаю, где эта долина.

Изабелла. Расскажите нам о ней побольше, и мы догадаемся.

Профессор. Хорошо. К ней по берегу реки, поднимаясь все выше, ведет широкая дорога.

2 Инджелу Джин (1820–1897) — английская писательница.
[Здесь и далее примечания редактора.]

Мэй (делая ударение на последнем слове). Действительно ли дорога поднимается?

Профессор. Ты думаешь, что дорога спускается в долину? Нет, она поднимается; эта долина лежит среди гор и так же высока, как облака, часто окутывающие ее, так что видеть долину не всегда могут даже люди, мечтающие о ней.

Изабелла. А какая река течет вдоль дороги?

Профессор. Должно быть, прекрасная, потому что она протекает по алмазному песку, но вода в ней густая и красная.

Изабелла. Красная вода?

Профессор. Это не совсем вода.

Мэй. Пожалуйста, Изабелла, не углубляйся, мне хочется слышать о долине.

Профессор. Итак, вход в Долину алмазов под отвесными скалами очень широк, но всегда так много желающих попасть в долину, что у входа не прекращается давка и пробираются туда с большим трудом. Тех, кто послабее, оттесняют от входа, и они не попадают в заветную долину. Они стенают отходя, но, может быть, в конце концов, им не хуже, чем всем остальным.

Мэй. Но что же видят те, кто сумел войти?

Профессор. Вверху и внизу этакое бугристое поле; дорога обрывается тотчас же, и начинаются большие темные скалы, покрытые дикой тыквой и виноградом. Мякоть тыквы красная, а семена черные, как у арбуза, и на вид они очень красивы. Местные жители варят из них красный суп; но я вам не советую есть его, если вы хотите выбраться из долины (хотя, по-моему, если подмешать довольно муки, он становится вполне съедобным). Там наливаются янтарные грозди дикого винограда. Туземцы говорят, что они слаще меда; на самом деле у них вкус желчи. Есть там и густой терновник, до того колючий, что в любом другом месте его немедленно бы уничтожили; здесь же он покрыт небольшими цветочками в пять лепестков из чистого серебра, на смену которым приходят темно-рубиновые ягоды (красными они становятся, только когда их срывают). Можете себе представить, как много их достается детям! Неприятно только, что одежда и руки у маленьких собирателей оказываются изодраны и исцарапаны.

Лили. Но рубины не могут пачкать платье, как смородина?

Профессор. Нет, а вот тутовые ягоды — очень даже могут. Там, на откосах, целые рощи тутовых деревьев, покрытых шелковичными червями. Представьте, некоторые черви так громко жуют листья, что кажется, будто рядом работает мельница. Тутовые ягоды совершенно черные, но, упав с дерева, они делаются темно-красными и больше уже не меняют цвета. Их-то сок, проходя сквозь траву в почву, и окрашивает в красный цвет воду реки, так как исток ее прячется где-то в лесу. Ветви деревьев скручены, точно от боли, подобно ветвям старой маслины, а листья темны. В лесах Долины алмазов водятся и змеи, но никто их не боится. У змей красивые темно-малиновые гребни, и живут они по одной на дереве, обвиваясь вокруг диких ветвей. А еще змеи с малиновыми гребнями поют — как птицы в наших лесах.

Флорри. О, мне совсем не хочется туда.

Профессор. А между тем вам бы там очень понравилось. И змеи бы вас, конечно, не тронули, опасаться стоило только одного — что вы сами превратитесь в змейку.

Флорри. Но ведь это было бы ужасно.

Профессор. Вы бы так не думали, если бы и вправду обернулись змейкой, а, напротив, очень гордились бы своим гребешком, и до тех пор, пока вы оставались бы прежней малышкой Флорри (остаться прежней навсегда там невозможно), вы бы с большим удовольствием слушали пение чудесных змей. Они звенят, как цикады в Италии, но выдерживают такт и выводят превосходные мелодии. У большинства змей по семь голов с гортанями, и каждая берет одну ноту октавы, так что они могут петь хором, и, право, это выходит чудесно. Кроме того, светляки летают над опушкой всю ночь. Вы плаваете в море светляков, и все поле кажется волнующимся океаном, в котором отражаются звезды; но остерегайтесь дотрагиваться до них: это не итальянские светляки — они жгутся, как настоящие искры.

Флорри. Все это мне не нравится, я никогда не пойду туда.

Профессор. Надеюсь, Флорри. А если и пойдете, то уж точно вернетесь. Выйти оттуда очень трудно, потому что кроме лесов со змеями там есть гигантские скалы из матового золота, образующие лабиринт, который поднимается все выше и выше, пока золото не начинает дробиться, смешиваясь с глыбами льда. Такие ледники, наполовину изо льда, а наполовину из золота, семь раз промерзнув, свешиваются вниз и наконец падают со страшным грохотом, дробясь на смертоносные осколки, подобные наконечникам стрел знаменитых критских лучников, и превращаясь в снежно-золотистую пыль. Пыль эта при порывах горного ветра вздымается клубами и столбами — золотой пепел, холодный и тяжелый, покрывает тропинки. Путники, попавшие в лабиринт, падают замертво и отправляются на небеса. Те же, кому удастся спастись, в конце концов выбирают на тропинку, которая приводит их к королю долины. Король восседает на троне, а рядом с ним путникам видятся призраки существ, похожих на них самих. Эти призраки тоже восседают на тронах, откуда они как будто наблюдают все царства мира и всю славу их. На балдахине трона горит огненная надпись, которую они силятся прочесть, но не могут, потому что она создана из слов, похожих на слова всех языков, но не принадлежащих ни одному из них. Говорят, англичане находят, что слова эти имеют больше сходства с их языком, чем со всеми прочими. Но единственное сведение об огненной надписи получено от итальянца, который слышал, что сам король использовал эту фразу как военный клич: «Pape Satan, Pape Satan Allepe!»³

Сивилла. А разве все погибают там? Ведь вы говорили, что есть дорога, ведущая в долину и выводящая из нее.

Профессор. Да, но немногие находят ее. У того, кто идет тропинкой, с которой алмазы сметены прочь, и рукой заслоняет глаза от ослепительного блеска, наверное, есть шансы прийти к тому месту, где открывается неприметная расщелина в золотых скалах. Вы были в прошлом году в Шамони, Сивилла; воспользовались ли вы случаем, чтобы осмотреть вершину Эгюйдю-Миди?

Сивилла. Нет. Мы выехали из Женевы в понедельник ночью, весь вторник шел дождь, а уже рано утром в среду мы должны были вернуться в Женеву.

Профессор. Да? Таков способ Сивиллы осматривать страну внутренним оком. Но вы могли бы видеть вершину во время остановок, если бы облака немного рассеялись. Острый пик одной из скал на южном склоне точно просверлен буравом — там есть маленькое отверстие, которое вы могли бы видеть на высоте семи тысяч футов над долиной (когда облака быстро проносятся позади него или когда небо чисто). Сначала отверстие это кажется белым, потом темно-голубым. Точно такое же отверстие находится и на верхних скалах Долины алмазов, и издали кажется, что оно не больше отверстия игольного ушка. На самом же деле, говорят, через него можно провести навьюченного верблюда и увидеть чудесные вещи с противоположной стороны скалы. Впрочем, мне никогда не доводилось говорить с людьми, прошедшими через это «игольное ушко».

Сивилла. Думаю, теперь мы понимаем, о чем идет речь. Мы попробуем записать все это и хорошенько обдумать.

Профессор. Но, Флорри, хотя все, что я вам говорил, — правда, вы не должны думать, что те бриллианты, которые люди носят в кольцах и в ожерельях, обнаруживают лежащими на траве. Не хотите ли посмотреть, какими их находят на самом деле?

Флорри. О да, да.

Профессор. Изабелла, или вы, Лили, сбегайте в мою комнату и достаньте из верхнего ящика комода сундучок со стеклянной крышкой. (*Лили и Изабелла бегут наперегонки.*)

Появляется запыхавшаяся И з а б е л л а с сундучком, а за ней Л и л и .

Профессор. Как, Изабелла, вы, кажется, никогда не могли обогнать Лили, не правда ли?

Изабелла (запыхавшись). Лили опередила меня, но позволила мне... нести ... сундучок.

Профессор. Откройте-ка крышку, только осторожнее.

Флорри (заглянув в сундучок, разочарованно). Тут только большой невзрачный бурый камень!

Профессор. Да, не более того, Флорри, и таким считали бы его люди, если бы они были разумны. Но посмотрите, это не простой камень, а кварцевая друза, и в ней, если хорошенько приглядеться, вы увидите золотые блески. Так, а теперь замечаете ли вы эти две белые бусинки, лоснящиеся, как будто покрытые жиром?

Флорри. Можно до них дотронуться?

Профессор. Да, и вы убедитесь, что они не покрыты жиром, а просто очень гладки. Вот каковы эти роковые драгоценные камни. В этом самородке вы можете видеть в одной колыбели двух величайших врагов человечества, врагов более могущественных, чем все враждебные физические силы, заставившие страдать род людской.

Сивилла. В самом деле? Я знаю, что они причиняют много зла, но разве они не делают и много добра?

Профессор. Какого добра, дорогое дитя мое? Подумайте, становилась ли хоть одна дама лучше оттого, что носила бриллианты? А сколько женщин стали низкими, легкомысленными и несчастными, обуреваемые желанием заполучить их? Становился ли когда-нибудь мужчина лучше, завладев сундуками, наполненными золотом? Посмотрите историю любой цивилизованной нации, рассмотрите влияние богатства на преступность и несчастья, на жизнь и мысли ее высшего сословия, ее духовенства, купечества и вообще людей, живущих в роскоши. Все другие искушения сводятся, в сущности, к этому. Гордость, сладострастие, зависть и злоба — все платят дань корыстолюбию. Грех Иуды есть, вообще говоря, главный грех всего мира. Люди не то чтобы не верят во Христа, но они продают Его.

Сивилла. Такова уж человеческая природа! Не случайно возникла эта страсть, не из-за того же только, что был найден в земле прекрасный металл, называемый золотом. Если бы люди не нашли его, то нашли бы что-нибудь другое, и это другое тоже стало бы яблоком раздора.

Профессор. Там, где властям удавалось на время изъять драгоценные камни и металлы из употребления, дух народа остался здоровым. Человеку свойственно не корыстолюбие,

а великодушие. Но корыстолюбие может быть вызвано особой причиной, как болезнь — вирусом; и предмет, способный пробудить корыстолюбие, должен быть так прекрасен, чтобы можно было бы с наслаждением хранить его, даже если он совершенно бесполезен. Это главное условие. Вместе с возможностью распоряжаться собственностью в нас зарождается и растет инстинктивное желание побудить и других наслаждаться ею. Если вы прочитали достойную книгу, то захотите, чтобы о ней узнали и другие; если на вас произвела большое впечатление картина, вам захочется показать ее знакомым. Коль скоро вы научитесь хорошо управлять лошадью, плугом или кораблем — пожелаете сделать и из ваших подчиненных хороших наездников, землепашцев и моряков. И вам будет больно видеть, что окружающие портят прекрасные орудия, которыми вы мастерски владеете. Но лишь только наше желание сосредоточивается на чем-нибудь бесполезном, как к этому желанию примешиваются и наша гордость, и наше безрассудство, и в конце концов из людей мы превращаемся в каких-то каракатиц, у которых только и есть, что желудок да щупальца с присосками.

Сивилла. Но ведь, наверное, такие прекрасные вещи, как золото и алмазы, были предназначены для чего-то хорошего.

Профессор. Конечно, дорогая моя, — так же как землетрясение и чума, но их конечной цели мы постичь не в силах. Практическое же, непосредственное значение землетрясения и чумы состоит в том, что они истребляют нас, словно моль; и мы, подобно моли, должны мудро избегать их. Точно так же непосредственное влияние золота и алмазов состоит в усиленном разрушении душ (в каком бы смысле вы ни поняли это слово), драгоценные металлы и камни парализуют нравственные усилия человека и его волю в мире Божьем, и потому мудрая нация избегает их. Если бы деньги, тратящиеся в Англии на гранение алмазов, в течение десяти лет употреблялись на уничтожение скал, то не осталось бы ни одного опасного рифа, ни одной неудобной гавани на всех наших побережьях. Подумать только: Великобритания сама стала бы алмазом, достойным

огранки, настоящим драгоценным камнем. Тогда и мы, несчастные минералоги, могли бы иногда видеть прекрасные кристаллы алмаза, не изуродованные ювелирами.

Сивилла. Разве неграненые алмазы красивы?

Профессор. Нет, но интересны и, возможно, могли бы кое-что прояснить относительно происхождения алмазов.

Сивилла. Я думаю, химики уже умеют делать их.

Профессор. Да, в виде маленьких черных кристаллов, но никто не знает, как они образовались там, где их находят, и действительно ли они там образовались. Тот, что у меня в руках, смыт, по-видимому, с гор вместе с песком и золотом. Что касается золотоносного песка и золота, мы можем добраться до их месторождений, а в том, что касается алмаза, мы этого сделать не можем. Почитайте исследования об алмазе в какой-нибудь хорошей книге по минералогии — вы найдете только перечень месторождений золотых песков или золотоносных конгломератов (того же песка, только старого и слежавшегося). Некоторые говорят, что вначале это был древесный клей, а может быть, и древесный уголь; но куда интереснее узнать, почему и как древесный уголь превратился в Индии в алмаз, а у нас в долине Борроудель — только в черный графит.

Сивилла. Разве графит и алмаз состоят из одних и тех же элементов?

Профессор. В нашем графите есть небольшая примесь железа, но нет ничего такого, что могло бы препятствовать его кристаллизации. Ваши карандаши сплошь состоят из бесформенных алмазов, хотя и для карандашей было бы полезнее, если бы эти алмазы кристаллизовались.

Сивилла. А что такое кристаллизация?

Профессор. Самое время поговорить об этом, когда вы уже наполовину спите и всем давно пора пить чай. Что за легкомысленный народ эти девчонки!

Сивилла. Да, мы легкомысленны, но все равно хотим послушать про кристаллизацию.

Профессор. Милые мои, чтоб рассказать вам об этом, и недели не хватит.

Сивилла. А вы все-таки расскажите.

Профессор. По совести говоря, никто толком ничего не знает об этом.

Сивилла. Что ж, тогда расскажите о том, чего никто не знает.

Профессор. Ну, бегите и велите Доре приготовить чай.

Все встают, но Старому профессору, конечно, хочется, чтобы его уговорили продолжать беседу, — так оно и происходит.

Беседа проходит в большой классной комнате, куда все собрались по звонку.

Профессор. Итак, вы действительно пришли сюда затем, чтобы побеседовать о кристаллизации. С чего бы это? Вероятно, маленькие девочки думают, что разговор пойдет в том числе и о леденцах.

Самые молодые участники собрания выказывают все признаки не-удовольствия. И з а б е л л а , насупившись, строго смотрит на С т а - р о г о п р о ф е с с о р а и укоризненно качает головой.

Профессор. Знаете ли, милые дети, что, вот так рассевшись по рядам, вы сами кажетесь минералогу конгломератом розовых леденцов, упорядоченных силой природы? И если даже предположить, что вы нечто большее, тем не менее вы все-таки кристаллизовались, сами того не подозревая. Разве не слышал я суматохи и шушуканья минут десять назад, когда вы возвращались с игр и думали, что не успеете спокойно рассестись до начала нашей беседы? Разве вы не говорили о местах, разве не изумлялись, что маленьких почему-то всегда сажают поближе к профессору? Да, это и был процесс кристаллизации. Когда вы наперегонки бежали из сада по коридору, вы пребывали в состоянии, которое минералог назвал бы состоянием раствора и постепенного сгущения, когда же вы уселись по порядку, каждая на свое место, то кристаллизовались. Точно так же ведут себя и атомы минералов, когда нарушен порядок: они спешат как можно быстрее восстановить его.

Вы, конечно, захотите возразить мне: «Мы знаем наши места, а как могут знать их атомы? Мы иногда спорим из-за мест, а разве атомы (нам совсем не льстит сравнение с ними) спорят когда-нибудь из-за своих?» Хорошие вопросы, если бы вам вздумалось задать их! Я долго размышлял над этим и не стану больше называть вас атомами. Но не позволяйте ли мне называть вас первичными молекулами? (*Сдержанный, но решительный ропот несогласия.*) Нет? И пылинками тоже нельзя?

Пауза и печальное недоумение на лицах. Л и л и выражает общее мнение: «Пожалуйста, не называйте нас так».

Нет, дети, я не назову вас пылинками. И вы, когда вырастете, не приобретайте дурной и вредной привычки называть так себя. Вы лучше пыли, у вас иные обязанности, чем у пылинок, и узы любви, соединяющие вас, гораздо лучше простого упорядочения.

Но, с другой стороны, старайтесь всегда вести себя по крайней мере не хуже пылинок: помните, что они приходят в беспорядок только по принуждению, когда нет возможности поступать как им хочется. А для нас, дети, принуждение играет иногда совсем другую роль, не правда ли? (*Легкий ропот: Старый профессор делает чересчур личные намеки.*) Право, я никого конкретного не имею в виду. Но когда вы, Катрин, так краснеете, как не взглянуть на вас? Ну хорошо, вернемся к атомам. «Как они узнают свои места?» — спросите или могли бы спросить вы. Да, им приходится делать нечто большее — отыскивать путь к своим местам, и делать это спокойно и всем одновременно, не сталкиваясь друг с другом.

Попробую пояснить: предположим, вам надо построить замок с башнями, сводами и колоннами из кирпича известной формы, кое-как сваленного с телеги огромной беспорядочной грудой. Прежде чем строить, вы бы, конечно, сделали множество чертежей, пересчитали бы все кирпичи и, убедившись, что их достаточно для всего здания, стали бы класть фундамент медленно, постепенно, ряд за рядом.

Но в те тоскливые дни, когда дети не читают детских книг и не верят в волшебство, каково было бы ваше удивление, если бы настоящая великодушная волшебница в яркой одежде кирпичного цвета явилась бы из груды красных кирпичей, ударила по ней легонько волшебной палочкой и сказала: «Эй, кирпичики, по местам!» И тотчас же вся груда поднялась бы в воздух, словно рой красных пчел, и вы, привыкшие считать, что пчелы делают соты довольно странным способом, увидели бы, что соты делаются сами собой. Вы, Флорри, хотите что-то спросить: это видно по вашим глазам.

Флорри. Кирпичи превратились бы в настоящих пчел, с жалами?

Профессор. Нет, Флорри, нам нужно лишь представить себе летающие кирпичи. Вспомните, как с крыши в бурю срывает черепицу. Только черепица летит бог весть куда, а мои заколдованные кирпичи, хотя и лишены крыльев, хоть у них нет ни головы, ни глаз, что совсем уж плохо, все-таки находят дорогу к тем местам, которые им предназначалось занять в башнях и сводах. Каждый кирпич прилетает куда и когда следует, и каждый следующий кирпичик плотно прилегает к предыдущему.

Лили. Но кто же эти феи, создающие кристаллы?

Профессор. Есть, Лили, одна великая волшебница, которая может сотворить нечто гораздо большее, чем кристаллы, но и кристаллы она тоже наколдовывает. Мне снилось, будто я вижу, что она строит пирамиды, как строили их во время фараонов.

Изабелла. Это был лишь сон?

Профессор. Некоторые сновидения, Изабелла, правдивее, чем то, что мы видим наяву. Но я не стану вам рассказывать свой сон, если вы не хотите.

Изабелла. Нет, хотим, очень хотим, расскажите, пожалуйста.

Профессор. Бесполезно вам рассказывать: вы все слишком разумны и ничему не поверите.

Лили. Нет, мы не слишком разумны и поверим всему, если вы скажете, что мы должны верить.

Профессор. Хорошо. Дело было так. Помните, Сивилла, тот вечер, когда мы осматривали вашу древнюю пещеру в Кумах и удивлялись, что вы там больше не живете, а затем стали спрашивать себя, сколько же вам лет? А Египет предупредила, что вы нам не скажете и только она знает этот ваш секрет. Вы же рассмеялись — к радости Сивиллы — и сказали, что запряжете нам стаю журавлей, на которых мы, если захотим, можем слетать в Египет и осмотреть все что пожелаем.

Сивилла. Да, и вы отправились, но никак не могли отыскать желаемого.

Профессор. А известно ли вам, что Египет вдвое увеличила свою третью пирамиду и сделала к ней новый вход, и прекрасный вход?! Сначала нужно было пройти через входную камеру, обе двери которой были завалены камнями, затем поднять одну

за другой три гранитных спускных решетки. Лишь только мы прошли под ними, как Египет сделала знак кому-то наверху — и двери захлопнулись позади нас со страшным грохотом. Потом мы вошли в коридор, годящийся разве что для крыс, и Египет не пожелала идти дальше, сказав, что мы, если хотим, можем продолжать. Таким образом, мы подошли к отверстию в полу и затем к гранитному люку, но, посчитав, что зашли достаточно далеко, вернулись назад, а Египет только посмеялась над нами.

Египет. Ведь вы сами не захотели бы, чтобы я сняла корону и шла пригибаясь по коридору, годящемуся разве что для крыс?

Профессор. Вовсе не корона, Египет, и вы это отлично знаете, а оборки помешали вам идти дальше. Я предполагаю, однако, что вы охраняли их как символ разлива Нила, и вы правы.

Изабелла. Почему вы не взяли меня с собой? Там, где может пройти крыса, пройдет и мышь. Я бы не повернула назад.

Профессор. Нет, мышка, вы бы свободно прошли, но могли бы разбудить одну из кошек, которая и съела бы вас. Я очень рад, что вас там не было. После всего этого, я думаю, образы тяжелых гранитных блоков и подземной дороги сильно взволновали меня, и потому грезы мои часто принимали форму, противоречившую породившему их ощущению. И вот, прочитав с вами у Бунзена⁴ о камнях, которые не могут быть подняты рычагами, я стал грезить о камнях, поднимающихся самопроизвольно, словно на крыльях.

Сивилла. Теперь вы должны подробно рассказать нам о них.

Профессор. Мне снилось, что я стоял на берегу озера, со дна которого брали глину, чтобы изготавливать кирпичи для громадной пирамиды Азихиса. Кирпичи эти длинными рядами лежали на берегу. День клонился к вечеру, и я любовался закатом солнца. Вдруг там, где пустыня спускается к долине Нила, показалось что-то вроде темного столба. Я был изумлен, поскольку знал, что никакого столба там нет, а он между тем все рос и мало-помалу приближался, принимая форму великана, который не шел, а неся, словно песчаный вихрь. Когда

4 Бунзен Роберт Вильгельм (1811–1899) — немецкий химик.

он приблизился, я увидел, как серебристое облако, ближайшее к солнцу, а в одном месте даже перекрывшее его — как это облако, внезапно отделившись от солнца, быстро двинулось к столбу, словно стрела, пущенная из лука. Мне показалось, что оно светится, но, когда я подошел ближе к темному столбу, облако медленно опустилось и приняло образ прекрасной женщины, чьи прелестные голубые глаза излучали абсолютное спокойствие. Женщина была облачена в белое одеяние, поверх которого ее до колен окутывало облако, пронизанное солнечными лучами. Но только вся золотистая рябь его превратилась в перья, так что образовались два блестящих крыла, как у ястреба. На плече у нее висел ткацкий челнок с пряжей, а в левой руке женщина держала стрелы с огненными наконечниками.

Изабелла (хлопая в ладоши). О, это была Нейт⁵, это была Нейт! Теперь-то я знаю!

Профессор. Да, это была она. А когда два великих духа приблизились ко мне, я увидел, что это были Брат и Сестра, так как столбообразная тень принадлежала великому Птаху⁶.

Они заговорили, и звук их голосов был подобен доносившемуся издали пению. Я не мог разобрать каждого слова отдельно, но смысл сказанного был мне понятен. Я узнал, что Нейт спустилась на землю, чтобы взглянуть на работу своего брата и на ту, которую, по ее совету, царь должен был возложить на своих подданных. И богиня осталась недовольна, увидев лишь куски темной глины, а не порфира, или мрамора, или какого-нибудь другого прекрасного камня, на котором люди могли бы начертать изображения своих богов. Нейт стала упрекать брата: «О Владыко Истины! По твоей ли воле люди отливают в формы только глиняные кирпичи, перестав отливать статуи богов?» Владыка Истины вздохнув отвечал: «О сестра, ведь они на самом деле не любят нас; зачем же им воздвигать наши статуи! Пусть делают, что могут, и не лгут; пусть выдалбливают они свою глину, пусть трудятся и погибают».

5 Египетская богиня города Саис, в древнейший период — богиня охоты и войны. Геродот отождествлял Нейт с Афиной.

6 Египетский бог, в одной из трактовок — покровитель ремесел, бог-творец.

Синие глаза Нейт потемнели, и сказала она: «О Владыко Истины! Зачем им любить нас? Любовь их суетна. Зачем им бояться нас? Страх их низок. Пусть они свидетельствуют о нас и признают, что мы вечны».

Но Владыка Истины отвечал: «Они и знают, и не знают нас. Пусть же они молчат — истинно лишь их молчание».

Но Нейт возразила: «Брат, неужели ты вступишь в союз со смертью, потому что и она истинна? О ты, гончар, изваявший столько человеческих существ для бесчестья и так мало для славы, неужели ты не хочешь позволить им увидеть мое лицо? Неужели ты решил погубить их в рабстве?» — «Пусть строят, сестра, пусть строят», — только и ответил Птах.

Но Нейт не отступала: «Что же они станут строить, если я не буду участвовать в этом?»

Тут Птах принялся чертить жезлом на песке, и я вдруг увидел наброски больших городов, сводов, куполов, акведуков, бастионов и башен, поднимавшихся выше обелисков, скрывавшихся в облаках. И ветер вздымал мелкими волнами песок, по которому чертил Птах, и движение волн напоминало людскую толчею. А там, куда устремляла свой взор Нейт, линии стирались и исчезали.

«О брат, — сказала она наконец, — к чему это тщеславие? Если я, Царица Мудрости, не насмехаюсь над сынами человеческими, то как можешь делать это ты, Владыко Истины?» Но Птах отвечал: «Они думали связать меня, и будут связаны сами. Они будут работать в огне тщеславия».

Нейт посмотрела на песок: «Брат, в этом нет истинного труда, а только утомительная работа и бесполезная смерть».

И Птах отвечал: «Но не истиннее ли этот труд, сестра, чем твои изваяния сновидений?» Нейт лишь улыбнулась в ответ.

Она посмотрела на солнце, касавшееся горизонта пустыни, потом на груды кирпича с синеватым оттенком, лежавшие на берегу озера.

«Брат, — снова обратилась она к Птаху, — а долго ли будет строиться твоя пирамида?»

«Бог Тот приложит десять раз печать к свитку лет, прежде чем сложена будет ее вершина». — «Брат, ты не умеешь учить

своих детей работать, — сказала Нейт и продолжала: — Должна ли я возвести твою пирамиду до захода солнца?» — «Да, сестра, — отвечал Птах, — если ты хочешь приложить к этому свою крылатую руку». Нейт выпрямилась во весь рост; я слышал, как дыбом стал аспид на ее шлеме, и видел, как загорелись ее глаза. Она вынула одну пламенеющую стрелу из связки, которую держала в левой руке, и простерла стрелу над кучами глины. И кучи эти поднялись, как стаи саранчи, и рассеялись в воздухе, так что мгла покрыла все вокруг. А Нейт концом своей стрелы указала их место, и они выстроились рядами, как будто над землю нависло темное облако. Точно так же указала она на север и на юг, на восток и на запад, и летящие комочки глины разделились на четыре больших стройных потока, и один остановился на севере, другой на юге, третий на востоке, а четвертый на западе. Нейт на мгновение широко расправила крылья, но тут же сложила их, издав звук, похожий на шум морского прибоя, и махнула рукой в сторону фундамента пирамиды, заложенного на возвышении. И четыре потока, точно четыре птичьих стаи, потянулись вместе и опустились, подобно морским птицам, усаживающимся у подножья скалы. Когда они сошлись вместе, внезапно вспыхнуло пламя, такое же широкое, как сама пирамида, и поднялось до облаков. Пламя ослепило меня, и я на минуту зажмурился. А когда снова открыл глаза, то увидел на утесе уже готовую пирамиду, на горизонте же горело пурпуром заходящее солнце.

Девочки (каждая радуясь своему). Как я рада! Как хорошо! Но что же сказал Птах?

Профессор. Нейт не дождалась его ответа. Когда я обернулся назад, его уже не было, и я увидел лишь белое облачко у самого края заходящего солнца. Когда же солнце совсем закатилось, образ Птаха слился с мощной тенью и исчез.

Египет. Но пирамида Нейт осталась, не правда ли?

Профессор. Осталась. Но вы, Египет, и представить себе не можете, какое странное состояние душевного одиночества овладело мной, когда исчезли оба бога. У меня было такое чувство, будто я до тех пор никогда не знал, что значит быть одиноким, и необъятная даль пустыни была ужасна.

Египет. Я испытывала это чувство, когда была королевой. Мне хотелось наполнить весь дворец хотя бы изображениями богов, но я была бы очень рада увидеть и настоящих богов, если бы только это было возможно.

Профессор. Наберитесь терпения, ведь я еще не досказал свой сон. Вскоре сумерки сменились темнотой, и я уже с трудом различал пирамиду. Вдруг в воздухе раздалось глухое жужжание, и рогатый жук со страшными когтями упал у моих ног на песок — удар от его падения был похож на удар молота. Затем жук приподнялся на задние лапы, вытянул когти передних, и они тут же превратились в сильные руки, из которых одна сжимала настоящие железные щипцы, а другая — большой молот. На голове у него был шлем, и не было на нем видно отверстий для глаз. Задние же лапы жука превратились в сильные искривленные ноги со ступнями, изогнутыми вовнутрь. Итак, передо мной, опираясь на молот, стоял карлик в блестящих черных доспехах, более всего напоминавших спинку жука. Я от удивления не мог вымолвить ни слова, он же заговорил, и голос его звучал как заунывный, замирающий вдали звон колокольчика. «Я хочу великую пирамиду Нейт сделать малой, — начал жук, — я низший Птах, я имею власть над огнем. Я могу обессилить все сильное и придать мощь всему слабому. Из большого могу сделать малое, а из малого — большое». И он прихрамывая направился к пирамиде, и по мере его приближения пирамида делалась сначала темно-пурпурной, потом алой как кровь и, наконец, бледно-розовой. Я увидел, что пирамида внутри раскалилась докрасна. Низший, или маленький, Птах дотронулся до нее своими щипцами, и частицы пирамиды посыпались вниз, как песок в песочных часах, потом собрались, снова посыпались и, казалось, превратились в прах. Но вооруженный карлик нагнулся, взял все частицы в руку и сказал: «Со всем великим я могу сделать то же, что и с этой пирамидой, и отдать в руки людей для уничтожения». И я увидел в руках его пирамиду, построенную так же, как и большая, и во столько же рядов, но только очень маленькую. Внутри она была еще раскалена, так что

я боялся до нее дотронуться, но Птах сказал: «Дотронься, я обуздаю огонь, и он уже не может жечь». Я коснулся пирамиды, взял в руку, и она оказалась холодной и красной, как рубин. Птах расхохотался и, превратившись снова в жука, принялся яростно зарываться в песок. Мне показалось, что он и меня хочет закопать — я отпрыгнул и проснулся. В руке я крепко, до боли сжимал маленькую пирамидку.

Египет. Что вы сжимали в руке?

Профессор. Пирамидку.

Египет. Пирамиду Нейт?

Профессор. Да, скорее всего, но построенную не для Азихиса. Я знаю только, что это была маленькая розовая прозрачная пирамида, построенная из стольких рядов крошечных кирпичиков, что им и счету нет. А вы, я вижу, сомневаетесь в моих словах, недоверчивая египтянка. Но вот она. *(Подает кристалл розового флюорита.)*

Девочки толпятся, стараясь получше разглядеть кристалл, но на их лицах проступает лишь разочарование.

Сивилла *(не совсем отдавая себе отчет в том, почему она и другие девочки разочарованы)*. Вы показывали нам это и раньше.

Профессор. Да, но тогда вы не обратили на кристалл внимания.

Сивилла. Неужели ваш чудесный сон ограничился лишь этим?

Профессор. Но что же может пригрезиться прекраснее? Пирамида мала, спору нет, но когда вы начнете правильно судить о вещах, то понятия малого и великого перестанут для вас существовать. Созидание этой пирамиды было в действительности так же чудесно и так же непонятно, как и тот сон, который я вам рассказывал. Оно совершилось не так быстро, полагаю, но с той же скоростью, с которой создаются и большие предметы. Когда Нейт слагает снежные кристаллы, ей приходится куда больше возиться с атомами, приводя их в порядок с помощью огнедышащих стрел, чем когда она создает кристаллы флюорита, но богиня и со снежными справляется за минуту.

Египет. Зачем вы сбиваете нас с толку? Почему вы говорите, что это дело Нейт? Ведь вы не думаете, будто она действительно существует, не правда ли?

Профессор. Неважно, кем считаю ее я. Вам стоит подумать над тем, кем считали ее египтяне, окрестив Нейт, — или Гомер, называвший ее Афиной, или Соломон, определявший ее словом «Мудрость». Свидетельство о ней всех одинаково, и все народы принимали его: «Я была при Нем художницею, — читаем мы в притчах Соломона, — и была радостью всякий день, веселясь перед лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими».

Мэри. Не есть ли это только олицетворение?

Профессор. А если и так, что вы выигрываете, не признавая этого олицетворения, и какое вы имеете право не признавать его? Не лучше ли принять предложенный образ? Прислушайтесь как дети к словам, которые главным образом и касаются вас как детей: «Любящих Меня Я люблю, и ищущие Меня найдут Меня». **Пару минут девочки сидят смирно, а потом принимаются недоуменно переглядываться.**

Профессор. Сегодня я больше не могу говорить с вами. Возьмите этот розовый кристалл и подумайте.

Очень скучная беседа, на которую добровольно обрекли себя старшие ученицы. Некоторые из младших, впрочем, тоже приняли в ней участие, но по недоразумению. Беседа проходит в классной комнате.

Профессор. Итак, я нахожусь сегодня здесь единственно для того, чтобы отвечать на ваши вопросы. Не так ли, мисс Мэри?

Мэри. Да, и вы должны отвечать на них просто и ясно, не отвлекаясь на разные истории. Вы совсем портите детей. В их маленьких головках пестрые картины меняются, как в калейдоскопе, и они перестают понимать, что вы хотели сказать. Да и мы, старшие, тоже этого не понимаем. Сегодня вы должны общаться нам одни только факты.

Профессор. Согласен! Но вам это быстро надоест.

Мэри. Для начала скажите нам, что вы подразумевали под «кирпичами». Все крошечные частицы минералов так же схожи по форме, как кирпичи?

Профессор. Представления не имею, мисс Мэри. И даже не знаю, известно ли это в принципе. Мельчайшие атомы, видимые и фактически соединяющиеся вместе для образования большого кристалла, можно было бы лучше охарактеризовать как нечто, «ограниченное определенным направлением», а не «определенной формой». Я не могу дать вам ясного понятия об исходных атомах. Однако представление о маленьких кирпичиках или, может быть, о маленьких шариках, для нас с вами во всяком случае, будет приемлемым.

Мэри. Какая досада! Только захочешь узнать самую суть чего-нибудь интересного, а ответов-то на твои вопросы и нет.

Профессор. Да, Мэри, потому что мы не должны желать знать все — лишь то, что доподлинно известно, иначе желаниям нашим конца не будет. Если бы я мог показать вам или самому себе группу первоначальных атомов под микроскопом, то мы были бы ничуть не меньше разочарованы тем, что не можем разделить их на две части и рассмотреть, что внутри.

Мэри. Но хорошо, скажите же нам, что вы имели в виду, говоря, что кирпичи летают? Разве движение атомов похоже на полет?

Профессор. Находясь в растворе или в некристаллизованном виде, они действительно отделены друг от друга, как комары, летящие роем, или как рыбы, плывущие косяком, и находятся приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга. Определенное количество раствора различной степени густоты или на различной глубине содержит в себе большее или меньшее число растворенных атомов, в общем же можно считать их равноотстоящими, как горошинки на вашем платье. Когда они разъединяются только силой теплоты, вещество называется расплавленным; когда же они разъединяются каким-нибудь другим веществом, как частицы сахара водой, то говорят, что они растворились. Обратите, пожалуйста, внимание на это различие.

Дора. Теперь буду выражаться точнее. Когда в следующий раз вы скажете, что чай для вас недостаточно сладок, я отвечу: сахар еще не растворился, сэр.

Профессор. Я говорю вам о растворимости, мисс Дора, а вы прерываете. Знаете, если присутствующие станут слишком бесцеремонными, у нас получится форменный парламент.

Д о р а складывает руки и опускает глаза.

Профессор (продолжает с достоинством). Итак, надеюсь вам уже известно, мисс Мэри, что при надлежащей температуре практически все может быть расплавлено, подобно воску. Известняк плавится (под давлением); песок плавится; гранит плавится; вулканическая лава, эта смешанная масса различных горных пород, плавится. Расплавленное же вещество почти всегда, а пожалуй, даже всегда, кристаллизуется при охлаждении, и чем медленнее, тем совершеннее. Вода плавится, как мы говорим, на точке замерзания (хотя было бы корректнее называть ее точкой плавления) — и при охлаждении образует восхитительные лучистые кристаллы. Стекло плавится при высокой температуре, и если вы позволите ему достаточно медленно охладиться, то оно кристаллизуется звездочками, похожими на снежинки. Золото требует для плавки более высокой температуры, но кристаллизуется превосходно — сейчас я вам это продемонстрирую. Мышьяк и сера кристаллизуются в своих

парах. Но в каждом из этих случаев частицы обычно разделяются или под действием теплоты, или под влиянием других обстоятельств. При кристаллизации же они приближаются друг к другу и размещаются так, чтобы приладиться как можно плотнее, потому что тут для них главное не соединение, а упаковка. Кто упаковывал ваш чемодан, Изабелла, когда вы уезжали на прошлые праздники?

Изабелла. Это всегда делает Лили.

Профессор. А как вы думаете, сколько вещей Лили сумеетвтиснуть в ваш чемодан?

Изабелла. О! Я всегда приношу вдвое больше, чем он может вместить, и у Лили находится место для всего.

Лили. Но, Изи, если бы ты знала, как много времени уходит на это! А когда на твоём пальто появились большие твердые пуговицы, стало еще труднее. Они, ты знаешь, никак не укладываются.

Профессор. Да, Лили, хорошо, если бы Изи знала, сколько на это тратится времени, но мне хотелось бы, чтобы каждый из нас знал, сколько времени нужно кристаллизации для безупречной «упаковки». Горные частицы сваливаются в кучу точь-в-точь как вещи Изабеллы; тогда как множество Лили — не долин, а гор — являются для упаковки их. И это очень долгий процесс! Но, бесспорно, лучший способ понять это — кристаллизоваться самим.

Все. Самим!

Профессор. Да! Но только не так беспорядочно, как вы делали это на днях в классе, а тщательно, изящно, на лужайке для игр. Там вы можете сколько угодно играть в кристаллизацию.

Катрин и Джесси. Но как же? Как?

Профессор. Прежде всего вы должны как можно плотнее встать вместе посередине лужайки и для начала образовать какую угодно фигуру.

Джесси. Может быть, одну из фигур танцев?

Профессор. Нет, лучше квадрат или крест, но только стоя плотно друг к другу. Предварительно я советую вам обвести контур этой фигуры палочками или выложить камешками, чтобы видеть, правильна ли она. Затем войдите в очерченный

контур и суживайте или расширяйте фигуру, пока все не поместится в ней так, чтобы не оставалось пустого пространства.

Дора. В кринолинах и во всей одежде?

Профессор. Кринолины подойдут для случаев грубой кристаллизации, а если вы их сдавите, то сможете образовать полированный кристалл.

Лили. О, мы сдавим их, непременно сдавим!

Профессор. Потом, когда вы все поместитесь в фигуру, пусть каждая запомнит свое место и всех своих соседей. А находящиеся вне фигуры пусть прикинут, как далеко они стоят от углов.

Катрин. Хорошо, хорошо, а потом?

Профессор. Затем вы должны рассеяться по лужайке во все стороны равномерно и держаться на одинаковом расстоянии друг от друга. Тут большой точности не требуется, просто нужно оставаться друг от друга не ближе чем в паре метров.

Джесси. Мы можем нарезать куски веревки одинаковой длины и держаться за них.

Профессор. Потом по сигналу начинайте с одинаковой скоростью двигаться по направлению к очерченной фигуре и войдите в нее. Идите с песней, это поможет вам двигаться равномерно. Когда вы приблизитесь к фигуре, пусть те, кто окажется к ней ближе, первыми займут свои места, а следующие пусть примыкают к ним, и так постепенно, пока вы все не разместитесь снова внутри фигуры.

Катрин. О, вот будет весело, когда мы побежим друг за другом!

Профессор. Нет-нет, мисс Кэти, никакой беготни друг за другом. Атомы никогда этого не делают. Вы все должны знать свои места и найти к ним дорогу, не устраивая толкучки.

Лили. Но как же мы это сделаем?

Изабелла. Мне кажется, что, когда мы будем расходиться, те, кто стоял посередине фигуры, должны оставаться ближе к ней, а те, кто был по краям, должны отходить дальше.

Профессор. Да, вы должны держаться этого порядка, и тогда скоро все начнет получаться. Вы будете действовать как солдаты, строящиеся в каре, с той только разницей, что

в вашем случае каждая, добравшись до своего места, должна оставаться там, а другие — примыкать к ней. Впоследствии вы сможете выстраивать гораздо более сложные фигуры, чем квадраты.

Изабелла. Я на свое место положу камешек, чтобы легко узнать его.

Профессор. В принципе, каждая из вас может приколоть к дерну кусочек бумаги со своим именем, но это мало что даст, потому что, не запомни вы места, вы станете производить беспорядок, отыскивая свои имена. И если вы, Изабелла, с вашими маленькими глазками, головкой и мозгом (очень, впрочем, славными и вполне пригодными в своем роде) думаете, что не сумеете найти без камня своего места, подумайте, как же атомы узнают свои места, даже если раньше они никогда не были на них и места эти не отмечены камнями?

Изабелла. Но разве каждый атом знает свое место?

Профессор. А как же иначе мог бы он попасть на него?

Мэри. Не притягиваются ли они к своим местам?

Профессор. Нанесите на лист бумаги точки на одинаковом расстоянии друг от друга. Затем представьте себе какое угодно притяжение или любой закон притяжения между точками и подумайте, как вы можете составить из них посередине листа крест мальтийского ордена.

Мэри (произведя опыт). Да, я вижу, что не могу: для каждой точки потребовались бы различные притяжения, в разных направлениях, на разных местах. Но не предполагаете ли вы, что атомы живые?

Профессор. А что значит быть живым?

Дора. Ну, я знаю, сейчас вы начнете говорить всякие обидные вещи.

Профессор. Я не вижу ничего обидного в вопросе: что значит быть живым? Разве вы не знаете, живы вы или нет?

И з а б е л л а скачет из конца в конец комнаты.

Профессор. Да, Изабелла, это очень остроумно. И вы, и я можем называть это жизнью, но современные философы

называют это видом движения. Требуется определенное количество теплоты, чтобы вы могли дойти до буфета, и ровно столько же — чтобы вернуться обратно. Вот и все.

Изабелла. Нет, не все, да к тому же я и не разгорячилась.

Профессор. А вот я порой очень даже горячусь, слыша подобные рассуждения. Однако известно ли вам, Изабелла, что вы, быть может, всего-навсего частица минерала, которую химические силы заставляют передвигаться по комнате и вообще где бы то ни было?

Изабелла. Да, но меня никто не заставляет, я передвигаюсь сама.

Профессор. Суть в том, мышка, что не так трудно определить жизнь как нечто, благодаря чему предмет становится существом, имеющим свое собственное я. Как только вы выделили себя из всего остального мира в самостоятельное существо, так и стали живым.

Виолетта (с негодованием). О нет, нет, этого быть не может. Ведь вся духовная жизнь состоит в общении, то есть в соединении, а не в разделении.

Профессор. Где нет деления, там не может быть и общения. Но тут мы рискуем впасть в бездну метафизики. К тому же нам не следует особо мудрствовать сегодня, в присутствии младших. Как-нибудь в другой раз, если понадобится, мы станем мудрствовать как взрослые. (*Младшие девочки недовольны и готовы возражать, они не успокаиваются, зная по опыту, что непонятны все разговоры, в которых встречается слово «общение».*) А сейчас давайте вернемся к атомам. Я не думаю, что бы мы могли применять слово «жизнь» к энергии, не относящейся к известной, определенной форме. Семя, яйцо или молодое животное, собственно говоря, живы по отношению к силе, присущей этим формам, к силе, которая последовательно развивает именно эту форму, а не какую-либо другую. Но сила, кристаллизующая минерал, является главным образом внешней силой, которая не может создать вполне определенной индивидуальной формы, ограниченной в объеме, а может произвести лишь конгломерат, относительно

которого соблюдаются только некоторые, ограничивающие его законы.

Мэри. Но при этом я не вижу большой разницы между кристаллом и деревом.

Профессор. Прибавьте к сказанному, что это род силы в живом существе, предполагающий постоянные изменения в его элементах на протяжении определенного периода времени. Таким образом, вы можете определить жизнь связанным с ней отрицанием ее — смертью или еще более связанным с ней утверждением ее — рождением. Но мне не хотелось бы, чтобы вы сейчас одолевали меня этими вопросами. Если вам нравится думать, что кристалл — живой предмет, то, сделайте одолжение, думайте так. О скалах люди всегда говорили, что они «живут».

Мэри. Нельзя ли задать вам еще один вопрос?

Профессор. Только один?

Мэри. Один.

Профессор. А не превратится ли он в два?

Мэри. Нет, я думаю, что он так и останется одним-единственным и будет вполне уместен.

Профессор. Ну хорошо, я слушаю.

Мэри. Вот нам предстоит кристаллизоваться на площадке для игр. А какая же площадка есть у минералов? Где они бывают рассеяны до кристаллизации и где вообще образуются кристаллы?

Профессор. Мне кажется, Мэри, тут скорее три вопроса, чем один. А если один, то очень сложный.

Мэри. Но о сложности разговора не было.

Профессор. Хорошо, постараюсь ответить как можно лучше. Когда мокрый камень высыхает или когда камень охлаждается после нагревания, он непременно изменяется в объеме и по нему во всех направлениях бегут трещины. Эти трещины должны наполниться веществом, иначе камень постепенно начнет рассыпаться. Таким образом, они наполняются иногда водой, иногда паром или каким-нибудь другим неизвестно откуда являющимся веществом, способным к кристаллизации

и залепляющим пустые пространства, чтобы снова связать камень кристаллическим цементом. Пузырьки газов образуют в лаве множество пустот, таких, как в хорошо испеченном хлебе, и пустоты эти со временем заполняются разными кристаллами.

Мэри. Но откуда же берется кристаллизующееся вещество?

Профессор. Иногда оно поступает из самого камня, иногда снизу или сверху по трещинам. Либо все щели и поры растрескавшегося камня могут быть наполнены жидкостью или минеральными парами, либо один участок может быть наполнен, а другой пуст — этим «может быть» конца нет. Но для нашей сегодняшней цели вам следует представить себе только одно: что эти трещины скал, как пещеры в Дербишире, наполнены жидкостями или парами, содержащими в себе известные элементы в более или менее свободном состоянии, которые кристаллизуются на стенках трещин.

Сивилла. Ну вот, Мэри получила ответы на все свои вопросы, теперь моя очередь.

Профессор. А, да у вас, я вижу, заговор против меня — я должен был догадаться.

Дора. Но вы и сами задаете нам немало вопросов. Зачем же вы это делаете, если вам не нравится, когда вопросы задают вам?

Профессор. Дорогое дитя мое, если человек не отвечает на вопросы, ему безразлично, сколько ему их зададут: ведь они все равно его нимало не волнуют. Задавая вам вопросы, я никогда не надеюсь получить ответа, вы же, спрашивая меня, всегда ждете ответа, — вот в чем разница.

Дора. Хорошо, мы примем это к сведению.

Сивилла. Но всем нам страшно хочется спросить вас еще кое о чем.

Профессор. А я страшно не хочу, чтобы вы кое о чем спрашивали. Впрочем, вы, конечно, сделаете по-своему.

Сивилла. Мы ничего не поняли про низшего Птаха. Не только вчера, но и вообще из всего, что мы читали о нем у Вилькин-

сона⁷ и в других книгах, мы не можем понять, почему египтяне выбрали для своего бога такое маленькое и уродливое воплощение?

Профессор. Хорошо, я очень рад, что вопрос оказался именно таким, потому что я могу ответить на него, как хочу.

Египет. Нам все подойдет. Мы будем довольны ответом, если вы будете им довольны.

Профессор. Я в этом не вполне уверен, всемилостивая королева, потому и должен начать с заявления, что все королевы того времени так же не любили работать, как некоторые королевы нашего времени не любят шить.

Египет. Ну, это уж слишком нелюбезно с вашей стороны, особенно если учесть, что я старалась быть как можно вежливее.

Профессор. Но почему же вы говорили мне, что не любите шить?

Египет. Разве я не показывала вам, как нитки режут мне пальцы? Кроме того, у меня начинаются судороги в шее, когда я долго шью.

Профессор. Хорошо, предположим, и египетские царицы думали, что у всех людей сводит шею от долгого шитья и что нитки всем режут пальцы. По крайней мере, египтяне и греки презирали всякий ручной труд — пользуясь плодами такого труда, они все-таки считали унижительным заниматься им. Изучив основательно законы жизни, они понимали, что специальные упражнения, необходимые для того, чтобы довести любое ручное искусство до совершенства, неправильно укрепляют тело, развивая одни мышцы в ущерб другим. Но с особым ужасом и презрением они относились к тому низшему роду труда, который совершается при помощи огня. Однако, сознавая, что без него невозможно металлическое производство — основа всякого другого труда, — они выразили это смешанное чувство благоговения и презрения в образах хромого Гефеста и низшего Птаха.

Сивилла. А как, по-вашему, надо понимать его слова: «Я все великое могу сделать малым и все малое — великим»?

7 Вилькинсон Джон Гарднер (1797–1875) — английский египтолог.

Профессор. Я бы трактовал это так. Мы в новейшее время видели, что власть маленького Птаха развивается особым образом, о котором ни греки, ни египтяне понятия не имели. Отличительная черта настоящего, слепого, физического труда состоит в том, что он считает все подчиненным себе. В действительности же такой труд унижает и умаляет все, ему подчиненное, возвеличивая себя. Я как-то на днях слушал в Рабочем колледже одного оратора, и очень хорошего оратора, так он, когда речь зашла о железных дорогах, высокопарно заявил, что «они возвеличили человека и умалили мир». Слушавшие его рабочие были в восторге: всем было лестно, что они стали больше, а весь остальной мир — меньше. Я бы с радостью спросил их (но жаль было портить им удовольствие), до какой степени они желали бы уменьшить мир и действительно ли те из них, кто живет в самых крошечных домах, чувствуют себя самыми большими людьми.

Сивилла. Но почему же вы заставили маленького Птаха сказать, что он может слабое сделать сильным и малое — большим?

Профессор. Дорогая моя, он хвастун и завистник по природе, но то, что он сказал, — правда. По соседству с нами, например, обыкновенно разворачивалась ярмарка, и очень хорошая. Вы никогда не видывали такой, но, взглянув на картину Тернера «Холм Св. Екатерины», поймете, о чем идет речь. Там были интересные балаганы, поддерживаемые шестью, были панорамы, была и музыка с барабанами и цимбалами, было много леденцов, пряников и тому подобных прелестей. В аллеях этой ярмарки лондонцы веселились от души. Но вот низший Птах как-то раз взялся за нее: он заменил деревянные шести железными и поставил их крест-накрест, наподобие своих кривых ног, так что все постоянно спотыкались о них. Всю парусину он заменил витринами, а все маленькие балаганы соединил в один большой, и люди сочли это за новый стиль архитектуры, и нашли его очень красивым. Диккенс говорил, что ничего подобного нельзя встретить ни в одной волшебной стране, и это была чистая правда. Тогда маленький Птах задумал устроить здесь роскошную ярмарку. Он заново изобразил ниневийских тельцов,

с самыми черными глазами, какие мог нарисовать (потому что своих не было); раздобыл ангелов из Линкольнского церковного хора и позолотил их крылья, как прежде золотили пряники; он выписал отовсюду все диковины, какие только мог придумать, и поместил это в своем балагане. В нем были и статуи Ниобеи и ее детей, и шимпанзе, и деревянные кафры⁸, и новозеландцы, и дом Шекспира, и Великий Блонден⁹, и малый Блонден, были Гендель и Моцарт, и бесчисленное множество лавок со сладостями и пивом. И поклонники низшего Птаха говорили, что никогда еще не видали ничего более величественного!

Сивилла. Вы хотите сказать, что никогда не ходите на концерты в Хрустальный дворец¹⁰? Лучше их ничего быть не может.

Профессор. Я не посещаю шумных мест с миллионами дурных голосов. Когда мне хочется послушать пение, я прошу спеть «Трех бедных моряков» Джулию Мэннеринг, или Люси Бертрам, или адвоката Плейделя¹¹, и на другой день мне не приходится маяться головной болью. Впрочем, если выдается возможность, я не пропускаю небольших концертов, потому что — Сивилла права — они действительно очень хороши, особенно если занять место поближе к оркестру, откуда видно, как бьют в литавры.

Сивилла. Да будьте же серьезны хоть минуту!

Профессор. Я серьезен как никогда. Вы знаете, что нельзя проследить за движениями пальцев скрипача, но можно увидеть размах рук литаврщика, и это здорово.

Сивилла. Что за странная фантазия посещать концерты не ради того, чтобы слышать, а для того, чтобы видеть!

Профессор. Да, это нелепость. Самое разумное, по моему мнению, ходить туда, чтобы беседовать. Каюсь, однако, что

8 Кафры (от араб. kafir — неверный) — общее название темнокожих языческих племен Южной Африки.

9 Гравеле-Блонден Жан-Франсуа (1824–1897) — знаменитый французский канатоходец.

10 Дворец из стекла и металла, построенный в Лондоне в 1851 году к первой Всемирной выставке, революционное для своего времени сооружение. Сгорел в 1936 году.

11 Известная песенка Томаса Равенскрофта — английского композитора и музыковеда XVII века; герои романа Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог» (1815).

в большинстве концертов при хорошем исполнении меня главным образом интересует механизм этого дела. Я всегда думаю, как хорошо было бы, если бы сытых и надменных людей, нимало не заботящихся о своем копеечном полуцарственном достоинстве, заставляли выполнять хоть какое-нибудь копеечное дело.

Мэри. Но, бесспорно, Хрустальный дворец — большое благодеяние для лондонцев, не так ли?

Профессор. Чистый воздух Нарвудских холмов — вот настоящее благо. По крайней мере, таким благом он был, дорогая моя, но люди, насколько могли, прокоптили его дымом. А дворец (как они его называют) во многих отношениях для них лучше старой ярмарки. Их дворец не три дня, а всегда к их услугам и запирается только ночью. Вещи, находящиеся в нем, можно было бы, конечно, употребить с толком, если бы люди знали, как это сделать. Что до его воспитательного значения, то ничего народ там не может узнать, кроме разве самых низких творений маленького Птаха: то есть может научиться только работам молота и клещей. Я видел там на днях чудесный образчик такой работы. Несколько несчастных мастеров по металлу — я не уверен, известной ли фирмы, — потратили три года на изготовление золотого орла.

Сивилла. Из настоящего золота?

Профессор. Нет, из бронзы, меди или какого-нибудь явно скверного металла — но это неважно. Я хотел бы только обратить ваше внимание на этот образец Британского орла. Каждое перо, каждое волоконец пера, каждый стволик делались отдельно и в натуральную величину, а затем уже все части соединялись и скреплялись вместе. Вы знаете, дети, что я невысокого мнения о своих рисунках, но даю вам честное слово, что, если я попаду в зоологический сад и у меня в кармане сыщется огрызок карандаша, а американский орел соблаговолит несколько мгновений не вертеть головой, за полминуты я сделаю нечто лучшее, чем эта фирма за три года. Потому что в эти полминуты целью моей будет орел, а не я сам, тогда как в продолжение целых трех лет целью фирмы в каждом кусочке бронзы была она сама, а не орел. Вот истинное значение низшего Птаха:

у него нет глаз, и он может видеть только самого себя. Скарабей был не совсем типичным воплощением его; наш северный жук-навозник подошел бы куда лучше. Приятно видеть его за работой, как он собирает свои сокровища (какие имеются), скатывая их в маленькие шарики, и потом катит их к себе домой, не поднимая головы, подобно современным политэкономам, катящим свой шар капитализма, возвещая, что пороки служат для нации лучшей опорой, чем добродетели. Но довольно, дети, — что-то я устал.

Дора. Я спущусь в кухню и позабочусь о том, чтобы маленького Птаха не оказалось в буфете.

Деловая беседа в классной комнате, с перерывами для опытов. Большой школьный колокол прозвонил неожиданно.

Катрин (входит по первому зову, огорченная). О Боже, Боже, что за день! Ну не досадно ли! Только мы собрались кристаллизироваться, зарядил дождь и, я уверена, будет лить до вечера.

Профессор. Я тоже так думаю, Кэт. Небо приобрело самый что ни на есть ирландский вид, но я не понимаю, отчего это так печалит ирландских девочек. Представьте, что вы не хотите кристаллизироваться: до вчерашнего дня вам этого и вправду не хотелось, и вы совершенно не страдали от того, что идет дождь.

Флора. Да, но теперь мы хотим, а дождь не дает.

Профессор. Это значит, дети, что вы, обогатившись надеждой поиграть в новую игру, чувствуете себя несчастнее, чем были, когда такой надежды у вас не было и вы могли мечтать только о старых играх.

Изабелла. Да, не успели мы сыграть в кристаллизацию, а уже приходится ждать, ждать, ждать. К тому же и завтра может зарядить дождь!

Профессор. А может и послезавтра. Этими «а вдруг зарядит дождь» вы можете изрядно испортить себе настроение. Вы можете ими изранить, как острыми иголками, ваше маленькое сердце, Изабелла, пока не доведете себя до такого же беспокойства, до какого довели своими стрелами лилипуты Гулливера, не желавшего лежать тихо.

Изабелла. Но что же нам сегодня делать?

Профессор. Во-первых, успокоиться, как сделал Гулливер, поняв, что другого не остается, а затем поупражняться в терпении. Могу вас уверить, дети, что оно требует приблизительно столько же упражнения, сколько музыка, а между тем мы постоянно пропускаем эти уроки, когда является учитель. Вот сегодня у нас может получиться прекрасный урок адажио, если мы сыграем его как следует.

Изабелла. Но я не люблю этого урока. Я не могу сыграть его как следует.

Профессор. И тем менее вы уже можете сыграть сонату Моцарта, Изабелла? Надо больше упражняться. Вся жизнь — музыка, если вовремя берешь верную ноту. Только не нужно торопиться.

Катрин. Я уверена, что нет никакой музыки в вынужденном безделье в проливной дождь.

Профессор. В покое и вправду нет музыки, Кэт, согласен, но он порождает музыку. Увы, люди не умеют пользоваться этой частью жизненной мелодии. Она дается нелегко — как и все, что по-настоящему значимо, никогда не давалось легко. Люди постоянно твердят о настойчивости, о мужестве и непоколебимости, но терпение есть самая прекрасная, самая достойная черта непоколебимости — и самая редкая. Я знаю, что на двадцать настойчивых девочек приходится одна терпеливая. Только эта двадцать первая и может трудиться как следует и наслаждаться своим трудом. Терпение лежит в основе любого удовольствия, равно как и всякого рода могущества. Даже надежда перестает приносить счастье, если сопровождается нетерпением.

Изабелла и Лили усаживаются на полу, руки на коленях. Остальные следуют их примеру.

Милые дети! Не в этом выражается терпение. Сложенные руки не всегда покорные. Терпение, которое улыбается при виде страдания, обыкновенно стоит, ходит или даже бежит: оно редко сидит, хотя ему, бедному, и приходится иногда делать это на памятниках, или как даме у Чосера, что «... неподвижна и бледна, смиренно восседала на песке»¹². Но мы еще не подошли к этому сегодня. А не посвятить ли нам это дождливое утро выбору формы, в которую вам предстоит кристаллизироваться? Ведь мы о ней пока и знать не знаем.

Дети, олицетворявшие покорность, поднимаются с пола, не выказывая особого терпения. Общее одобрение.

12 Цитата из поэмы «Птичий парламент» Джеффри Чосера (ок. 1340–1400):
«Уступчивость, разумная жена,
При входе в храм держала полсть в руке;
А Кротость, неподвижна и бледна,
Смиренно восседала на песке...»
(пер. С. Александровского).

Мэри (ей вторят несколько девочек). Именно об этом мы и хотели вас попросить.

Лили. Мы рассматривали кристаллы в книгах, но все они такие страшные.

Профессор. Да, Лили, нам не миновать некоторых ужасов, это правда. Путь к истинному знанию не может быть сплошь усеян розами и устлан мягкой травой — всегда придется карабкаться по голым откосам. Вот вы находите чересчур страшными книги о кристаллах, и я согласен, что таковы они в большинстве своем, и мы лишь изредка будем прибегать к их помощи. Вы знаете, что, поскольку нельзя же вам стоять на головах друг у друга, вы можете изображать только часть кристалла — ту фигуру, которую он представляет в разрезе. Мы выберем что-нибудь очень легкое. Изобразите, например, алмаз.

Изабелла. Нет-нет, мы не станем изображать алмазов.

Профессор. Нет, станете, Изабелла. Алмазы прекрасны, если только ювелиры, короли и королевы не портят их. Вы будете изображать алмазы, рубины, изумруды и горный хрусталь. В одном из них середину займет Лили, что будет, конечно, вполне в порядке вещей, а в другом — Катрин, от чего мы будем ожидать самых лучших результатов. Вы можете также изображать флюорит и кальцит, и золото, и серебро, и живую ртуть, хотя живости в вас и так достаточно.

Мэри. Только, знаете, от всего этого голова идет кругом: нам, право, нужно взять карандаши и бумагу и начать дело по порядку.

Профессор. Погодите, мисс Мэри! Раз классная комната сегодня свободна, я попробую дать вам некоторое понятие о трех больших группах, или классах, кристаллов, в которые входят все остальные. За основу можно будет взять только одну фигуру, и ее мы начертим за пару минут, с общей же идеей лучше познакомиться предварительно. Я должен показать вам много минералов, так что приготовьте мне три стола, обращенных к окнам, чтобы разложить образцы. Мы разложим каждую группу кристаллов на отдельном столе.

Первый перерыв, во время которого начинается суета — двигают покрытые сукном столы. В и о л е т т а , не обращая особого внимания на то, что происходит вокруг, пробирается в угол и просит уединения, так как хочет подумать.

Виолетта (через какое-то время). Как странно, получается, что все делится на три части!

Профессор. Все не может делиться на три. Плющ не делится, а трилистник делится.

Виолетта. Но, по-видимому, все самые изящные вещи делятся.

Профессор. Фиалка не делится.

Виолетта. Нет, конечно! Но я говорю о больших предметах.

Профессор. Я слышал, что земной шар делится на четыре части.

Изабелла. Хорошо, но вы говорили, что на нем совсем нет делений. Может быть, его можно разделить на три.

Профессор. Если бы он был разделен не более, чем на три части — я говорю о его наружной поверхности, — то на нем хорошо было бы жить. А если бы его внутреннее пространство состояло только из трех частей, то на нем скоро совсем нельзя было бы жить.

Дора. Так мы никогда не доберемся до кристаллов. *(В сторону, Мэри.)* Он увлечется политэкономией, прежде чем мы узнаем что-нибудь о кристаллах. *(Громко.)* Итак, кристаллы делятся на три разряда?

Профессор. Нет, но для лучшего ознакомления с ними их можно разделить на три большие группы, которые, в свою очередь, делятся на другие, более мелкие.

Лили (печально). И на многие другие? Неужели нам придется изучать все?

Профессор. На бесчисленное множество, так что всех вы изучить не сможете.

Лили (с большим облегчением). Значит, мы будем изучать только три?

Профессор. Конечно! Но я не удивлюсь, если, познакомившись с этими тремя группами, вы пожелаете познакомиться

и с некоторыми другими. Кэти, у вас сегодня утром порвались коралловые бусы?

Катрин. Ах! Кто вам сказал? Да, порвались, когда я прыгала. Мне их очень жаль.

Профессор. А я рад. Не можете ли вы принести эти кораллы?

Катрин. Я потеряла несколько бусинок, но остальные у меня в кармане. Не знаю только, смогу ли я их достать.

Профессор. Но вы же собирались их достать когда-нибудь, так попробуйте сделать это сейчас — мне они нужны.

К а т р и н высыпает все из своего кармана на пол. Бусины рассыпаются — равно как и девочки. Второй перерыв — все собирают бусины.

Профессор (прождав терпеливо минут пятнадцать, обращается к вылезавшей из-под стола с последними найденными кораллами в руке растрепанной Изабелле).

Мышки бывают иногда очень полезными существами. Ну, мышка, я хочу кристаллизировать все эти бусинки. Сколько существует способов привести их в порядок?

Изабелла. Первый способ, я думаю, состоит в том, чтобы нанизать их на нитку?

Профессор. Да. Но нанизывать исходные атомы вы не сможете, а сможете уложить их в ряд, и они сами как-нибудь соберутся в длинную щепочку или иголку. Мы будем называть их «иглообразными кристаллами». Какой же следующий способ?

Изабелла. Мне кажется, что надо придать им разные формы — как те, что примем мы на площадке для игр, когда пройдет дождь.

Профессор. Да. Для начала выберем что-нибудь попроще. Сложите бусинки плотнее в четырехугольник.

Изабелла (после долгих стараний). Я не могу сложить их плотнее.

Профессор. Хорошо. Теперь вы знаете, что, если захотите принять форму четырехугольника таким беспорядочным способом, у вас ничего не получится. Давайте попробуем выложить четырехугольник из палочек. Изабелла, возьмите сначала четыре бусинки одного размера и сложите из них квадратик.

Вы можете видеть, что он состоит из двух палочек, а каждая палочка — из двух бусинок. Затем вы можете сделать четырехугольник побольше, состоящий из трех палочек, в три бусинки каждая. Потом еще больше, во сколько палочек, Лили?

Лили. Из четырех палочек по четыре бусинки в каждой, наверное.

Профессор. Да, а потом пять палочек по пять бусинок и так далее. Теперь сделайте еще один четырехугольник из четырех штук. Вы видите, что получается квадрат, а посередине остается небольшое свободное пространство.

Изабелла (сближая две противоположные палочки). Теперь нет отверстия.

Профессор. Верно, но теперь это уже не квадрат. Сблизив одни палочки, вы отдалили две другие.

Изабелла. Но они, как бы то ни было, лежат теперь плотнее, чем прежде.

Профессор. Да, потому что раньше каждая из них касалась только двух, а теперь каждая из двух средних касается остальных трех. Отнимите одну из наружных, Изабелла: вот у вас теперь треугольник из трех — самый маленький, какой только можно сделать из ваших кораллов. Теперь приложите к одной стороне палочку из трех бусинок, и у вас будет треугольник из шести бусин, но такой же точно формы, как и первый. Потом приложите палочку из четырех штук к одной из сторон, и у вас будет треугольник из десяти бусин, потом из пяти штук, и вы получите треугольник из пятнадцати бусинок. Тут перед вами и четырехугольник из пяти штук на каждой стороне, и треугольник из пяти штук на каждой стороне, следовательно, такой же равносторонний, как и четырехугольник. Таким образом, сколько бы вас ни было, много или мало, вы можете скоро научиться кристаллизоваться в эти две фигуры, которые служат основной формой как самых распространенных (а значит, и самых важных) минералов, так и самых редких, а следовательно, для нас с вами тоже самых важных минералов в мире. Посмотрите на этот минерал у меня в руке.

Виолетта. Как, это лист золота?

Профессор. Да, но он расплющен не человеческим молотком, или, быть может, вовсе не расплющен, а соткан. К тому же попробуйте, какой он тяжелый. Тут золота достаточно, чтобы позолотить стены и потолки, если сильно расплющить его.

Виолетта. Как оно красиво! Блестит, как листок, покрытый инеем.

Профессор. Вы находите его красивым, потому что знаете, что это золото. На самом деле оно не красивее бронзы, потому что это трансильванское золото, а там на приисках, говорят, есть сумасшедший гном, который мечтает жить на луне, потому и примешивает к золоту немного серебра. Не знаю, отчего это зависит, но только серебро всегда есть в том золоте; если это делает гном, то пусть ему будет стыдно, потому что нигде золото не выткано так тонко.

Мэри (смотревшая в луну). Но оно не выткано, оно все состоит из маленьких треугольников.

Профессор. Говорите в таком случае: состоит из крапинок, если хотите быть точной. Но если вы представите себе, что все эти мельчайшие треугольники (а многие из них бесконечно малы) состоят также из палочек, а палочки из зерен или бусин, как и наш большой коралловый треугольник, какое название дадите вы этому производству?

Мэри. Для него нет названия.

Профессор. Да, и это была бы не беда, если бы можно было вообразить его. Во всяком случае, этот желтый листок матового золота, упавший не с дерева, а с разрушившейся скалы, поможет вам запомнить другого рода кристаллы, листовые, или пластинчатые. И я показываю вам эту форму прежде всего на золоте только для того, чтобы произвести на вас сильное впечатление, хотя для золота нетипичны пластинчатые кристаллы. Настоящие пластинчатые кристаллы — это слюда, которую вы сразу узнаете, что бы вы с ней ни делали, как бы ее ни измельчили. И у вас будет масса возможностей посмотреть на слюду — в нашей местности этот минерал встречается часто.

Катрин. А что если мы измельчим ее хорошенько! Можно нам попробовать?

Профессор. Можете даже в порошок растереть, если хотите. **Пластинки бурой слюды передаются для общего рассмотрения. Третий перерыв. Все без исключения подвергают слюду философскому исследованию.**

Флорри (которой достались последние кусочки). Всюду листочки, листочки и ничего, кроме листочков или белой пыли.

Профессор. И сама пыль эта есть не что иное, как мельчайшие листочки. *(Дает Флорри посмотреть на них через лупу.)*

Изабелла (выглядывая из-за плеча Флорри). Этот кусочек под лупой похож на тот кусочек, который мы смотрели без лупы. Если бы мы могли раздробить его под стеклом, что бы из него получилось?

Профессор. Те же листочки.

Изабелла. А если бы мы раздробили и их?

Профессор. Все равно листочки.

Изабелла (нетерпеливо). А если мы раздробим их еще, и еще, и еще, и еще, и еще?

Профессор. Думаю, в конце концов мы дойдем до известного предела, если только способны будем увидеть его. Заметьте, что маленькие кусочки несколько отличаются от больших: я могу сгибать их, и они остаются согнутыми; большие же, когда их согнешь немного, тотчас же распрямляются, как только их отпустишь, и ломаются, если продолжаешь гнуть дальше. Большой же слой их совсем не гнется.

Мэри. Может ли и этот золотой листок быть также разделен на мелкие листочки?

Профессор. Нет, поэтому-то я и говорил вам, что это нехарактерный образец пластинчатой кристаллизации. Твердые кристаллы состоят из маленьких треугольников, как, например, этот, похожий на биотит, или черную слюду. Но вы видите, что он состоит из треугольников, подобных треугольникам золота, и может в кристаллах считаться промежуточным звеном между слюдой и золотом. Однако биотит — самый распространенный минерал, а золото — самый редкий металл.

Мэри. Это ведь железо? Я никогда не видела такого блестящего железа.

Профессор. Это — ржавчина железа, тонко кристаллизованная, которую из-за сходства со слюдой часто называют железной слюдкой.

Катрин. А ее мы тоже можем раздробить?

Профессор. Нет, потому что мне нелегко будет найти другой такой кристалл, да к тому же он и не дробится, как слюда, биотит гораздо тверже. Но возьмите опять микроскоп и взгляните, как изящны зазубренные концы треугольника там, где они лежат слоями один над другим. У золота такие же концы, но здесь их можно лучше разглядеть — они предстают в виде бесчисленных слоев и последовательных углов, словно превосходно укрепленные бастионы.

Мэй. Но не все пластинчатые кристаллы состоят из треугольников?

Профессор. Далеко не все. Слюда иногда состоит из треугольников, но чаще — из шестиугольников. А вот пластинчатый кристалл фосфорита, состоящий из четырехугольников. Рассматривая его, вы узнаете, что у его «листьев» есть и своя летняя зелень, и осенняя желтизна.

Флорри. Ой-ой-ой! (Скачет от радости.)

Профессор. Разве вы, Флорри, никогда раньше не видели зеленых листочков?

Флорри. Видела, но не такие блестящие и не в камне!

Профессор. Если вы посмотрите на листья деревьев, освещенные солнцем после дождя, то увидите, что они блестят гораздо сильнее, чем эти, — и, наверное, они ничего не теряют от того, что покоятся на ветвях, а не в камнях.

Флорри. Да, но и этих немало, а между тем мы никогда их не видим.

Профессор. Вот возьмите, Флорри, и смотрите.

Виолетта (вздыхая). Как много хороших вещей мы еще не видели.

Профессор. Ну, об этом вздыхать не стоит, Виолетта, но всем нам следует вздыхать о том, что на многое дурное мы вовсе не обращаем внимания.

Виолетта. Мы не хотим смотреть на дурное!

Профессор. Вы бы лучше сказали: «Не хотим терпеть дурного». Вас должно радовать, что Бог создал гораздо больше красот, чем могут охватить человеческие взоры, и огорчать то обстоятельство, что человек совершил куда больше зла, чем в силах постичь его душа и исцелить руки.

Виолетта. Не понимаю, какое отношение это имеет к листьям?

Профессор. Один и тот же закон сказывается в нашем пренебрежении как к разрастающемуся злу, так и к приумножающемуся добру. Флорри прыгает от радости при виде маленького зеленого листка в темном камне и обращает на него больше внимания, чем на всю зелень лесов. И вы, и я, и каждый из нас чувствовал бы себя несчастным, если бы хоть одно человеческое существо сильно страдало вблизи нас, а между тем мы каждый день можем за завтраком читать, как убивают людей и как женщины и дети умирают от голода, быстрее, чем листья усыпают ручьи в Валломброза¹³, и затем как ни в чем не бывало отправляться играть в крокет.

Мэй. Но мы же не видим убиваемых и умирающих с голоду!

Профессор. Вы так же не видели и вашего брата, когда на днях получили телеграмму, что он болен, однако, Мэй, тогда вы плакали и не играли в крокет. Но сейчас не время говорить о подобных вещах. Не перебивайте меня хоть пару минут и не задавайте вопросов, а то мы постоянно отвлекаемся («расслаиваемся», выражаясь языком минералогии). Тут, правда, больше моей вины, чем вашей, но теперь я должен идти прямо к цели. Надеюсь, вы получили ясное представление о листовых кристаллах и знаете, какой вид они имеют. Вам нетрудно будет запомнить, что *folium* — латинское название листа и что отдельные напластования слюды или подобных камней называются *folia*. А поскольку слюда самый характерный из этих камней, то и другие сходные с ней по структуре камни называются слюдами. Таким образом, у нас есть урановая слюдка, зеленый листок

¹³ Бенедиктинское аббатство, находящееся в коммуне Реджелло в Тоскане. Основано в 1038 году, в 1808-м разграблено войсками Наполеона, с 1870-го находилось в собственности школы лесного хозяйства. Часто упоминается в английской поэзии, начиная с Мильтона.

которой я вам показывал, и медная слюдка, подобная урановой, но состоящая главным образом из меди. А вот это железная слюдка. Итак, вот две больших группы: игольчатые кристаллы, состоящие (вероятно) из зерен в палочках, и листовые кристаллы, состоящие (вероятно) из спутанных волокон. Но есть еще и кристаллы третьего рода — в грудках, пучках либо в глыбах, состоящие или из листочков, лежащих один над другим, или из волокон, связанных как римские фасции. И сама слюда, хорошо кристаллизованная, располагается такими глыбами, как бы для того, чтобы показать нам строение других. Вот темный шестисторонний кристалл, так же гладко обтесанный, как башня замка, но вы видите, что он состоит из листочков слюды, лежащих один над другим и разрушающихся, лишь только я касаюсь их края перочинным ножом. А вот другая шестиугольная башня точно такого же размера и цвета, и мне хотелось бы, чтобы вы внимательно сравнили ее со слюдой. Впрочем, мне не терпится немедленно рассказать вам, в чем разница между ними. Во-первых, вы увидите, что второй материал гораздо тяжелее слюды, а во-вторых, царапая его ножом, вы найдете, что этот материал не так легко разрушить, хотя поверхность его на вид не отличается от поверхности слюды.

Катрин. Могу я попробовать?

Профессор. Да, недоверчивая Кэти. Вот вам мой прочный нож. *(Пауза, необходимая для проведения опыта. Катрин старается изо всех сил.)* Смотрите, ножик сложится и ударит вас по пальцу, а я не знаю ни одной другой девочки, которая с таким неудовольствием, как Кэти, проходила бы неделю с завязанной рукой.

Катрин (действительно не находя удовольствия в подобной перспективе, неохотно возвращает нож). Чем же может быть эта скверная твердая штуковина?

Профессор. Это не что иное, как подобие отвердевшей глины, Кэт. Она, несомненно, очень тверда, но могла бы быть и гораздо тверже. Будь она вполне хорошо кристаллизована, в ней не видно было бы ни одного слюдяного излома, и камень этот был бы красен и прозрачен.

Катрин. Не можете ли вы показать нам такой камень?

Профессор. Египет может, если вы ее попросите. У нее есть такой камень, очень красивый, в ее любимом браслете.

Катрин. Как, это рубин?!

Профессор. Да, и эту вещь вы царапали, Катрин.

Катрин. Да, моя милость царапала ее! *(Снова осторожно берет камень — и роняет его. Общее изумление.)*

Профессор. Ничего, Кэти, ему бы ничего не сделалось, даже если бы вы сбросили его с крыши дома. Знаете, хотя вы и очень хорошая девочка и никому не уступите в доброте, однако помните, что и у вас, как и у всех остальных, есть недостатки. Я на вашем месте в следующий раз, желая окончательно доказать что-то, сделал бы это «своею греховностью», а не «своею праведностью»¹⁴.

Катрин. Ах, грешно вам так говорить!

Профессор. Ну что ж, в таком случае я проявил свою «дурную сторону». Но вы можете так же ловко поднять рубин, как бросили его, и посмотреть, как красивы шестиугольники, блистающие на его поверхности. А вот прекрасный сапфир (по сути, такой же камень, как и рубин), в котором вы снова увидите красивую структуру, напоминающую нити тончайшей белой паутины. Мне известна в точности система строения рубина, но вы можете видеть по этим линиям, как тонка она в этом самом твердом из камней (после алмаза), являющемся обыкновенно в виде плотных зерен или пучков. Нет, следовательно, реального минералогического различия между игольчатыми кристаллами и зернистыми, но на практике кристаллизованные массы принадлежат к одной из тех трех групп, которые мы сегодня рассматривали. По форме каждая в отдельности бывает или волокнистая (игольчатая), или листовая, или зернистая. Волокнистые камни сравнительно редки, но волокнистых минералов бесчисленное множество. Часто задается вопрос, который может решить каждая девочка: когда волокна правильнее называть «нитями», а когда «иглами»? Вот, например, амиант (его

14 Отсылка к проповеди английского проповедника и богослова Чарльза Гаддона Сперджена (1834–1892).

еще называют горным льном), он почти так же тонок и мягок, как нитка, которой вы шьете. А вот блестящий сульфид висмута с острыми кончиками, как у вашей иголки или соединенный в белые паутины кварц, который нежнее вашего тончайшего кружева. Вот сульфид сурьмы, или антимонит, имеющий вид серой шерсти и состоящий из стальных игольчатых кристаллов; а вот и красная окись меди (не дышите на нее, когда смотрите, иначе вы можете сдуть часть оболочки на камне), напоминающая ярко-красный шелк. Однако эти тонковолокнистые формы сравнительно редки, а вот игольчатые кристаллы встречаются постоянно, так что, по моему мнению, это название самое подходящее. Затем к листовым кристаллам, как я уже говорил, принадлежит огромная масса слоистых минералов, а к различного рода зернистым кристаллам принадлежат главным образом зернистые, или граниты и порфиры. И для меня всегда интереснее (думаю, со временем вы ко мне присоединитесь) рассматривать причины, заставляющие данный минерал принять ту или иную из трех главных форм, чем останавливаться на особенностях геометрических границ кристаллов, из которых данный минерал состоит. Мне интереснее, например, выяснить, почему красная окись меди, кристаллизующаяся обычно в кубы и восьмигранники, меняет на этом вот руднике свои кубы на красный шелк, чем выяснять, какие углы восьмигранника абсолютно необходимы, чтобы составить ее обычную форму. Во всяком случае, эта математическая часть кристаллографии совсем не по силам девочкам, а вот беседы о различных свойствах и видах кристаллов будут вам не только понятны, но и весьма интересны. Потому что в достижении ими во что бы то ни стало нужной формы есть качества, очень похожие на человеческое достоинство, качества, которые точнее всего могут быть выражены словами: Добродетель или Мужество кристаллов. И если вы, дети, не боитесь, что вам будет стыдно перед кристаллами, то мы постараемся завтра составить о них некоторое представление. Но это будет необязательная беседа, больше касающаяся вас, чем минералов. Если не хотите, не приходите.

Мэри. Я уверена, что кристаллы заставят нас устыдиться, но мы все равно придем.

Профессор. А сейчас рассмотрите внимательно в лупу эти игольчатые и волокнистые кристаллы, равно как и те, которые лежат на остальных двух столах, и посмотрим, какие мысли зародятся на их счет в ваших маленьких головках. Самые лучшие мысли обыкновенно являются непринужденно, как бы сами собой. Итак, надеюсь, вы перенесете терпеливо сегодняшнее несчастье.

Мирная послеобеденная беседа в гостиной у окна, в которое светит солнце. Присутствуют: Флорри, Изабелла, Мэй, Люцилла, Катрин, Дора, Мэри и еще несколько юных леди, сумевших найти время для необязательной беседы.

Профессор. Итак, вы, девочки, действительно пришли с добрым намерением испытать стыд?

Дора (очень кротко). Нет, мы в этом не нуждаемся, нам всегда стыдно.

Профессор. Что ж, звучит убедительнее многих хороших слов, но знаете ли вы, дерзкая девочка, что у некоторых куда больше причин краснеть, чем у всех остальных, и уверены ли вы, что все сочувствуют вам?

Гул голосов. Да, да, все!

Профессор. Как! Флорри стыдно за себя?

Флорри прячется за штору.

Профессор. И Изабелле?

Изабелла лезет под стол.

Профессор. И Мэй?

Мэй исчезает в углу за пианино.

Профессор. И Люцилле?

Люцилла закрывает лицо руками.

Профессор. Боже, Боже мой, ведь этому и конца не будет. Я лучше расскажу вам не про достоинство, а про недостатки кристаллов, чтобы придать вам бодрости.

Мэй (выходя из своего угла). А разве у кристаллов есть недостатки, как и у нас?

Профессор. Конечно, Мэй. Их лучшие достоинства обнаруживаются в их борьбе с недостатками, причем у некоторых таких очень много. Действительно, попадаютса совсем скверные кристаллы.

Флорри (из-за занавески). Такие же скверные, как я?

Изабелла (выглядывая из-под скатерти). Или как я?

Профессор. Право, не знаю. Они никогда не забывают своего места, которое им однажды показали. Но я думаю, что некоторые из них в целом хуже, чем каждая из вас. Как нехорошо, что вы просияли, едва услышав это.

Дора. Но ведь это очень утешительно.

Все явно приободрились. Флорри и Изабелла выходят из засады.

Профессор. Как, однако, благосклонно относятся девочки к недостаткам ближних! Мне кажется, вы отныне должны стыдиться этого, дети! Я же скажу вам, что вы услышите сегодня о величайших достоинствах кристаллов, и мне бы хотелось, чтобы их было еще больше. Но у кристаллов есть ограниченный, хотя и строгий кодекс нравственности, а их главные добродетели — чистота и красота формы.

Мэри. Чистота! Вы имеете в виду ясность или прозрачность?

Профессор. Нет, если не считать кристаллов прозрачных веществ. Кристалл золота, например, не может быть прозрачным, хотя он может быть очень чист.

Изабелла. Но вы говорили, что кристаллы могут быть разной формы, следовательно, она и должна быть первым, а не вторым их достоинством.

Профессор. Правда, задорная мышка! Но я назвал форму их вторым достоинством, потому что она зависит от времени и всяческих случайностей, то есть от обстоятельств, неподвластных кристаллу. Если он слишком быстро охлаждается или сотрясается, то должен принять случайную форму, но при этом в нем, по-видимому, сохраняется способность отбрасывать все нечистое, если в нем только достаточно кристаллической жизни. Вот кристалл кварца, достаточно хорошо оформленный в своем роде, но у него как будто кручина и тяжесть на сердце: в него вошло какое-то белое молочное вещество и пропитало его насквозь. Кварц стал почти желтым, если смотреть на него против света, и молочно-голубым с поверхности. А вот другой кристалл, разбитый на тысячу отдельных граней, не имеющий определенной формы, но он чист, как горный поток. Мне этот больше нравится.

Все. И мне... и мне... и мне!

Мэри. А кристаллографу тоже?

Профессор. Мне кажется, что и ему. Он нашел бы много новых интересных законов, подтвержденных неправильно

сформированным, но чистым кристаллом. Конечно, бесполезно обсуждать, заслуживает чистота кристалла первого места или второго, но это главное, если не самое благородное достоинство. И всегда следует прежде всего подумать о ней.

Мэри. Но что же мы должны думать о ней? Разве она стоит того, чтобы ломать голову и уделять ей много внимания?

Профессор. Я не знаю, что вы понимаете под словом «много». Я давно не встречал ничего, заслуживающего мало внимания. Это справедливо и в отношении кристаллов. Кристалл может быть либо грязен, либо чист — вот и все. Точно так же, как и человеческие руки и сердца. Только руки можно помыть, не изменяя их, а вот сердца и кристаллы очистить так нельзя. Вообще, пока вы молоды, следует заботиться о том, чтобы не понадобилось отмывать ваши сердца, а то, может быть, придется их разбить.

Девочки недоумевают. Люцилла наконец набирается смелости.

Люцилла. О, мы, конечно, не можем очистить наши сердца!

Профессор. Да, это нелегко, Люцилла. Так что лучше всего просто сохранить их чистыми.

Люцилла. Сохранить чистыми! Но...

Профессор. Что?

Люцилла. Но разве нам уже не говорили, что они все злые?

Профессор. Погодите, Люцилла, вы коснулись очень сложного вопроса, а нам не следует уходить в сторону от наших кристаллов, пока мы не выясним, в чем состоит их добро и зло. Это поможет нам впоследствии разобраться и в наших собственных достоинствах и недостатках. Я сказал, что главное достоинство кристаллов заключается в чистоте их вещества и в совершенстве формы. Но это скорее следствия их достоинств, а не сами достоинства. Достоинства, присущие кристаллам, проявляющиеся в них, лучше передают слова «душевная сила» и «целеустремленность», то есть определения, употребляемые в отношении живых существ. Некоторым кристаллам, по-видимому, изначально свойственны несокрушимая чистая жизненная сила и могущество кристаллического духа. Всякое бесполезное вещество, встречающееся на их пути, или отталкивается, или

вынуждено принимать какую-нибудь красивую подчиненную форму. Чистота кристалла остается незапятнанной, и каждый атом его излучает частицу общей энергии. Идем дальше: из основной структуры кристалла видно, что он как будто бы решился достигнуть известной величины, принять известную форму; он упорствует в намерении и с блеском выполняет намеченное. Вот перед вами совершенный кристалл кварца. Он необычной формы и, по-видимому, очень сложной конструкции: это пирамида с выпуклыми сторонами, состоящими из других, меньших пирамид. Но в его контуре нет ни малейшего изъяна; мириады его составных сторон так же блестящи, как ювелирные граненые изделия, и — присмотритесь получше — даже изящнее. Грани кристалла остры, как копья, они режут стекло при незначительном усилии. Нельзя вообразить ничего более законченного, более определенного по форме. А в другой руке у меня кристалл того же минерала, но более простой формы. Это шестигранная призма, но в ней от основания до вершины видно, — а длина ее равна девяти дюймам, — что она сразу знала, какой ей следует быть толщины, и строго следовала изначальному плану.

Сначала призма как будто стала добиваться толщины, максимально возможной при том количестве материала, которым она располагала. Но, не преуспев в этом, она неуклюже налепила больше материала на одну сторону, вытянулась, затем опять вздулась, истощила одну сторону, чтобы увеличить другую, и наконец совсем сбилась с первоначального направления. Непрозрачный, с красной поверхностью, зазубренный с краю, с искривленным позвоночником, этот кристалл может служить образцом человеческой дряблости и пошлости. Но лучшее доказательство его упадка и беспомощности — вот этот кристалл-паразит. Размером поменьше, но такой же болезненный, он прилепился к одной стороне большого кристалла, проделав себе углубление и начав увеличиваться сбоку и снизу, не сообразуясь с направлением главного кристалла. Что же касается чистоты материала, то я не могу заметить никакой разницы между первым, в высшей степени благородным камнем и этим

совсем неблагородным и, я бы сказал, распущенным. Нечистота последнего зависела от его воли — или от недостатка воли.

Мэри. О, если бы мы могли понять значение всего этого!

Профессор. Мы можем понять все, что в этом есть полезного для нас. Для нас, так же как и для кристаллов, истина состоит в том, что благородство жизни зависит от ее устойчивости, от чистоты цели и спокойной непрерывной энергии. Всякого рода сомнения и раскаяния, любая плохая работа, пусть даже подретушированная, всякого рода колебания относительно того, что лучше делать, безнравственны, равно как и страдания.

Мэри (удивленно). Но разве не должно раскаиваться, если поступаешь дурно, и колебаться, когда не можешь увидеть, где истинный путь?

Профессор. Вам совсем не следует поступать дурно и вступать на дорогу, которую вы не осознали. Ваш разум должен далеко опережать ваши поступки. Если вы не будете осознавать то, что вы хотите делать, скорее всего, вы наделаете ошибок.

Катрин. Ах, Боже, но я никогда точно не знаю, что именно должна делать!

Профессор. Совершенно верно, Кэти, но, осознав это, вы уже многое знаете и впоследствии увидите, где ошибались. Придет, может быть, и такое время, когда вы начнете осознавать или по крайней мере обдумывать все, что делаете.

Изабелла. Но, наверное, люди не могут поступать очень дурно, если они не ведают, что творят, не правда ли? Мне кажется, что в этом случае их нельзя назвать дурными людьми. Они могут быть неправы, как я и Катрин, когда мы ошибаемся, однако не во всем же они виноваты. Я не могу ясно выразить своей мысли, но есть два рода зла, не так ли?

Профессор. Да, Изабелла, но вы увидите, какая громадная разница между добрыми и недобрыми ошибками; а между преднамеренными и непреднамеренными она совсем невелика. Очень немного людей, которые действительно желают делать зло, а если посмотреть поглубже, то окажется, пожалуй, что таких и совсем нет. Каин не желал сделать зла, убив Авеля.

Изабелла глубоко вздыхает и распахивает глаза от изумления.

Профессор. Да, Изабелла, и среди нас сегодня существует множество каинов, убивающих своих братьев не то что из-за меньшего повода, чем был у Каина, но и без всякого повода. И, однако, они не думают, что поступают дурно. Иногда дело принимает другой оборот, как, например, в Америке в последние годы, где вы видите Авеля, смело убивающего Каина и не думающего, что он делает зло. Главная трудность в том, чтобы раскрыть людям глаза. Затронуть их чувства и сокрушить сердца легко, куда труднее сокрушить их разум. А не все ли равно, измените ли вы их или нет, если они останутся тупыми? Не можете же вы быть постоянно у них под рукой и подсказывать им, что справедливо и что нет; сами же они будут поступать так же, как и прежде, а пожалуй, и хуже. Благими намерениями вымощена дорога, — вы знаете куда, дети. Не само это место вымощено ими, как часто говорят люди, потому что нельзя вымостить бездонную пропасть, а можно именно дорогу, ведущую к ней.

Мэй. Но если люди поступают так, как по их понятиям следует поступать, они, конечно, правы?

Профессор. Нет, Мэй, добро всегда добро и зло всегда зло. Только безумец, совершая неправду, убеждает себя, что действовал с благими намерениями. Но зато и Библия сильнее прочих корит безумцев. Они, преимущественно и главным образом, отрицают Бога тем, что признают общественное мнение всегда правым, а веления Бога — не имеющими особенно важного значения.

Мэй. Но никто ведь не может всегда знать, где правда?

Профессор. Вы всегда можете знать это применительно к сегодняшнему дню, и если поступаете, сообразуясь с тем, что считаете сегодня правдой, то завтра она раскроется вам полнее и яснее. Вот вы, например, дети, находитесь в школе и должны обучаться французскому языку, арифметике, музыке и многим другим предметам. В этом ваша правда и право в настоящее время; наша же правда, или право ваших учителей, состоит в наблюдении за тем, чтобы ваша учеба была организована как можно лучше, без ущерба для обеда, сна и игр, и чтобы то, чему

вы учитесь, вы запомнили хорошо. Вы все знаете, когда учитесь охотно, а когда толчете воду в ступе. Надеюсь, у вас не бывает никаких сомнений на этот счет?

Виолетта. Не бывает. А что если у кого-нибудь из нас возникнет желание прочитать какую-нибудь интересную книжку, вместо того чтобы учить уроки?

Профессор. Вы спрашиваете несерьезно, не так ли, Виолетта? Ведь тогда вам предстоит твердо решить, желаете вы совершить дурное или нет.

Мэри. Но сколько трудностей может выпасть в жизни, как бы человек ни старался узнать, в чем правда, и сколько бы он ни пытался жить хорошо.

Профессор. Вы слишком разумная девушка, Мэри, чтобы испытывать подобные затруднения, как бы ни складывалась жизнь. Большая часть затруднений у молодых женщин происходит от того, что они влюбляются в людей недостойных; так пусть же юные леди не спешат влюбляться, пока не узнают человека.

Дора. А сколько тысяч годового дохода должен он иметь?

Профессор (не удастая ответа). Конечно, немало есть превратностей судьбы, когда человек должен заботиться о себе и мучительно искать разумное решение. Но и тут нет серьезных сомнений относительно пути, только идти по нему, может быть, придется медленно.

Мэри. Ну а если авторитетная для вас личность принуждает вас жить не по правде?

Профессор. Дорогая моя, никого нельзя принудить делать зло, так как преступность в воле, в том, что делается по свободному выбору. Но вы можете быть принуждены когда-нибудь совершить роковой поступок, как и принять яд. И, как ни странно, по закону природы, несчастны в этих случаях бываете вы, а не тот, кто дал вам отраву. Станный закон, но это закон. Природа наблюдает только неизбежность результатов действия мышьяка. Ее никогда не волнует вопрос, кто вам дал его. Так и вы можете быть доведены до нравственной или физической смерти преступлением других людей. Вот все вы, здесь

присутствующие, славные девочки, но неужели вы думаете, что ваша доброта — это ваша заслуга? Неужели вы воображаете, что вы милы и симпатичны, потому что от природы наделены более ангельскими свойствами, чем те дикие девочки с диким взглядом, которые играют в пыли на улицах наших городов и которым со временем предстоит пополнить тюрьмы? Одному небу известно, где в Последний день будут стоять они и где мы, бросившие их на улицу. Но главный вопрос на Страшном суде, я полагаю, будет для всех нас один: «Сохранили ли вы чистое сердце от начала до конца вашей жизни»? На вопрос: «Чем вы были?» — могут ответить другие, но на вопрос: «Чем вы старались быть?» — должны ответить вы сами. Ответьте же, были ли ваши сердца чисты и правдивы? Мы вернулись к грустному вопросу, Люцилла, обсуждение которого я отложил. Вы бы не решились сказать, что ваше сердце было чисто и правдиво, не так ли?

Люцилла. Вы правы, сэр.

Профессор. Потому что вас научили считать, что у людей по природе злое сердце. Как бы то ни было, но часто, когда люди говорят это, мне кажется, что они не верят тому, что говорят. А вы действительно так думаете?

Люцилла. Да, сэр, я в этом не сомневаюсь.

Профессор. Не сомневаетесь в том, что у вас злое сердце?

Люцилла (чувствует небольшую неловкость, но тем не менее продолжает упорствовать). Да, сэр.

Профессор. Флорри, я уверен, что вам надоело слушать. И мне не нравится, что вы пытаетесь слушать через силу: вы ведь знаете, что нельзя играть с кошкой во время беседы.

Флорри. О нет, мне не надоело слушать! Я только убаюкаю ее, и она прикорнет в складках моего платья.

Профессор. Пойдите! Я вспомнил, что мне надо кое-что показать вам. Речь пойдет о минералах, похожих на волосы. Мне нужно выдернуть для этого волосок из хвоста Тити.

Флорри удивлена до такой степени, что сурово повторяет последние слова Старого профессора: «Волосок из хвоста Тити».

Профессор. Да, темный волосок. Вы, Люцилла, можете осторожно взять кошку за кончик хвоста из-под руки Флорри и выдернуть для меня волосок.

Люцилла. Но, сэр, ведь ей будет больно!

Профессор. Нисколько. К тому же она не сможет вас оцарапать, так как Флорри будет держать ее. Да, кстати, выдерните лучше пару волосков.

Люцилла. Но она, пожалуй, оцарапает Флорри, да и самой Тити все-таки будет больно! Если вам нужны темные волосы, не подойдут ли мои?

Профессор. Неужели вы и вправду скорее готовы выдернуть волос у себя, чем у Тити?

Люцилла. Да, конечно, если мой годится.

Профессор. Но это очень безнравственно с вашей стороны, Люцилла!

Люцилла. Безнравственно, сэр?

Профессор. Да. Если бы у вас было не такое злое сердце, вы бы скорее выдернули все волоски у кошки, чем один у себя.

Люцилла. О, я не имела в виду ничего плохого.

Профессор. Я думаю, что если бы вы, Люцилла, говорили правду, то с удовольствием привязали бы камень к хвосту Тити и гонялись бы за ней по всей площадке для игр.

Люцилла. Нет, я не сделала бы этого.

Профессор. Это неправда, Люцилла, вы знаете — это не может быть правдой.

Люцилла. Сэр?

Профессор. Конечно, неправда. Как может исходить правда из такого сердца, как ваше? Ведь оно во зле своем лживо.

Люцилла. О нет-нет! Вы придаете не тот смысл моим словам, я вовсе не имела в виду, что сердце заставляет меня лгать.

Профессор. Вы имели в виду, что оно само лжет внутри вас?

Люцилла. Да.

Профессор. Иными словами, вы знаете, что истинно вне вашего сердца, и говорите сообразно этому, и я могу верить внешней стороне вашего сердца. Внутри же оно грязно и лживо. Не так ли?

Люцилла. Предполагаю, что так, хотя мне не совсем это понятно.

Профессор. Понять этого нельзя, но чувствуете ли вы это? Уверены ли вы, что сердце ваше лживо во всем, что оно безнадежно испорчено?

Люцилла (более оживленно, так как смысл разговора стал ей понятнее). Да, сэр, я уверена в этом.

Профессор (задумчиво). Я очень огорчен этим.

Люцилла. И я.

Профессор. Чем же вы огорчены?

Люцилла. Как чем?

Профессор. Я хочу спросить, в чем вы чувствуете это огорчение? В ногах?

Люцилла (хихикнув). Конечно нет, сударь.

Профессор. В таком случае в плечах?

Люцилла. Нет, сэр.

Профессор. Уверены? Очень рад, так как огорчение в плечах недорого стоит.

Люцилла. Мне кажется, что я чувствую его в сердце, если только это именно огорчение.

Профессор. Именно огорчение? Хотите ли вы этим сказать, что уверены в своей испорченности и нимало этим не огорчаетесь?

Люцилла. Нет, не то. Я сама часто плакала из-за этого.

Профессор. Ну хорошо, значит, вы чувствуете печаль в вашем сердце?

Люцилла. Да, если печаль того стоит.

Профессор. А даже если и не стоит — не может же она быть в каком-нибудь другом месте. Ведь не хрусталик же ваших глаз огорчается, когда вы плачете?

Люцилла. Конечно нет.

Профессор. В таком случае у вас два сердца: одно испорченное, а другое сокрушающееся об этой испорченности? Или, может быть, одна сторона вашего сердца сокрушается о другой?

Люцилла (утомленная перекрестным допросом и несколько раздраженная). Вы понимаете, что я не могу этого

объяснить, и знаете, что об этом сказано в Писании: «В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего».

Профессор. Да, Люцилла, я знаю Писание, но не думаю, что это прояснит нам что-нибудь, если мы не постараемся не только понять, но и прочувствовать эти слова. Вы же, не уяснив себе значения одного стиха Библии, как только он ставит вас в тупик, немедленно переходите к другому, вводя три новых слова — «закон», «члены» и «ум», значение которых вам пока непонятно, а может быть, и никогда не будет понятно: такие люди, как Монтескье и Локк, потратили большую часть жизни на разъяснение двух из них.

Люцилла. Ах, сэр, спрашивайте, пожалуйста, кого-нибудь другого.

Профессор. Если бы я думал, что кто-нибудь ответит лучше вас, Люцилла, я бы именно так и поступил. Но, представьте, я стараюсь не себе, а вам разъяснить ваши чувства.

Люцилла. О, в таком случае продолжайте, пожалуйста.

Профессор. Заметьте, я говорю «ваши чувства», а не «ваши верования», потому что я не могу взяться за разъяснение чьих бы то ни было верований. Однако я должен попытаться хотя бы отчасти понять и ваши верования, так как хочу привести вас к какому-нибудь заключению. Насколько я понимаю ваши слова или слова других людей, которых учили так же, как и вас, вы полагаете, что существует внешнее добро, вроде гробов поваленных, снаружи кажущихся красивыми, а внутри полных всякой нечистотой или глубоко скрытой неправдой, которую мы сами не чувствуем и которую видит лишь Творец. (*Шепот одобрения среди слушательниц.*)

Профессор. Тело не подобно ли душе?

Немой вопрос на лицах.

Профессор. Так череп, например, есть, по-видимому, вещь некрасивая?

На посерьезневших лицах читается: «Конечно нет, а что же дальше?»

Профессор. И если бы вы могли просветленным взором видеть одна в другой все, что видит Бог под вашими красивыми личиками, понравилось бы вам это?

Шепот: «Нет».

Профессор. Было бы это благом для вас?

Молчание.

Профессор. Богу, по всей вероятности, угодно, чтобы вы не только не видели того, чего Он вам не позволяет видеть, но чтобы вы даже и не думали о том.

Ничем не нарушаемое молчание.

Профессор. Нехорошо было бы для вас, если бы вы, умываясь или причесываясь, думали о форме челюстей, о хряще носа и о зубчатых швах обнаженного черепа. Не правда ли?

Решительное согласие.

Профессор. Не менее неприятно было бы вам видеть, как сквозь стекло, ежедневный процесс питания и разрушения.

Еще менее было бы приятно, если бы вместо образования простых строений организма, как, например, скелета, или вместо развития низших отправлений его, как при процессах рождения и смерти, в нем происходили отвратительные болезненные явления.

Вы бы попытались излечить их. Но, приняв все необходимые меры, вы не сочли бы, что излечению содействует постоянное зрелище ран или мысли о них. Напротив, вы были бы благодарны за каждую минуту забвения. Точно так же и при обычном здоровом состоянии вы должны быть благодарны Творцу за то, что он скрыл все страшное в ваших организмах под покровом нежной видимой красоты и вменил вам в обязанность, ради вашего блага, наслаждаться ею как в себе, так и в других. Не надо, правда, скрывать болезней или отказываться верить в них, когда они существуют, но не следует постоянно думать о них.

Что касается болезней души, то здесь от вас требуется соблюдение тех же мудрых правил и тех же обязанностей. Определите ясно, что в вас есть дурного, и, если знаете средство исправить зло, — воспользуйтесь этим средством. Пытаясь разобраться в себе, никогда не называйте себя просто грешниками — это очень дешевое обвинение и совершенно бесполезное. Вы можете при этом, пожалуй, дойти до того, что это название понравится вам и вы будете им гордиться; но называйте себя лгунями,

трусихами, ленивицами, обжорами, завистницами, если вы считаете, что заслуживаете одного из этих названий. Стремитесь обуздать пороки, которые вы у себя обнаружили. И лишь только вы вступите на деятельный путь излечения, вы тотчас перестанете горевать о своей непонятной испорченности. В конце концов, вы найдете, что труднее искоренить пороки, чем заглушить их, развивая в себе добродетели. Не думайте о своих недостатках, а тем более о недостатках других: в каждом человеке ищите доброе и сильное; чтите это добро, радуйтесь, если возможно, подражайте ему — и недостатки ваши отпадут, как облетают сухие листья, когда придет время. Если же, оглянувшись назад, вы увидите, что вся ваша жизнь корява, как ствол пальмы, не печальтесь и об этом, пока «пальма» растет, пока она покрывается густой листвой и обременяет вершину свою сладкими плодами. И если даже вам не удастся отыскать в себе много добра, подумайте, что для мира не имеет большого значения, каковы вы: помимо вас на свете много людей благородных, а вы просто радуйтесь их благородству. Громадная доля нынешнего, даже честного исповедования в грехах есть только болезненный эгоизм. Мы готовы скорее сосредоточиться на своем собственном зле, чем отрешиться от сосредоточения интереса на себе самих.

Мэри. Но если мы обязаны так много забывать себя, то почему же так высоко чтится древнегреческое изречение: «Познай самого себя»?

Профессор. Дорогая моя, это величайшее из всех правил, правило правил как Аполлона, так и солнца. Но неужели вы думаете, что можно познать самого себя, всматриваясь в себя? Никогда. Вы будете в состоянии узнать, что вы такое, только всматриваясь в то, что находится вне вас. Сравнивайте ваши силы и ваши интересы с силами и интересами других; старайтесь понять, какими вы кажетесь им и какими они кажутся вам; судите о себе всегда и во всем относительно, здраво исходите из того, что в вас нет ничего особенного. Например: некоторые из вас, может быть, думают, что могут писать стихи. Сосредоточившись исключительно на себе и на своих чувствах и действиях, каждая из вас скоро может счесть себя Десятой Музой. Но забудьте

о ваших чувствах, а вместо этого постарайтесь лучше осмыслить строчку-две из Чосера или Данте — и вскоре сочтете себя самыми обычными глупышками, что гораздо больше соответствует действительности.

Или представьте, что с вами приключилось нечто такое, что вы могли бы счесть великим несчастьем. Рассматривая случившееся по отношению лично к себе, вы начинаете думать, что это кара, или предостережение, или еще что-нибудь, имеющее глубокое значение, и что все ангелы небесные отложили на время все дела, чтобы наблюдать влияние данного случая на вас. Но, отрешившись от этого эгоистического удовлетворения вашей фантазии, припомните, что в тысячу раз большие несчастья случаются каждую минуту с людьми, гораздо более достойными, и ваше самомнение сменится состраданием и смирением. Тогда вы достаточно узнаете себя, чтобы понять, что случившееся с вами вполне обычно для человека.

Таковы, Люцилла, практические заключения, к которым пришел бы каждый здравомыслящий человек, допуская даже, что тексты, посвященные пороку, так же многочисленны и замечательны, как часто думают легкомысленные читатели. Но способ чтения Библии простыми людьми очень похож на то, как, по мнению старых монахов, ежи собирают виноград. Говорят, они катаются по земле, усыпанной опавшими виноградинами, и те ягоды, которые натываются на их иглы, ежи собирают и едят. Так же точно и ваши читатели-ежи катаются постоянно по Библии и уверяют, будто все, что пристаёт к их колючкам, есть Священное Писание, а все остальное — нет. Но так вы можете ухватить только слова текстов, если же вам нужен смысл, сок, сущность — вы должны их сгруппировать. А сгруппированные тексты утверждают не врожденную испорченность всех сердец, а страшное различие, существующее между добрыми и злыми сердцами. «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища своего выносит злое». «Посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его». «Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего».

«Ибо вот, нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем».

Да, очень много подобных текстов. Так что для всех нас вопрос совсем не в том, чтобы определить, много или мало испорченности в человеческой природе, а чтобы знать, принадлежим ли мы в этой массе к овцам или к козлицам, люди ли мы с добрым сердцем, подставляющие свою грудь, или люди со злым сердцем, сами убивающие. Из всех же текстов, касающихся этого предмета, вы должны запомнить один, самый простой и самый жизненный: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни».

Люцилла. Какими, однако, туманными кажутся тексты!

Профессор. Вы говорите, Люцилла, сущий вздор. Неужели вы думаете, что мир предназначен для того, чтобы казаться ясным пятнадцатилетней девочке? Взгляните на окно вашей комнаты — его как раз видно с вашего места. Я доволен, что оно открыто, как и следует в такую прекрасную погоду. Не замечаете ли, каким темным пятном кажется оно на стене, освещенной солнцем?

Люцилла. Да, оно кажется черным, как чернила.

Профессор. Однако вы знаете, что это очень светлая комната, настолько светлая, насколько это от нее требуется для того, чтобы маленькая хозяйка могла видеть, как нужно содержать ее в чистоте. Весьма вероятно также, что, если взглянуть на сердце ваше с точки зрения солнца, оно действительно покажется вам мрачным пятном, и солнце правды, может быть, считает нужным сказать вам, что оно кажется таким и Ему.

Но Он войдет в ваше сердце, и сердце оживится, если только вы не закроете ставень. И помните, для вас важно не то, «темно ли оно или светло», а «чисто ли оно или нечисто». Наблюдайте хорошенько за чисткой и уборкой и не сомневайтесь: только изгнанный вами злой дух или один из семи нечестивцев нашептывают вам, что все в вашем сердце черно.

Общее собрание в классной комнате. Утром состоялась игра в кристаллизацию, и о ней предстояло сделать подробный отчет. Каждой юной леди очень хотелось объяснить, почему она оказывалась постоянно не там, где предполагала быть.

Профессор (выслушав и обсудив доклад). У вас дело шло весьма успешно, дети; но фигура, которую вы взяли для опыта, очень проста. Подождите, я нарисую вам несколько сложных кристаллов!

Мэри. Я не думаю, чтобы они были самыми трудными: они так красивы, что мы еще лучше запомним наши места. К тому же эти звездочки столь правильны. Мы, знаете ли, боимся ломаных кривых.

Профессор. Прочитайте рассказ Карлейля о Лейтенской битве и изучите «косой строй» Фридриха¹⁵, и вы сразу поймете, как их изображать, если только сумеете пройти так, как прошли бы два круга. Но помните, что, научившись составлять самые трудные из простых фигур, вы изучили не более половины той игры, в которую играют сами кристаллы.

Мэри. Правда? Что же еще бывает с ними?

Профессор. Минерал очень редко кристаллизуется один. Обычно два или три минерала соединяются вместе — по разным законам кристаллизации. И они совершают это без малейших промахов или ошибок, когда пребывают в отличном настроении. Это значит, что два минерала или больше каким-то способом приходят к взаимному соглашению и определяют, сколько места понадобится каждому из них, кто посторонится, когда их дороги пересекутся, и в какой степени каждый приспособится к форме другого. Затем каждый вырабатывает нужную ему форму, и они начинают делить пространство. При перестроении одни уступают, другие пользуются уступками, пока каждый кристалл вполне правильно и изящно не приспособится к своему соседу. И вам, чтобы воспроизвести это даже в самом

¹⁵ Карлейль Томас (1795–1881) — автор многотомных трудов по истории. Лейтен — селение в Силезии, близ которого во время Семилетней войны войска прусского короля Фридриха II, использовавшего «косой строй» вместо обычной линейной тактики, разбили австрийскую армию.

простом виде, нужно будет разделить на две группы, одеться в разные цвета, а затем каждая группа должна будет выбрать свою фигуру и образовать ее во взаимодействии с другой.

Мэри. Я думаю, что мы, может быть, и могли бы достигнуть этого, но я решительно не понимаю, каким образом достигают этого кристаллы. Тут ведь нужен такой всесторонне продуманный план, так много взаимных уступок — кажется, такое под силу лишь живым существам.

Профессор. Да, тут перед нами и соперничество, и уступки, способствующие достижению цели. Но интереснее всего то, что кристаллы не всегда уступают друг другу. Они, как и люди, проявляют разные свойства характера. Иногда они уступают место с утонченной вежливостью и грацией, образуя фантастические, изящно сформированные группы; иногда же вовсе не идут на уступки и ожесточенно борются за места, жертвуя в бою и формой, и честью, и даже сходством.

Мэри. Ну не удивительно ли все это? Почему же никто не говорит об этом в книгах?

Профессор. Все ученые заняты определением неизвестных законов, при которых эта борьба происходит, эти же неопределенные причуды элементов не представляют для них интереса. Неученые же люди редко задумываются при виде камней. Да это и не принесло бы большой пользы, так как чем больше задумываешься над этим, тем больше поражаешься.

Мэри. Наверное, во всей ботанике не встретишь ничего столь же удивительного.

Профессор. Свои чудеса есть везде. Но, зная природу растения, легче понять, что делает цветок и каким образом он это делает, чем на основании того, что нам известно о природе камня, понять, что делает кристалл и как он это делает. В цветке мы признаем в некотором роде волю и выбор, но мы не привыкли приписывать что-то подобное кристаллу. Однако на самом деле подобием человеческих существ являются скорее камни, чем цветы. Существует куда большая разница между добронравными и злонравными кристаллами одного и того же минерала, чем между двумя образцами одного и того же цветка. Дружба

и вражда кристаллов, как ни странно, более определенно зависят от разнообразия их склонностей, чем союзы цветов. Вот, например, добрый гранат, живущий с доброй слюдой. Он темно-красный, а она серебристо-белая, слюда уделяет как раз столько пространства, сколько нужно гранату, чтобы ему было удобно кристаллизироваться к ней, и гранат счастливо поживает в маленьком белом домике, приспособленный к нему, как моллюск к раковине. А вот злой гранат, живущий со злой слюдой. Посмотрите, как они изуродовали друг друга. Вы не разберете, где тут один и где другая — гранат похож на грязные красные пятна размельченного камня. Я, глядя на них, никогда не мог определить, почему Сен-Готард, если он настоящий святой, не может содержать свои гранаты в лучшем порядке. Эти гранаты все находятся на его попечении, но мне кажется, что у него их слишком много, чтобы он обращал на них должное внимание. Ими вымощены улицы в Айроло.

Мэй. Вымощены гранатом?

Профессор. Да, слюдяным сланцем и гранатом. Я отколол этот кусочек от мостовой. Гранаты и слюда — единственные друзья и, вообще-то, любят друг друга, но вы видите, как они враждуют, когда бывают озлоблены. Так всегда бывает. Хорошие кристаллы живут в дружбе почти со всеми другими хорошими кристаллами, как бы ни редко им представлялся случай видеться друг с другом и как бы ни разнились их привычки. Порочные же кристаллы ссорятся, имея совершенно одинаковые привычки. Само собой разумеется, что порочные кристаллы враждуют и с добрыми.

Изабелла. И тогда добрые на них сердятся?

Профессор. Нет, никогда. Они заняты своим делом и жизнью и живут, насколько возможно, хорошо, хотя им всегда достается роль страдальцев. Вот, например, горный хрусталь чистейшей породы и безукоризненного состава, родившийся, к своему несчастью, в дурном соседстве, близ Бофорта, в Савойе. Ему всю жизнь пришлось бороться с пошлой глинистой грязью. Посмотрите, когда он был еще ребенком, она подобралась и почти залила его. Слабый кристалл на его месте умер бы от отчаянья,

а этот только увеличился в объеме, как Геракл в борьбе со змеями, и осыпал глину слоем кристаллов. Итак, горный хрусталь победил глину, взял ее в плен и зажил на ней. Когда он подрос, глина снова залила его сбоку. Он и тут осыпал ее кристаллами — и опять зажил на ней во всей своей чистоте. Затем глина появилась на его углах и попыталась прикрыть и закруглить их, но тут хрусталь подставил подпоры под углы, такие же правильные относительно оси, как апсиды относительно свода собора, окружил ими глину и в очередной раз победил ее. Наконец, глина добралась до его вершины и задумала образовать на ней шишку. Этого он перенести не мог и, оставив свои бока не гладкими, но чистыми, принялся разделяться с глиной на верхушке. Для этого горный хрусталь стал строить верхушку на верхушке, класть острие на острие, пока не избавился наконец от неприятеля. И вот его вершина гладка и чиста, завершается пирамидой в полфута высотой, где глина чередуется с кристаллами.

Лили. О, как мило с его стороны! Какой славный, отважный кристалл! Но я не могу спокойно смотреть на его неровные бока и на эту глину в нем.

Профессор. Да, судьба зло подшутила над ним, заставив его родиться для такой борьбы. Есть враги, которых держать в плену даже постыдно. Но посмотрите, тут происходила борьба совсем другого рода. Неприятельская сила была хорошо организована и боролась с чистым кристаллом, образуя такие же плотные ряды, как и его собственные. Это уже не просто ярость и потеха злобной толпы — тут развернулось настоящее сражение двух армий.

Лили. О, но этот гораздо красивее!

Профессор. Да, потому что оба элемента обладали истинными достоинствами: они сожалели о том, что им приходится бороться, и боролись величественно.

Мэри. Но та же ли эта глина, как и в первом кристалле?

Профессор. Я употреблял слово «глина» для краткости. На самом деле враг обоих кристаллов — это известняк; но в первом кристалле он не чистый, а смешанный с настоящей глиной, тогда как вокруг горного хрусталя он почти чист и кристаллизован

в свою первоначальную форму шестигранной призмы, которая вам известна. Кроме того, известняк формирует полки, а из полков — каре и таким образом окружает горный хрусталь.

Изабелла. Покажите, покажите, пожалуйста. А что же делает горный хрусталь?

Профессор. Горный хрусталь, по-видимому, ничего не может сделать. Известковый шпат при каждой атаке прорезает его насквозь. Смотрите, и тут и там красивейший кристалл прекрасно разделен на два куска.

Изабелла. Ах, Боже мой, но разве кальцит тверже хрустала?

Профессор. Нет, он мягче, значительно мягче.

Мэри. Но в таком случае как же он мог разрезать хрусталь?

Профессор. Он, собственно, не разрезал его, а только проник в него. Оба они формировались вместе, как я уже сказал, но неизвестно, каким образом. Странно, однако, что этот твердый кварц всегда великодушно уступает место. Все мягкие тела гнездятся в нем, сам же он никогда нигде не гнездится. На горном хрустале лежит вся грубая внешняя работа, и любой низкий и слабый минерал может укрыться в нем. Смотрите: вот шестигугольная пластинка слюды. Будь она на наружной стороне этого кристалла, она бы рассыпалась, как рассыпается в пепел, стора, бумага; но она находится внутри него, — ничто ей не вредит, — кристалл принял ее к сердцу и сохранил ее нежные края такими острыми, как будто они были погружены не в камень, а в воду. Вот кусочек самородного серебра: вы можете согнуть его, но каждая частичка его отпечаталась в камне, в который оно проникло, как будто кварц этот мягок, как шерсть.

Лили. О добрый, добрый кварц! Но неужели он никогда не проникает ни во что?

Профессор. Так как этот вопрос задает мне маленькая ирландская девочка, то я могу, вероятно, не боясь насмешек, ответить ей, что он иногда проникает внутрь себя. Но я никогда не видел, чтобы кварц гнезвился в чем-нибудь другом.

Изабелла. Извините, пожалуйста, вы что-то говорили об этом в последний раз с мисс Мэри. Я учила урок, но слышала, что вы упоминали о гнездах. Думая, что речь идет о птичьих

гнездах, я не могла удержаться, чтобы не вслушаться в разговор, и помню, что вы говорили о «гнездах кварца в граните». Я запомнила это, потому что была очень разочарована!

Профессор. Да, мышка, вы запомнили совершенно верно. Но я не в состоянии говорить об этих гнездах ни сегодня, ни даже завтра. Замечу только, что нет противоречия между моими сегодняшними словами и тем, что я говорил тогда. Я докажу вам это на днях, а пока вы можете, надеюсь, поверить мне на слово?

Изабелла. Боюсь, что нет.

Профессор. Ну тогда взгляните на этот образец вежливости со стороны кварца. Он невелик размером, но чрезвычайно красив. Это благородный кварц, живущий с земным минералом, называемым эпидотом. Живут они в большой дружбе. Здесь вы видите, что сравнительно большой и сильный кристалл кварца и очень слабый и тонкий кристаллик эпидота стали расти, теснясь друг к другу до такой степени, что наконец сошлись совершенно. Растить вместе они не могут, потому что кристалл кварца в пять раз толще и больше, чем в двадцать раз более сильный эпидот. Но кварц тотчас же остановился, как раз в то время, когда он достигал конечной цели своей жизни и когда начал уже строить свою вершину! Он позволил бледным маленьким пленкам эпидота расти рядом с собой, задерживая рост своей собственной вершины, так что сам он уже больше не увеличивается.

Лили (помолчав изумленно). Но разве кварц никогда не бывает порочен?

Профессор. Бывает. Но и самый порочный кварц кажется прекрасным по сравнению с другими. Вот два весьма характерных примера. В первом случае хороший кварц живет с хорошим флюоритом, а во втором порочный кварц живет с порочным флюоритом. В обоих случаях кварц уступает место мягкому шпатовому железняку, но в первом железо занимает только то пространство, которое ему нужно, и так аккуратно проникает в горный кристалл, что вы должны разбить его, чтобы определить, действительно ли железо проникло в кварц. Кристалл железняка прекрасно сформирован и к тому же имеет очень красивую поверхность. Но там, где два минерала враждуют, вся поверхность

несчастливого кварца закупорена и исколота; в железняке же нет ни одного кристалла, форму которого вы могли бы точно очертить. А между тем кварц в обоих случаях стал потерпевшей стороной.

Виолетта. Нельзя ли нам взглянуть еще раз на кусок разбитого кварца, с этими паутинками внутри? Тут как будто совершалось нечто столь же пленительное, как самопожертвование человеческого существа.

Профессор. Самопожертвование человека не пленительно, Виолетта. Оно часто необходимо и благородно, но никакое самоубийство не может быть пленительно.

Виолетта. Но самопожертвование не есть самоубийство.

Профессор. А что же?

Виолетта. Это самозабвение для другого.

Профессор. Хорошо, но что вы понимаете под словом «самозабвение»?

Виолетта. Отречение от своих желаний, чувств, от своего времени, от своего счастья и так далее ради счастья других.

Профессор. Надеюсь, Виолетта, что вы никогда не выйдете замуж за человека, который будет рассчитывать, что именно так вы сделаете его счастливым?

Виолетта (колеблясь). Как «так»?

Профессор. Отрекшись от своих желаний, чувств, от своего счастья.

Виолетта. Нет-нет, я имела в виду не это. Но вы хорошо знаете, что человек должен так поступать по отношению к другим.

Профессор. По отношению к кому? К людям, которые вас не любят и которых вы совсем не знаете? Пусть будет так, но чем же в таком случае подобное самоотречение отличается от самоубийства?

Виолетта. Как чем? Отказаться от своих удовольствий не значит убить себя.

Профессор. Отказаться от дурных удовольствий не значит, конечно, убить себя, но тут нет и самопожертвования, а есть только саморазвитие. Отказ же от истинных удовольствий есть самоубийство. Если вы откажетесь от удовольствия ходить, то

ноги ваши станут сохнуть и окажутся такими же негодными, как если бы были отрезаны; если вы откажетесь от удовольствия смотреть, то глаза ваши скоро сделаются совсем неспособными переносить свет; довести же их до этого состояния — все равно что вырвать их. Увечить себя по частям все равно что умерщвлять себя. Делай вы это постоянно, и скоро умрете.

Виолетта. Но как вы объясните слова Писания относительно ног и глаз?¹⁶

Профессор. Они действительно заслуживают быть отрезанными и вырванными, если ноги и глаза соблазняют вас; но почему они должны вас соблазнять?

Виолетта. Не знаю, я никогда до конца не понимала этого.

Профессор. Да, это суровое веление. Чтобы как следует повиноваться ему, необходимо хорошо понять его. Когда Хелен на днях вывихнула ногу, вы видели, что для излечения ногу надо было забинтовать, иначе говоря, не допускать ее ни до какой работы. Но повязка ведь не была «славной»?

Виолетта. Нет, конечно.

Профессор. А если бы нога была раздроблена, или если бы в ногу ее укусила змея, ведь, возможно, потребовалось бы отсечь ногу, и ампутация совсем не была бы «славной».

Виолетта. Нет.

Профессор. Итак, если ваш глаз или нога уже погибли и изменили вам, если свет, бывший в вас, стал тьмою, если ваши ноги заболели или попали в ловушку — тогда, действительно, я думаю, пора вырвать глаз и отсечь ногу. Став калекой, вы уже не сможете быть такой, какой были прежде. В лучшем случае вы вернетесь к жизни хромой или искалеченной. И все это совсем не славно, а, скорее, необходимо.

Виолетта (подумав). Но когда жертва приносится нами ради других?

Профессор. Почему же не другими ради вас?

Виолетта. О, это было бы для меня невыносимо!

16 «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя...» (Мк, 9:43). «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя...» (Втор, 13:6; Мф, 5:29).

Профессор. Но почему же это должно быть выносимо для других?

Дора (горячась и с негодованием). А Фермопилы, а Протесилай, а Марк Курций, а Арнольд Винкельрид, а Ифигения, а дочь Иеффая?

Профессор (в том же негодующем тоне). А сын самаритянки?

Дора. Какой самаритянки?

Профессор. Прочитайте четвертую книгу Царств, шестую главу, двадцать девятый стих¹⁷.

Дора (прочитав). Какой ужас! Как будто мы об этом говорили!

Профессор. Вы сами, дети, как мне кажется, не знаете, о чем говорите. В чем же практическая разница между этим примером и тем, о котором вы говорили? Дети самаряне не имели, правда, собственного голоса в том деле, но и Ифигения не имела его. Греческая девушка не была, конечно, сварена и съедена, но тут разница только в драматическом эффекте, а не в основной мысли.

Дора (кусая губы). Хорошо, ну так скажите же нам, как мы должны это понимать. Как будто вы не учили нас самоотверженности и не пожелали бы ее с нашей стороны больше даже, чем мы сами, если бы не боялись надоесть нам?

Профессор. Я думаю и всегда думал, Дора, что воля Бога в том, чтобы мы жили счастьем и жизнью, а не горем и смертью других. Я заставил вас прочесть именно сейчас поразивший вас стих из Священного Писания, потому что отношения родителей и детей являются образцом самой лучшей человеческой помощи. Ребенок может и умереть за своих родителей, но Небу угодно, чтобы он жил для них и не жертвой, а своей силой, своей радостью, всей жизнью своей содействовал обновлению их сил. То же справедливо и касательно всех других правильных отношений. Люди помогают друг другу своими радостями, а не

17 «И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: "Отдай же твоего сына, и съедим его". Но она спрятала своего сына».

своими горестями. Они посланы в этот мир не для того, чтобы умирать друг за друга, а ради того, чтобы поддерживать друг друга. И из всех прекрасных вещей, превращающихся вследствие ошибочного применения, в зло самым роковым, пожалуй, является безосновательное смирение, дух самоотречения достойных людей. Последним так часто твердили, что страдание само по себе есть добродетель, им так упорно внушали безрассудную надежду, что Небо может извлечь добро из всего, на что само же оно наложило печать зла, дабы мы избегали его, — что люди принимают страдания и неудачи за участь, как бы заранее им определенную, не понимая, что их неудачи достойны слез и тогда, когда они более пагубны для их врагов, чем для них самих. Справедливость — вот единственная вещь, которой хороший человек должен руководствоваться в своих поступках и стараться, чтобы она руководила и другими. Он не должен губить ни свою жизнь, ни жизнь других людей, ему следует не только не отвергать себя и ту радость, которую доставляет ему все доброе, а напротив, всеми силами стремиться к тому, чтобы радость его была совершенна. Мне хотелось бы только одного: чтобы у современных англичан оказалось достаточно силы, честности и смысла для вступления в братский союз, который бы всеми силами содействовал установлению человеческой справедливости между всеми соприкасающимися с ними. В заключение заметьте: хотя при исправлении недостатков характера и требуется значительная доля самоотверженности и самопожертвования, но, когда характер уже сформировался, они становятся излишними. В самом деле, все, что мы делаем неохотно, а по принуждению, не бывает сделано хорошо.

Виолетта. Но ведь вы всегда были довольны нами, когда мы старались сделать приятное другим, а не себе?

Профессор. Дорогое дитя мое, в повседневном ходе и дисциплине правильной жизни мы должны постоянно и обоюдно подчиняться, следовать требованиям благовоспитанности и доброжелательности. И привычка к такому подчинению и служению друг другу, как вам всем известно, действует одинаково благотворно и на дающих, и на получающих: она придает

силу и совершенство настолько же, насколько смягчает и облагораживает нас. Но действительная жертва всеми нашими силами, нашей жизнью или нашим счастьем (хотя жизнь каждого мужественного человека в его руках, и он может в случае необходимости отдать ее так же беззаветно, как воин отдает свою жизнь на поле брани) всегда является печальной минутной необходимостью, а не соблюдением неизменных, вечных законов бытия. Самопожертвование, желаемое и доставляющее отраду, обычно бывает безумно и, в конце концов, даже губительно. Сентиментальная проповедь такой самоотверженности и стремление следовать ей привели хороших людей к тому, что не только их жизнь в большинстве случаев оказывается бесплодной, но и весь склад их бесплодной религии до того пуст, что в настоящее время английская нация, проповедующая заповедь любить ближних, как самих себя, вцепляется в этих ближних когтями и попирает их ногами, треплет и терзает их, как дикарь; и каждый, кто только может, живет трудами других людей. Словом, обязанность каждого человека относительно своих ближних состоит в том, чтобы, определив свои силы и особые дарования, развить их на пользу другим. Неужели Тициан больше помог бы миру своим самоотречением, отказавшись от живописи, а Казелла — отказавшись от пения? Истинная добродетель состоит в том, чтобы с готовностью петь, когда люди желают этого. Настоящее слово «добродетель» означает не «поведение», а «силу», жизненную энергию сердца.

Не читали ли вы, Сивилла, у Макса Мюллера¹⁸ что-нибудь относительно группы слов, начинающихся на букву V: vital (жизненный), virtuous (добродетельный), vigour (сильный)? Не могли бы вы назвать еще слова?

Сивилла. Нет, не могу. Назовите, пожалуйста, их сами.

Профессор. Только не сегодня — уже поздно. Приходите в свободное время завтра, и я расскажу о них, если ничего нам не помешает. Но вся суть в том, дети, чтоб вы понимали по крайней мере значение двух латинских слов: запомните же, что mors

18 Мюллер Макс (1823–1900) — английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

значит смерть и остановка, а *vita* — жизнь и рост, и старайтесь не умерщвлять, а оживлять себя.

Виолетта. Но разве мы не должны умерщвлять наши земные привязанности и посвящать себя служению — если не людям, то Богу?

Профессор. Мы затрагиваем слишком серьезные вопросы, Виолетта, для нынешней беседы. Думаю, я уже достаточно говорил вам об этике. Давайте теперь немного поиграем. Чем, Лили, были вы так заняты сегодня утром в лесу, у муравейника?

Лили. О, это не я, а муравьи были очень заняты, я лишь пыталась помочь им.

Профессор. И они, надеюсь, не пожелали этого?

Лили. Совершенно не пожелали. Не могу понять, почему муравьи всегда так недовольны, когда кто-нибудь пробует помочь им! Они переправляли по траве прутики и старались сделать это как можно быстрее, без усталости тянули и толкали, спотыкаясь на каждом шагу, так что жалко было смотреть. Я взяла несколько прутиков и положила их на то место впереди, куда, мне казалось, они стремились дотащить свой груз. Но вместо того чтобы обрадоваться, они тотчас же бросили ношу и засуетились, раздраженные и испуганные. В довершение ко всему многие из них забрались ко мне в рукав и искусали меня, так что мне пришлось уйти.

Профессор. А я-то все не мог понять, что вы там делаете. Я видел, что французская грамматика лежала позади вас на траве, и подумал, что вы, может быть, пошли просить муравьев послушать, как вы будете спрягать французские глаголы.

Изабелла. О, вы так не думали!

Профессор. Почему же нет, Изабелла? Я отлично знаю, что Лили не может сама выучить этих глаголов.

Изабелла. Но ведь и муравьи не могут помочь ей.

Профессор. Уверены ли вы, Лили, что и муравьи не могут помочь вам?

Лили (подумав). Может быть, мне следовало бы кое-чему поучиться у них.

Профессор. Но ни один из них не бросил своего прутика, чтобы помочь вам спрягать неправильные глаголы?

Лили. Конечно, нет. *(Смеется вместе с остальными.)*

Профессор. Что вы смеетесь, дети? Почему бы муравьям не бросить своей работы, чтобы помочь Лили? Ведь думает же Виолетта, что мы должны бросить свою работу, чтобы помочь делу Бога. Может быть, однако, она разделяет более скромный взгляд Лили и думает, что и Он мог бы кое-чему научиться у нее. **На глазах В и о л е т т ы появляются слезы.**

Дора (вспыхнув). Это слишком злая шутка! Как вам не стыдно! Бедная Виолетта!

Профессор. Дорогие дети, незачем одной из вас краснеть, а другой бледнеть потому только, что вы поняли нелепость фразы, которую привыкли употреблять вместе с большинством религиозных людей. Только одним путем человек и может помогать Богу — не препятствуя Богу помогать человеку. И нельзя более преступно упоминать всуе Его имя, как называя отказ от своего дела служением Богу.

Бог — добрый Отец. Он всех нас поставил там, где желает, чтобы мы творили Его волю, и это исполнение Его воли есть истинное «служение Отцу». Он назначает каждому созданию радостное для него дело, если только каждый будет выполнять его радостно и смиренно. Он всем нам дает достаточно силы и смысла для той работы, которую Он хочет, чтобы мы выполняли. Если же мы устаем или заходим в тупик, то виноваты в этом мы сами. Да, при всяком деле мы можем всегда быть уверены, что не делаем угодное Ему, если сами мы несчастливы. На сегодня довольно, дети. Будьте же как можно счастливее. А когда не можете быть счастливы, то не кичитесь по крайней мере своим несчастьем.

Вечером у камина в гостиной.

Дора. Ну вот, шторы опущены, огонь пылает, устраивайтесь в кресле и расскажите нам то, что обещали.

Профессор. Что же?

Дора. Все, что знаете о добродетели.

Катрин. И о словах на букву V.

Профессор. Я слышал сегодня утром, мисс Кэти, как вы на игровой площадке пели что-то, упоминая слово, начинающееся с буквы V.

Катрин. Я пела!

Мэй. О, расскажите нам, расскажите.

Профессор. «Виликенс и его...»¹⁹

Катрин (зажимая ему рот рукой). О, молчите, молчите, пожалуйста. Где же вы были?

Изабелла. Право, мне хотелось бы знать, где был профессор. Мы потеряли его из вида у рододендрона, и я не видела, куда он делся. Ах, какой вы дурной, дурной!.. *(Взбирается к нему на колени.)*

Дора. Теперь, Изабелла, мы серьезно нуждаемся в беседе.

Профессор. Я беседовать не буду.

Дора. Но вы должны. Вы обещались. Помните?

Профессор. Да, если все будет хорошо, а теперь все дурно. Я устал и зол и беседовать не буду.

Дора. Вы несколько не устали и не так уж разозлись. И мы заставим вас говорить, будь вы даже злы, как сто китайцев. Пойди сюда, Египет, и встань рядом с Профессором.

Е г и п е т занимает позицию у каминной щетки.

Дора (осматривая свой боевой отряд). А ты, Лили, садись напротив, на ковер.

Л и л и исполняет приказание.

Профессор (видя, что шансов на победу у него нет). Хорошо, хорошо, но я, право, устал. Пойдите потанцуйте немного, а я подумаю.

19 Пародия на любовную английскую балладу начала XIX века «Вильям и Дина», в 1853 году была одной из самых популярных песенок.

Дора. Нет, вы не должны думать, иначе вам захочется и нас заставить думать, а это, право, скучно.

Профессор. Идите же и потанцуйте, чтобы избавиться от дум, а потом я буду беседовать с вами, сколько пожелаете.

Дора. Но мы не можем танцевать ночью. Сейчас не время, и нам хочется послушать рассказ о добродетели.

Профессор. Позвольте мне сначала немного полюбоваться ею, так как танцы — первая добродетель девиц.

Египет. Правда? А вторая?

Профессор. Уменье одеваться.

Египет. Напрасно вы делаете эти намеки. Я только сегодня утром, перед завтраком, починила все изорванное.

Профессор. Я не могу иначе выразить этический принцип, Египет, неважно, починили вы свое платье или нет.

Дора. Перестаньте же, пожалуйста, говорить вздор, ведь мы серьезно хотим послушать рассказ о добродетели.

Профессор. Хорошо, но я вам уже сказал о ней все, что мог.

Дора. Что — все? Что первая добродетель девиц — танцы?

Профессор. Говоря точнее, желание танцевать, а не желание надоедать старшим и слушать о добродетели.

Дора (обращаясь к Египет). Ну не злой ли он человек?

Египет. А на скольких балах должны мы побывать за зиму, чтобы быть вполне добродетельными?

Профессор. На скольких вы сможете, не потеряв своей свежести. Впрочем, я и не говорю, что вы должны стремиться на балы. Я только говорю, что вы должны всегда желать танцевать.

Египет. Мы и желаем, и все говорят, что это дурно.

Профессор. Вы знаете, Египет, «одна девица королевой стать // Не соглашалась за весь нильский ил»²⁰. Вы как-то жаловались, что вам приходится чаще выезжать, чем хотелось бы?

Египет. Да, но я выезжаю не для танцев! Там не танцуют, там... (Обдумывая, как лучше выразить, что там делается.)

Профессор. Там можно только показываться, вероятно. Что ж, и в этом нет ничего дурного. Девушки должны радоваться, если на них любят.

Дора (сверкая глазами). Вы этого не думаете, вы только оскорбляете нас, и мы не станем танцевать целый месяц.

Профессор. Цель мести будет вполне вами достигнута, если вы просто прогоните меня в библиотеку и будете танцевать одни. Но я не думаю, чтобы Джесси и Лили согласились на это. Ведь вам хочется, чтобы я видел, как вы танцуете, Лили, не правда ли?

Лили. Да конечно, — когда мы танцуем хорошо.

Профессор. Кроме того, мисс Дора, если молодые девушки действительно не желают обращать на себя внимание, то глаза их не должны сверкать, когда они слышат нелестные отзывы о себе. К тому же желание быть незамеченной — бессмысленно от начала до конца. Я не знаю во всем саду цветка скучнее «скромного» подснежника. Чтобы рассмотреть его, нужно низко наклоняться к нему и с разными скучными предосторожностями приподнимать его маленькую жалкую головку, да и тогда еще не вполне рассмотришь его. Девушки должны быть похожи на маргаритки: изящные и белые с красивыми ободками, они, где бы ни росли, просто и спокойно придают веселый вид всему окружающему, зная это, желая этого и находя, что было бы дурно, если бы они не выполняли своей задачи. Не желать, чтобы вас замечали, скажите пожалуйста! А сколько времени вы, Джесси, потратили сегодня после обеда на то, чтобы сделать прическу?

Д ж е с с и медлит с ответом, Д о р а спешит ей на помощь.

Дора. Не больше трех четвертей часа, я думаю, Джесси?

Джесси (грозя пальцем). Тебе-то уж не следовало бы этого говорить, Доротея!

Профессор. Я знаю, Джесси, что ей не следовало бы. И потому спрошу Дору про ее черные косы. (*Дора оглядывается вокруг, ища, куда бы скрыться.*) Но что за беда: сколько понадобилось, столько и потратилось, и никто не примет этот золотой венец за шиньон. Если же вам не хочется, чтобы его замечали, то следовало бы надеть чепец.

Джесси. Неужели вы так и будете шутить сегодня? Мы весь день ждали, что вы скажете много серьезного и интересного, а между тем...

Профессор. А между тем я говорю вам вещи очень справедливые и полезные для вас, но вы не хотите мне верить. В таком случае вам лучше было бы исполнить мое желание и отпустить меня спать. *(Пытаясь устроиться поудобнее.)*

Изабелла. Нет, нет и нет, вы не уйдете спать, бессовестный вы человек! Катрин, пойди сюда!

Профессор (зная, что его ожидает, если придет Катрин). Ну, Изабелла, вставайте, вы слишком тяжелы *(приподнимаясь)*. Что же такое я сказал?

Дора. Мне кажется, он проспал все это время. Это просто неслыханно, что вы нам сказали.

Профессор. Может быть. Но с меня вполне достаточно того, что вы это услышали.

Египет. Да, но мы ничего не поняли, как вам известно, а между тем желаем понять.

Профессор. Что же я вначале сказал?

Дора. Что первая добродетель девушек состоит в желании ездить на балы.

Профессор. Я не говорил ничего подобного.

Джесси. «Постоянное желание танцевать», сказали вы.

Профессор. Да, и это правда. Их первая добродетель — быть невероятно счастливыми, до того счастливыми, чтобы не знать, что им делать от счастья, — чтобы им хотелось танцевать, а не ходить. Припомните: «Ни один поток со скалистых ущелий не рассыпался такими веселыми брызгами. Она казалась счастливой, как волна, весело бегущая по морю»²¹.

Девушка всегда должна быть такой, и тогда она сможет держаться правильного пути.

Виолетта. Но, конечно, она должна быть и грустна иногда?

Профессор. Да, Виолетта. А порой и ленива, и глупа, и даже зла. Все это, конечно, неизбежно, но только во всем таком всегда виноваты или сами мы, или кто-нибудь другой. Ничто

21 У. Вордсворт, «Два апрельских утра».

хуже не может характеризовать нацию, как то, что ее молодые девушки печальны и изнурены.

Мэй. Уверяю вас, многие добрые люди против танцев.

Профессор. Да, Мэй. Но из этого не следует, что люди эти так же разумны, как и добры. Мне кажется, что они даже воображают, будто пророку Иеремии доставляло больше отрады изливаться в плаче о своем народе, чем предаваться тем радостным пророчествам, мимо которых обыкновенно спешат пройти, чтобы поскорее добраться до стиха, где Рахиль оплакивает своих детей, между тем как пропущенный стих и является главным: «Тогда девица будет веселиться в хороводе, и юноши и старцы вместе; и изменю печаль их на радость, и утешу их». **Девочки принимают серьезный вид, но выглядят вполне довольными.**

Мэри. Теперь они понимают. Но вы, может быть, забыли, что сказали потом?

Профессор. Нет, я ведь не совсем спал, а только наполовину. Я сказал, что их вторая добродетель — умение одеваться.

Мэри. Так! Но что вы имели в виду?

Профессор. А что вы под этим понимаете?

Мэри. Носить красивые платья.

Профессор. О, вовсе нет. Я подразумевал умение носить простые платья.

Мэри. Но, надеюсь, девочки не так понимают слово «одеваться».

Профессор. Это не моя вина. Если они под словом «одеваться» понимают покупку нарядов, то, может быть, они и под словом «рисовать» понимают покупку картин. Я же, когда они мне говорят, что умеют рисовать, понимаю, что они могут нарисовать картину; а когда они мне говорят, что умеют одеться, понимаю, что они могут сшить платье и — что так же трудно — носить его.

Дора. Относительно шитья я не уверена. Что же касается умения носить платья, то мы все умеем быстро снашивать их.

Египет (на ухо Профессору). Право, я очень искусно починила порвавшиеся оборки, посмотрите, пожалуйста!

Профессор (на ухо Египет). Прекрасно, не смущайтесь. (*Вслух Доре.*) В этом я не сомневаюсь. Однако, знаете, умение быстро снашивать одежду — всего лишь медленный, но верный способ остаться неодетой.

Дора. В таком случае нам всем надо научиться шить наряды, не так ли?

Профессор. Да, и всегда красиво одеваться, но не изящно, если в том нет особой надобности; при случае же и изящно, и прекрасно. Вам следует также одевать как можно больше людей и научить их одеваться, если они этого не умеют делать. В каждой дурно одетой женщине и в каждом дурно одетом ребенке вы должны видеть свое личное бесчестие и так или иначе добиваться того, чтобы все были нарядны, как прекрасные птицы.

Молчание. Девочки громко сопят.

Профессор (видя, что глаза детей начинают выражать несогласие). Не говорите, что вы не можете этого делать! Нет, вы можете, в этом ваше назначение. Вы должны также убирать дом и сад, делать еще кое-что, кроме, конечно, пения, танцев, как я уже сказал, и еще одной вещи.

Дора. Надеюсь, речь идет о нашей третьей и последней добродетели?

Профессор. Да, по Виолеттиной системе тройственности.

Дора. Хорошо, мы слушаем. Что же это такое?

Профессор. Готовка.

Дора. О, это главное, действительно! Если бы только Беатриче была здесь со своими семью служанками, она увидела бы, какую прекрасную восьмую мы нашли для нее.

Мэри. А объяснение? Что подразумевается под умением готовить?

Профессор. Я имею в виду знакомство с Медеей, с Цирцеей, с Калипсо, с Еленой, с Ревеккой и с царицей Савской; знакомство с травами, фруктами, благовониями и пряностями, со всем, что есть целебного и душистого в полях и рощах и что придает приятность пище. Под умением готовить следует понимать заботливость, изобретательность, наблюдательность, услужливость,

быстроту, бережливость ваших прабабушек и знания современных химиков. Тут требуется много вкуса и мало трат, английская основательность, французское искусство, восточное гостеприимство. И наконец нужно еще одно умение — оставаться истинными леди, способными достойно встретить гостя. Коль скоро вы должны постоянно следить за тем, чтобы каждый был хорошо одет, то тем более должны заботиться о том, чтобы у каждого была хорошая еда.

Очередная пауза и глубокие вздохи.

Дора (мало-помалу приходит в себя и обращается к Египет). Мне кажется, лучше было бы, если бы мы отпустили его спать.

Профессор. Лучше было бы, если бы вы отправили спать маленьких: я не сказал еще и половины того, что хочу.

Изабелла (в паническом страхе). О, пожалуйста, пожалуйста! Оставьте нас еще хоть на пятнадцать минут.

Профессор. Нет, Изабелла! Я не знаю, сколько успею рассказать за пятнадцать минут, да к тому же это слишком утомительно для вас: вы долго не могли заснуть после одной из бесед, а это никуда не годится.

Изабелла. Но, пожалуйста!

Профессор. Я бы сделал это с большим удовольствием, мышка, но бывают ситуации, в которых и вам, и мне приходится поступать не так, как хочется. Вас особенно жаль, потому что Лили может остаться еще на полчаса, если хочет.

Лили. Нет, я не могу оставаться, потому что Изи никогда не засыпает, не дождавшись меня.

Изабелла. Оставайся, Лили! Я засну, честное слово, засну.

Лили. Оно и видно по твоим возбужденным глазкам, Изи! *(Обращаясь к Профессору.)* Вы завтра перескажете мне кое-что из вашей беседы, не правда ли?

Профессор. Нет, Лили. Вы должны выбирать одно из двух. Это только в новеллах мисс Эджуорт²² человек может поступать справедливо и получать за это сладкий пирожок и кусок сахару.

22 Эджуорт Мария (1767–1849) — английская писательница, автор моралистических рассказов для детей.

Я этим, однако, не хочу сказать, что придаю слишком серьезное значение нашей беседе.

Л и л и со вздохом берет **И з а б е л л у** за руку.

Да, дорогая Лили, это лучше, чем переслушать хотя бы все разговоры, какие только велись на свете, и все истории, какие когда-либо рассказывались. Спокойной ночи.

Дверь в коридор, ведущий к спальням, закрывается за Л и л и , И з а б е л л о й , Ф л о р р и и другими маленькими и покорными жертвами.

Джесси (после паузы). Как, а я думала, вы любите мисс Эджуорт.

Профессор. Да, я люблю ее. И вы все также должны ее любить. Я могу постоянно перечитывать ее с неизменным удовольствием. У нее каждая страница содержательна и увлекательна. Никто не вводит нас в такое веселое и умное общество, никто не учит нас более правдиво тому, как жить по справедливости. А как приятно в диком нашем мире иметь всегда под рукой идеал поэтической справедливости, где лгуны изобличены, а все правдивые украшены красными лентами. Как приятно видеть, что добрая Лаура, отдавшая свой золотой, удостоилась торжественной овации со стороны целой партии гостей, прервавших для этого свой обед; а бедная, милая, маленькая Розамонда, предпочтя красную кружку новым башмакам, остается в конце концов и без башмаков, и без кружки. Но в жизни так не бывает. А представление о нравственности, которое дети могут вынести из этих историй, не есть нравственность.

Джесси. А как, по вашему мнению, мы можем понять нравственность?

Профессор. Вы, может быть, подумаете, будто мисс Эджуорт считает, что поступать справедливо следует главным образом потому, что за это человек всегда бывает вознагражден. Но это несправедливо по отношению к ней: ее героини всегда делают добро, как и следует, ради самого добра; и их поступки, равно как и мотивы этих поступков, действительно достойны восхищения. Но ее картины событий неверны и неправдоподобны. Добродетель ее благородных личностей никогда не подвергается

испытанию делать добро, рискуя пострадать за него. А между тем такова жизнь, устроенная Богом. «Нести крест» совсем не значит вызывать рукоплескания обедающей компании и это отнюдь не гарантирует несущему теплого места.

Дора. Но в таком случае что же это значит? Этого-то мы и не поняли вчера, когда вы говорили, что нет ничего хорошего в том, чтобы жертвовать собой.

Профессор. Дорогая моя, это означает только то, что вы должны идти по пути, который считаете прямым, неся, насколько возможно хорошо и мужественно, все, что, по вашему мнению, вам суждено нести; не гримасничая и не призывая людей любоваться вами. Но прежде всего вы не должны ни утяжелять, ни облегчать свою ношу, не должны выбирать креста по своему желанию. Одни думают, что для них было бы лучше нести большой крест, другие — и таких много — находят, что с небольшим крестом можно двигаться гораздо быстрее. Но даже и первые обыкновенно очень заботятся о его отделке и желают, чтобы их крест был изготовлен из лучшей слоновой кости. На самом же деле важнее всего держать спину и не думать о том, что лежит на ней, а главное — не хвалиться. Истинное и главное значение добродетели и заключается в этой прямизне спины. Да, смейтесь, дети, но это так. Вы помните, что я хотел поговорить с вами о словах, начинающихся на букву V? Сивилла, что значит буквально слово *vertu* — добродетель?

Сивилла. Не означает ли оно «отвагу»?

Профессор. Да, но отвагу особого рода. Это отвага нервов, жизненная отвага. Первый слог его, по Максиму Мюллеру, означает «нерв», а от него происходят *vis*, и *vir*, и *virgin*, и составное слово *virga* — жезл, зеленый жезл или весенний отпрыск дерева, являющийся типом совершенной человеческой силы, как, например, в истории Моисея при превращении жезла в змея, при ударе им о камень, или когда жезл Аарона расцветает. Так же точно и в метафорических выражениях «отрасль от колена Иессеева» или «человек, чье имя — отрасль» и так далее.

И важнейшая идея действительной добродетели есть идея жизненной человеческой мощи, которая инстинктивно,

постоянно, не руководимая мотивами, действует справедливо. Вы должны прививать людям эту привычку, как плодоносную ветку к дереву, и развивать в них инстинкты и нравы, преисполненные чистоты, справедливости, мягкости и мужества. Правильно воспитанные, они будут действовать должным образом, не побуждаемые ни страхом, ни ожиданием награды. Когда люди утверждают, что эти мотивы являются единственным средством для того, чтобы человеческие поступки не были злы, смело можно считать это самым очевидным признаком разложения национальной религии. И если бы людьми руководили лишь страх костра и надежда на награду, то они проводили бы жизнь во лжи, воровстве и убийствах. Я нахожу одним из замечательных исторических событий нашего столетия (а может быть, и всех столетий) тот съезд духовенства, который ужаснулся при мысли об уменьшении в нас боязни ада, тот Совет священнослужителей, на котором английский священник выступил адвокатом дьявола, недоумеая — хотя ему-то уж это было совсем не к лицу, — как могут люди жить без сатаны.

Виолетта (после паузы). Но несомненно, что если бы люди не боялись... *(Не решается.)*

Профессор. То они боялись бы только одного — поступать дурно, моя дорогая. Если же они не делают зла только из боязни наказания, то уже творят зло в сердцах своих.

Виолетта. Правда, но не может ли быть главной побудительной причиной у одних боязнь прогневать Бога, а у других желание угодить Ему?

Профессор. Нет, Он при таком подходе никогда не был бы доволен нами, моя дорогая. Предположим, что отец посылает своего сына куда-нибудь, например в контору, и мальчик, возвращаясь вечером домой, говорит: «Отец, я бы мог украсть сегодня выручку, но я не сделал этого, зная, что это тебе не понравится». Неужели вы думаете, что отец был бы особенно доволен сыном?

Виолетта молчит.

Если бы он был мудр и добр, разве не ответил бы он ему: «Сын мой, ты не должен воровать, хотя бы у тебя и не было отца».

По-настоящему угодить Богу мы можем только теми добрыми делами, которые совершили бы, даже если бы у нас не было всеведующего Отца».

Виолетта (после долгой паузы). Но сколько мы встречаем угроз и сколько нам сулят наград!

Профессор. И как они бесполезны — как когда-то для жителей древней Иудеи, так сегодня для нас. На самом же деле угрозы и обещания являются просто подтверждением божественного закона и его следствий. Суть передана верно — применяйте полученное знание как можете. И как косвенное предостережение, как поощрение или утешение, предупреждение о возможных последствиях может быть часто полезно для нас, но полезно главным образом, когда мы можем действовать независимо от побуждений. Самое тлетворное влияние имело представление о будущей награде на умы христианской Европы в Средние века. Половина монастырской системы возникла из него, поощряя к скрытой гордости и честолюбию добрых людей (тогда как другая половина возникла от их безумств и несчастий). Всегда есть доля гордости в так называемом посвящении себя Богу. Как будто человек может когда-нибудь принадлежать кому-нибудь другому!

Дора. Но несомненно, что из монастырской системы возникло и много хорошего... книги... наука — все это было спасено монахами?

Профессор. Спасено от чего, моя дорогая? От той бездны нищеты и гибели, в которой ложное христианство допускало жить весь деятельный мир? Когда резать друг другу горло и жечь друг у друга города стало главным удовольствием и наиболее чтимым искусством христиан, то, конечно, немногие слабые или благоразумные люди, жаждавшие спокойствия, безопасности и доброго товарищества, уходили в монастыри. И самые благовоспитанные, самые развитые, самые благородные люди, мужчины и женщины, запирались там, где до них труднее всего было добраться. Для нас, живописцев, там были чудные вещи — башни и белые своды на вершинах гор, до которых нужно идти целый день. Но если вдуматься, глубина трагикомизма такого

положения невыразима. Все лучшие люди из озорства готовы были себя подвесить на манер Никола Джарви — бедные маленькие овечки, болтающиеся знаменем Золотого руна, подобно Сократу в корзине, как это описано в «Облаках». (Кстати, я должен вам прочитать этот отрывок из Аристофана.)

И поверьте мне, дети, я не свидетельствую ложно о монастырях, а если и свидетельствую, то в их же пользу. У меня всегда была сильная склонность к ним. Я мысленно дрожал с августинцами на Сен-Бернаре; радостно убирал сено с францисканцами на Фьезоле; сидел молча с картезианцами в их маленьких садиках в южной Флоренции и предавался по целым дням грезам в Мелрозе и Болтоне.

Но меня всегда удивляло не то, как много, а то, как мало сделали монахи при всем их добром желании и при всем их досуге! Какой вздор они, как правило, писали, как слабо двигали вперед науку, и в особенности ту, которой посвящали себя из чувства долга. А что хуже всего, с каким равнодушием могли они наблюдать, как погружаются в пучину разврата и они сами, и люди вокруг, не сомневаясь в своей системе и не желая преобразовать ее.

(Заметив, что вопросы готовы сорваться с губ слушательниц.) Попридержите ваши маленькие язычки, дети. Уже поздно, и вы сбиваете меня с темы. Замрите хоть на пять минут: представьте, что вы сидите на церковных скамьях. Есть одна хорошая возможность, которую предоставляет монастырская система. Возможность эта всегда привлекательна для юных девушек — хотя и очень опасна. Я говорю об уверенности в том, что привычка созерцать «горние предметы», то есть предметы мира иного, есть своего рода заслуга и высшая добродетель. Правда, личность, богато одаренная, всецело погруженная в мысль о том, что ей представляется наиболее желательным и пленительным в будущем, станет не только жить в радости, но и приобретет в конце концов во всем, и даже в чертах лица, своеобразную прелесть, которая будет представляться другим особенной святостью. Какое бы действительное или кажущееся благо ни было последствием этого, я хочу, чтобы вы заметили,

дети, что у нас нет настоящей опоры для подобного рода мечтаний. Нам ничего не сказано определенного о небесном мире, кроме того, что там не будет ни скорби, ни греха. Все, что там говорится о жемчужных вратах, о граде золотом и о тому подобном, самими религиозными энтузиастами понималось только символически.

А представления о блаженстве воскресших душ, об их жизни или о проявлении и действии небесных сил — плод их собственного воображения. Это такая же полная и очевидная фантазия или такой же романтический вымысел, как и романы Вальтера Скотта. То обстоятельство, что в основе рассказа лежит религиозная теория или доктрина, что действующими лицами не могут быть существа злые или неприятные и что набожный сочинитель горячо верит, будто известная доля его видений о том свете справедлива, — нисколько не изменяет истинного характера этих грез, стоивших стольких усилий и доставляющих столько наслаждений.

Но как бы снисходительно мы ни относились к невинной утехе таких добрых людей, несомненно, однако, что избавление себя от суровых жизненных обязанностей ради записывания религиозных грез или в большинстве случаев ради мечтаний и них, не обремененных даже трудом записывания, — не может считаться геройской добродетелью. Заметьте, что при всем вышесказанном я предполагал, что мечты честны и прекрасны, хотя и призрачны.

Однако кто же из вас имеет право предполагать, что наши собственные мечты будут столь же прекрасны? То обстоятельство, что они восхищают нас и кажутся нам приятными, еще не доказывает, что мы не даром тратим время на создание их, и наше мнение о них может до некоторой степени колебаться, если мы обратим внимание на то, что далеко не чистая и не благородная фантазия иногда занимала и даже увлекала сердца других. Вот у меня в руке византийский образ Христа, рассмотрев который внимательно, вы, я думаю, раз и навсегда сделаетесь менее снисходительными к чисто созерцательному свойству ума. Заметьте, что принято смотреть на подобный

предмет только как на произведение варварского искусства, но этим еще не исчерпывается его интерес. Мне хочется, чтобы вы видели низость и лживость того религиозного энтузиазма, который с набожным удовольствием создал подобную вещь. Это фигура с двумя маленькими круглыми черными шариками вместо глаз; с позолоченным лицом, изрезанным глубокими страшными морщинами; с открытой раной вместо рта и изуродованным скелетом вместо тела, покрытым для красоты стертой синей эмалью с золотом. Тот факт, что подобная фигура могла считаться когда-нибудь произведением, дающим понятие об Искупителе, способен, мне кажется, заставить вас отнестись недоверчиво к так называемому религиозному вдохновению и к фантазиям вообще. Вы чувствуете, конечно, что ваше собственное представление о Христе сильно отличается от этого, но в чем же заключается разница? Не в большей божественной авторитетности вашего воображения, а в интеллектуальном труде промежуточных столетий, который художественной дисциплиной облагородил в вас прежнее грубое понятие и дал вам отчасти врожденное чувство, отчасти же — приобретенное знание высших форм, благодаря чему это византийское распятие кажется вам настолько же отвратительным, насколько пленительным оно казалось его создателю. Многого требуется для возбуждения нашей фантазии, но и наша фантазия не авторитетнее его, и по совершенно понятному закону искусства все то лучшее, что мы можем сделать теперь, окажется таким же оскорбительным для религиозных мечтателей более развитого времени, каким кажется нам это византийское распятие.

Мэри. Но Анджелико, несомненно, навсегда сохранит свою власть над всеми людьми?

Профессор. Да, я думаю, — навсегда, как милый лепет ребенка. Но вы были бы крайне удивлены, Мэри, открыв действительные источники этой силы Анджелико, если бы имели возможность и потрудились основательно проанализировать их. Конечно, на первый взгляд естественно приписать ее чистому религиозному вдохновению; но неужели вы предполагаете, что Анджелико был действительно единственный монах всего

христианского мира во все Средние века, трудившийся в области искусства с искренним религиозным энтузиазмом?

Мэри. Конечно нет.

Профессор. Ничего не может быть ужаснее такого предположения, ничего пагубнее для какого бы то ни было религиозного верования. А между тем какой другой монах произвел что-либо подобное? Я сам тщательно исследовал более двухсот иллюстрированных требников с одной-единственной целью — открыть что-нибудь похожее, как результат монашеского благочестия, но тщетно: исследование это не дало мне ничего.

Мэри. Но в таком случае не принадлежит ли Фра Анджелико к числу совершенно исключительных, вдохновенных гениев?

Профессор. Несомненно. И, признавая за ним это, я нахожу, что своеобразность его искусства для меня заключается не в привлекательности, а в слабости. Высший гений под влиянием действительного вдохновения стремился бы сделать все, что он делает, не только привлекательно, но и безукоризненно, и искусно. Из всех людей, достойных называться великими, Фра Анджелико позволял себе наименее извинительные ошибки и самые большие безрассудства. Чувства изящного и силы вымысла у него, несомненно, не меньше, чем у Гиберти, и мы привыкли приписывать эти великие достоинства его религиозному энтузиазму. Но если они являются результатом энтузиазма у него, то должны были бы являться результатом энтузиазма и у других, а этого-то как раз мы и не видим.

Между тем сравнивая Анджелико с современными ему великими художниками, не уступающими ему в изяществе и изобретательности, мы находим в нем одну замечательную особенность, которую по требованию логики должны приписать его религиозному пылу, и эта отличительная черта заключается в самодовольной снисходительности к своим слабостям и стойком невежестве.

Мэри. Но это ужасно! А в чем же источник той особенной прелести, которую мы все чувствуем при виде его работ?

Профессор. Источников много, Мэри, но все они соединены и кажутся одним. Эту прелесть вы, несомненно, можете

чувствовать только в произведениях вполне доброго и хорошего человека. Но доброта и честность являются лишь содействующими и направляющими элементами, а не творческими. Рассмотрите хорошенько, что восхищает вас в любом творении кисти Анджелико. Вы найдете в каждой безделице изысканное разнообразие и блеск орнаментальной части труда. Но это не результат вдохновения Анджелико. Это — результат труда и мысли миллиона художников всех наций, начиная с древних египетских горшечников, это совокупность усилий греков, византийцев, индусов, арабов, галлов и норманнов, завершившаяся в этом столетии во Флоренции такими украшениями одежды и такими инкрустациями на оружии, каких люди не видывали раньше и вряд ли увидят впредь. Анджелико берет только свою долю из этого общего наследия и употребляет его самым бережливым образом на предметы, наиболее подходящие. Но вдохновение, если оно существует вообще, так же ярко сияет на щите рыцаря, как и на картине монаха. Всмотревшись попристальнее в источники ваших ощущений от картин Анджелико, вы найдете, что впечатление святости зависит от особенного спокойствия и грации движений, совершающихся в плавающих, бегущих и главным образом в танцующих группах. Но это не вдохновение Анджелико. Это только особого рода искусство группировки, гораздо раньше него разработанной Джотто, Мемми и Орканья, корень же всего этого очень прост, и как бы вы думали, дети, в чем он состоит? Корень этого — чудный танец флорентийских девушек!

Дора (с негодованием). Что же дальше, я желаю знать? Отчего же сразу не сказать, что все зависит от дочери Иродиады?

Профессор. Да, конечно, существование некогда сирен служит серьезным аргументом против пения.

Дора. Хорошо, может быть все это очень тонко и глубокомысленно, но мне хотелось бы прочитать вам конец второго тома «Современных художников»²³!

Профессор. Неужели вы находите, дорогая моя, что учитель достоин быть выслушан вами или кем бы то ни было, если

он ничему не научился, если во мнениях его не произошло никакой перемены и он остался в сорок семь лет тем же, кем был в двадцать семь? Впрочем, и тот, второй, том вполне хорош для вас, каков бы он ни был. Для нас уже большое значение имеет то обстоятельство, что он нам помогает быстро перейти — а в этом и заключается главное значение этого второго тома — от скотских и зверских нидерландских картин к Фра Анджелико. Полезно также для вас, подрастая, укрепнуть в своих чувствах и суждениях, чтобы иметь возможность отличать слабость от достоинства во всем, что вам нравится, иначе вы, пожалуй, полюбите и то и другое, и даже слабости, а не достоинства. А то все может кончиться тем, что Овербек и Корнелиус вам будут нравиться ничуть не меньше Анджелико.

Однако, быть может, в этой беседе я чересчур напирал на чисто практическую сторону вещей. Помните, дети, что я не отрицаю, хотя и не могу признать духовной пользы, являющейся в некоторых случаях в силу пылких религиозных мечтаний и других деяний анахоретов. Показания относительно их никогда еще не были добросовестно собраны, беспристрастно рассмотрены, но несомненно, что в этом направлении опасные заблуждения более чем вероятны, и при том такие, каких нет в деятельной, живой и добродетельной жизни. Надежда достичь высшего религиозного состояния, побуждающая нас идти навстречу риску пагубного заблуждения, основана, говорю я, больше на тщеславии, чем на благочестии. Те же, кто при своей скромной, полезной деятельности заняли здесь места, кажущиеся самыми ничтожными в обители их Отца, не желают, я думаю, и на том свете получить обязательного тогда веления: «Друг, подымайся выше».

Чинная беседа в классной комнате после наглядного знакомства с минералами.

Профессор. Мы узнали достаточно, дети, хотя и очень мало по сравнению с тем, что могли бы узнать, будь у нас больше времени, — мы узнали порядочно о строении минералов, как о результате явного соперничества или состязания между элементами. Разнообразие их строения хотя и велико, не должно удивлять нас, потому что мы сами ссоримся по многим важным и неважным причинам, и ссоры кристаллов тем простительнее, что они могут только чувствовать антагонизм, не рассуждая о нем. Но у них есть еще другое, странное подражание человеческим свойствам в разнообразиях форм. И разнообразие это, по-видимому, происходит не от силы соперничества, а просто от изменчивого настроения и капризов самих кристаллов. Я попросил вас всех прийти сегодня сюда, потому что эта сторона характера кристаллов должна, несомненно, особенно интересоваться женскую аудиторию. (Явные признаки недовольства со стороны аудитории.) Нет, вы не должны притворяться, что вам неинтересно — это невозможно. Мы, мужчины, правда, никогда не капризничаем, но потому-то мы так скучны и неприятны. Вы же подобны кристаллам, как по блеску, так и по капризам, и бесконечно очаровательны своей бесконечной изменчивостью. **Отчетливый ропот: «Все хуже и хуже! Как будто это может быть утешительно для нас!» и так далее. Профессор, однако, уловив более благосклонное выражение лиц, продолжает.**

И интереснее всего, когда дело касается кристаллов разных стран, наблюдать их подражание если не изменчивости ваших обычаев, то по крайней мере разнообразию ваших мод. При небольшой опытности можно с первого взгляда определить, в какой области найдены данные кристаллы. И хотя при достаточной обширности и точности наших знаний мы и могли бы, конечно, определить законы и обстоятельства, неизбежно производящие формы, свойственные каждой местности, но это так же верно и относительно фантазий человеческого ума. Если бы мы могли точно знать обстоятельства, влиявшие на него, то могли бы предвидеть то, что сегодня нам кажется капризом

мысли — так же как изменчивость формы кажется нам капризом кристалла. Вообще, легче разобратся, почему бернские крестьянские девушки носят шляпки в форме бабочек, а мюнхенские — в форме раковин, чем определить, почему верхушки горных кристаллов в Дофинэ имеют форму верхней части флейты, тогда как в Сен-Готарде они симметричны; или почему у флюорита Шамони розоватый цвет и форма куба.

Еще более отдаленной в настоящее время представляется перспектива исследования мелких отличий в формах группировки и конструкции. Возьмите, например, капризы просто минерала, кварца, — его разнообразие в выполнении простых задач. Он имеет много форм, но посмотрите, чего он хочет добиться от одной из них — от шестигранной призмы. Для краткости я буду называть среднюю часть призмы колонной, а пирамидальные оконечности — верхушками. Тут вы имеете прямую колонну, длинную и тонкую, как ствол спаржи, с двумя маленькими верхушками на концах; вот другая, короткая и толстая колонна, массивная, как стог сена, с двумя грубыми верхушками на концах; а вот еще две скрепленных вместе верхушки, совсем без колонны посередине! Вот кристалл, утолщенный посередине и суживающийся в маленькую верхушку, а вон похожий на гриб с огромной шапкой на тонкой ножке! Эта колонна вся составлена из верхушек с большой гладкой шапкой на вершине; а та составлена из столбов и верхушек, и все верхушки усечены от середины до конца. И в обоих случаях маленькие кристаллы расположены кое-как, так что строение целого является беспорядочным. А вот кристалл, состоящий из колонн и усеченных верхушек, расположенных всюду правильными площадками.

Мэри. Но разве эти группы кристаллов не лучше отдельного кристалла?

Профессор. Что вы называете группой и что отдельным кристаллом?

Дора (вслух, обращаясь к Мэри, не находящей ответа). Ты всегда так нерешительна, Мэри.

Профессор. Я уверен, что на этот вопрос легко ответить. Что вы понимаете под группой людей?

Мэри. Трех, четырех или многих вместе, как верхушки на этих кристаллах.

Профессор. Но если люди объединяются в группу, принимают ли они форму одного лица?

М э р и снова молчит.

Изабелла. Нет, потому что они не могут. Но вы знаете, что кристаллы могут — почему же они не делают этого?

Профессор. Да, они не делают этого. То есть не всегда делают или даже часто не делают этого. Но взгляните-ка, Изабелла.

Изабелла. Какая грязная, безобразная вещь!

Профессор. Я рад, что вы находите ее безобразной. Но она состоит из прекрасных кристаллов. Они сероваты и неярки, однако большинство из них светлы.

Изабелла. Но они в таком страшном, ужасном беспорядке!

Профессор. Да, всякий беспорядок ужасен там, где надлежит быть порядку. Комнаты некоторых девочек, надо полагать, естественно беспорядочны, иначе непонятно, как они могут жить в них, ужасаясь при одном виде беспорядочных кристаллов.

Изабелла. О, но как же они дошли до этого?

Профессор. Вопрос весьма естественный, однако, как известно, люди чаще изумляются порядку, чем беспорядку. Это удивительно, как мы видели, но для меня, так же как и для вас, моя девочка, было бы удивительнее всего, если бы природа была всегда опустошенной, бесплодной или мертвой. Я с бесконечным удивлением смотрю на этот природный кристалл.

Мэри. Из какого же он месторождения?

Профессор. Тет-Нуар в Шамони. Удивительнее же всего, что он находится в жилах прекрасного кварца. Окажись он в распадающейся скале, это было бы вполне естественно, но тут, среди такого чудного вещества, кристаллы свалены кучей: встречаются и крупные, и мириады мелких (почти таких же мелких, как пыль), навалившихся друг на друга, как обезумевшая толпа, и сцепившихся боками, концами, спинами и головами; некоторые сгорбившиеся, другие втиснутые или вытесненные, причем все они уродуют друг друга и все целое.

Мэри. И как плоски они все!

Профессор. Да, но это обычно на Тет-Нуар.

Мэри. Но это, несомненно, дело разрушения, а не каприза?

Профессор. Я думаю, что здесь большую роль играет неудача, и мы займемся этими невзгодами кристаллов в следующий раз. Но если вы хотите познакомиться с изящными капризами, на которые способна пыль, вы должны отправиться на Гарц. Сам я туда не хочу, потому что желаю сохранить восторженное отношение к этим горам, а между тем меня уже несколько опечалил монотонный и унылый вид Броккена, открывающийся из окрестностей Брунсвика.

Но независимо от того, живописны горы или нет, все же те проделки, которым кристаллы, как мне рассказывали, обучаются там от духов природы, совершенно восхитительны. Эти духи воздействуют главным образом на восприимчивую синеватую углекислую известь, которая входит в состав серого известняка; они очень ревностно следят за его образованием, за тем, чтобы ничто не повредило его свойствам. Когда же появляется возможность предположить, что наступил кризис, который для благовоспитанного минерала то же, что для молодой девушки представление ко двору, кристаллы прибегают к своим главным ухищрениям, так как после кризиса форма устанавливается окончательно. Сначала кристалл превращается в остроконечные стрелки, тонкие, как иней; затем изменяется в белый пушок, нежный, как шелк; далее — в маленькие короны и веночки, блестящие, как серебро, изготовленное как будто для принцессы гномов; и в прекрасные крошечные тарелочки, предназначенные как будто для ее стола наконец образует башни, места своего заключения, или пещеры и кельи, где кристаллы могут превратиться в крошечных монахинь, о которых ни один гном никогда не услышит. Тут кристалл похож на сугробы снега, а там лучист, как звезда. И хотя он и здесь неизбежно принимает все формы, свойственные минералам из других мест, но по грации вы тотчас признаете в нем принадлежность к высшей благовоспитанной касте и, где бы ни встретились с ним, не усомнитесь, что родина его — Гарц.

Конечно, такие прекрасные вещи производятся только вполне добрыми, хорошо расположенными кристаллами. Несомненно и то, что там встречаются и дурно расположенные кристаллы, мучающие один другого и надоедающие спокойным кристаллам, не доводя, однако, дела до серьезной борьбы. Вот, например, дурно расположенный кварц, беспокоящий восьмигранный флюорит исключительно из вредности. Прошлой ночью я очень долго и с немалым удивлением рассматривал его, так что, когда погасил свечу, увидел дивный сон. Но вы не интересуетесь снами.

Дора. Да, мы не интересовались ими вчера, но вы знаете, что мы капризны и потому интересуемся ими сегодня и желаем, чтобы вы тотчас же рассказали нам свой сон.

Профессор. Нейт и ее работа, видите ли, еще сильно занимают мой ум, так что, рассматривая эти кристаллы Гарца, я нашел, что у них много общего с прекрасными украшениями на башенках в стиле северной архитектуры. Думая об этом, я заснул и увидел во сне Нейт и святую Варвару, они разговаривали между собой.

Дора. Но при чем же тут святая Варвара?

Профессор. Я уверен, дорогая моя, что покровительница хороших архитекторов — святая Варвара, а не святой Фома, что бы ни думали об этом старые строители. Может быть, по понятиям монахов, и прекрасно, что святой Фома раздавал все деньги своих хозяев бедным, но все же нарушение контракта — плохая основа, и я думаю, что не он, а святая Варвара покровительствовала всем постройкам, интересующим меня и вас. Как бы там ни было, во сне я видел именно ее вместе с Нейт. Нейт ткала, и мне она показалась печальной, и челнок в ее руках двигался неохотно. А рядом с ней стояла святая Варвара в плотной изукрашенной мантии, и одежда эта так блистала вышивкой, что при движении ослепляла меня; ее шлейф — плотный, узловатый, разноцветный и блестящий — был похож на груды рассыпанных драгоценных камней. Волосы ее длинными прядями падали на плечи из-под тройной короны, похожей на башню. Она расспрашивала Нейт о законах архитектуры Египта и Греции, и, узнав от Нейт о размерах пирамид, святая Варвара сказала, что, по ее мнению, им

лучше было бы быть треугольными. Когда же Нейт упомянула о размерах Парфенона, святая Варвара заметила, что, по ее мнению, ему бы следовало иметь два трансепта. Но она была очень довольна, когда Нейт сказала ей о храме росы и кариатидах, поддерживающих его фризы, и ей пришло в голову, что, может быть, и Нейт с удовольствием услышит, какого рода храмы строила она, святая Варвара, в долинах Франции и на утесах Рейна. И она начала свой рассказ, и рассказывала так, как стали бы вы рассказывать какой-нибудь старой леди, и, несомненно, говорила с Нейт чрезвычайно ласково, и объяснила ей все про колокольни и башни. Нейт сидела с серьезным видом и чем дальше, тем все важнее и важнее становилась. Так что, как это ни грустно, а надо сознаться, что святая Варвара наконец потеряла терпение.

Мэй (очень серьезно). Святая Варвара?

Профессор. Да, Мэй. Почему бы и нет? Ведь очень странно было со стороны Нейт так важничать.

Мэй. Но ведь Варвара — святая.

Профессор. А что это значит, Мэй?

Мэй. Святая! Святая... вы наверное знаете, что это значит.

Профессор. Если бы я даже и знал, то не был бы уверен, что и вы, Мэй, тоже знаете, но, право, я не знаю.

Виолетта (выражая общее недоверие). О сэр!

Профессор. Конечно, я знаю, что люди называют святыми тех, кого считают лучше других. Но не знаю, насколько они должны быть лучше, чтобы быть святыми, и насколько человек может приблизиться к святости, не достигнув ее вполне. Я не знаю также, святы ли те, кого считают святыми, и нет ли святых среди тех, кого не считают святыми.

Общее молчание. Девочки чувствуют себя на краю Бесконечности и немного смущены, а еще больше — подавлены множеством вопросов.

Профессор. Кроме того, разве вы никогда не читали, что говорит Святое Писание относительно святых?

Мэй. «Всем находящимся в Риме, возлюбленным Божиим, призванным святым, благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа».

Профессор. Совершенно верно, Мэй. Итак, кто же эти призванные? Только находившиеся в Риме?

Мэй. Все, я думаю, кого любит Бог.

Профессор. Как! И маленькие девочки наравне с другими?

Мэй. Все взрослые, я думаю.

Профессор. Почему же не девочки? Разве люди хуже в детстве?

Мэй. Надеюсь, что нет.

Профессор. Почему же не девочки в таком случае?

Пауза.

Лили. Потому что, вы знаете, мы ничего не стоим, как бы мы ни были хороши. То есть как бы мы ни старались быть хорошими, мы не можем совершить ничего трудного, в отличие от святых.

Профессор. Я сильно опасаюсь, дорогая моя, что и взрослые не лучше справляются с тем, что представляется трудным для них, как и вы, дети, с тем, что трудно для вас. Я могу сказать только одно: когда я вижу, что семь, восемь или двадцать девочек сидят, сосредоточив все внимание на том, что им предстоит сделать или понять, как, например, вы, Лили, сегодня над вашей грифельной доской, то думаю, что передо мною очень благородные женщины. Итак — возвращаясь к моему сну — святая Варвара слегка вышла из себя, и это не удивило меня. Вы не можете себе представить, какой вызывающий вид был у Нейт: она сидела подобно каменной статуе и ткала, как машина, нисколько не ускоряя движения своего челнока, пока святая Варвара рассказывала ей о разных прекрасных вещах, и слова у нее лились, как звон колоколов в рождественский сочельник. Поняв наконец, что Нейт нисколько не интересуется ее рассказом, святая Варвара зарделась как маков цвет и умолкла — как раз вовремя, иначе, мне кажется, она могла бы сказать Нейт что-нибудь неприятное.

Изабелла. Но скажите, пожалуйста, неужели Нейт так и не обронила ни слова?

Профессор. Она сказала спокойно: «Все это, может быть, и прекрасно, друг мой, но все это вздор».

Изабелла. Боже мой, какой ужас, ну а потом?

Профессор. Тут я сам слегка вспылал и подумал, что святая Варвара окончательно выйдет из себя, но я ошибся. Она сначала сжала губы, потом глубоко вздохнула, испустила жалобный стон, опустилась на землю и скрыла лицо свое в коленях Нейт. Царица была сильно тронута и улыбнулась.

Изабелла. О, как я рада!

Профессор. Когда же Нейт коснулась ее лба цветком белого лотоса, то святая Варвара рыдая сказала: «О, если бы ты могла видеть, как это прекрасно и как заставляет людей чувствовать все доброе и отрадное; если бы ты только слышала пение детей в храмах Богоматери!» Нейт улыбнулась, грустно улыбнулась, и сказала: «Как можешь ты знать, дорогая моя, о том, что я видела и что слышала? Ты думаешь, что все эти ваши своды и башни были построены без моего участия? В вашей Санта-Марии дель Фьоре, возведенной Джотто, нет ни одной колонны, воздвигнутой без помощи древка моего копья. Но все эти стрельчатые башни и украшения их, воспламеняющие твое сердечко, — одно только тщеславие. Ты увидишь — и скоро, — до чего все это дойдет, и никого это не огорчит сильнее меня. Тогда уже никто не будет верить вашим прекрасным символам и образам. С людьми должно говорить просто, дорогая моя, если желаешь руководить ими миролюбиво и долго». Но святая Варвара возразила: она действительно думает, что «каждому нравится ее работа» и что «людям самых разных городов так же дороги шпили ее соборов, как и их привилегии и рынки». Затем она попросила Нейт пойти и воздвигнуть вместе с ней что-нибудь, хоть стену башни. «Ты увидишь, — добавила она, — будет ли народ так же доволен твоим зданием, как моим». Но Нейт отвечала: «Я не стану спорить с тобой, дорогая моя. Я не соперничаю с теми, кто любит меня. Тем же, кто ненавидит меня, невыгодно бороться со мною, что хорошо известно Арахне. И запомни, дитя, что соперничество никогда не создает ничего прекрасного, а гордость — ничего благородного».

Тут святая Варвара низко склонила голову и сказала, что она очень опечалена тем, что была так безумна. Простояв

в задумчивости еще с минуту, она поцеловала Нейт, и тут взор ее снова загорелся, и она сказала, что пойдет сейчас же и построит часовню с пятью окнами; четыре из них будут посвящены четверем главным добродетелям, а пятое, самое большое, посередине — скромности. Нейт чуть было не расхохоталась. Во всяком случае, с лица ее исчезла на минуту всякая суровость, и она сказала: «Хорошо, друг мой, строй, но не делай своих окон такими цветными, как ты их делаешь обычно, иначе никто не в состоянии будет прочитать того, что будет написано за ними. Когда же часовня будет готова, то пусть не архиепископ, а бедный сельский священник освятит ее». Святая Варвара вздрогнула, и мне показалось, что она хотела повернуться и что-то сказать, но передумала и ушла. Нейт снова склонилась над своим станком, на котором ткала полотно странных темных тонов. Впрочем, они могли показаться мне странными только после блестящего одевания святой Варвары. Я, со своей стороны, старался разглядеть узоры на ткани Нейт, но они путались у меня, как это обычно бывает во сне. Затем сон мой резко изменился, и я очутился в толпе маленьких готических и египетских духов, ссорившихся между собой. Ссорились, впрочем, только готические духи, египетские же сидели в жестких фартуках, сложив на коленях руки, и в изумлении смотрели на происходящее широко раскрытыми глазами. Через несколько минут я начал понимать, в чем дело. По-видимому, некоторые из задорных строителей-бесенят, вмешивающихся постоянно во все даже лучшие готические работы, прислушались к разговору святой Варвары и Нейт и сделали вывод, что у Нейт нет рабочих, которые могли бы состязаться с ними в строительном искусстве. Такой вывод говорит о том, что это были глупые бесенята, очень мало работающие и только мешающие великим готическим строителям всяческими проделками. В последнее время они, как летучие мыши, жили под карнизами Страсбургского и Кельнского соборов, ничего не делая, а только строя гримасы народу. Однако они воображали, что знают решительно все о возведении башен, и, услышав разговор Нейт, передали его остальным. Тогда все остальные слетели вниз и защебетали

по-немецки, как галки, чтобы показать строителям Нейт, что они умеют делать. Некоторых из старых рабочих Нейт они нашли где-то близ Саиса сидящими под солнцем, со сложенными на коленях руками, и принялись изо всех сил бранить их.

Рабочие Нейт сначала не обратили на них внимания, но через несколько минут, когда, по-видимому, им надоела эта болтовня, один или двое из них медленно поднялись, взяли мерные шести и сказали, что если строители святой Варвары желают построить с ними башню вместо пирамид, то они покажут, как нужно класть камни. Тут маленькие готические духи несколько раз перекувырнулись от радости и исподтишка поспешили показать друг другу язык. И я слышал, как египтяне сказали: «Это, должно быть, особого рода лягушки, едва ли стоящие чего-нибудь как строители». Тем не менее старые работники взяли свои шести и отмерили себе квадратное пространство песка. Но лишь только германские духи увидели это, как тотчас же заявили, что им самим нужен именно этот участок земли для постройки. Тогда египетские работники сказали, что отойдут дальше, и германцы ответили: «Jawohl!». Но лишь только египтяне отмерили другой участок, как маленькие германцы потребовали и его тоже. Люди Нейт расхохотались и сказали: германцы могут брать сколько им угодно, что не мешает им строить пирамиду, не отступая от плана. Тогда маленькие германцы взяли три участка земли и принялись воздвигать три шпиля, один большой и два маленьких. Египтяне, видя, что они хорошо начали, заложили круглый фундамент из больших четырехугольных камней и стали строить так усердно, что казалось, будто их здание затмило все три маленькие германские шпиля. Увидев это, готические духи стали строить свои шпили наклонно, подобно Пизанской башне, чтобы они могли выдаваться с боков пирамиды. Рабочих Нейт удивило это. Они нашли постройку искусной, но неправильной и, не говоря ни слова, продолжили работу. Маленьких готических духов страшно рассердила невозможность испортить форму пирамиды, и они уселись по краям ее и стали гримасничать, но и это не помогло. Тогда они побежали к углам пирамиды, облокотились на них и, нагнувшись

вперед как можно больше, принялись гримасничать пуще прежнего, но и это не помогло. Затем они стали смотреть на небо, широко раскрыв рты и жадно глотая, причем говорили, что им слишком жарко работать и что они призывают дождь, но и это ни к чему не привело. Египетские духи продолжали терпеливо класть камень за камнем. Но когда готические духи взглянули и увидели, как высоки уже были их постройки, они воскликнули «Ach, Himmel!»²⁴ и попадали вниз.

Затем в один миг они сравняли крыльями небольшое пространство земли и начали стремительно строить прямую башню. Египтяне приостановились, дивясь на них: готические духи, войдя в азарт, работали и правда удивительно. Они разрезали кирпич на тонкие пластинки, ставили одну пластинку на верхушку другой, так что незаметны были спайки. Они переплетали их, как при плетении корзин, и на местах скрепления делали выпуклости с изображением безобразных человеческих лиц или странных животных, грызущихся между собой. Они подвигались все выше и выше и для удобства рабочих, носивших кирпичи, сделали по углам спиральные лестницы (я уже говорил, что это были слабые бесенята, которые не могли летать с камнями на спине). Для того же, чтобы можно было ходить вокруг здания, они устраивали каменные кружевные галереи и таким образом поднимались все выше. Работа становилась все тоньше и тоньше, так что египтяне недоумевали, строят ли они башню или колонну, и я слышал, как они говорили друг другу: «Это почти так же красиво, как ствол лотоса, и если бы не безобразные лица, то вышел бы прекрасный храм. Только им следовало бы воздвигать его на таких же толстых колоннах, как все их здание!» Однако через минуту, как раз когда готические духи довели работу почти до уровня пирамиды — недоставало лишь трех или четырех рядов, — египтяне крикнули им, чтобы они обратили внимание на то, что из-под одного угла башни сыплется песок. Но было уже поздно, потому что в следующую же минуту вся башня накренилась. Духи вспорхнули с нее, как стая птиц, только кричали они совсем

не по-птичьи, и башня рухнула, как подрубленный тополь, вершина же ее, попав на один из боков пирамиды, с треском отломилась. Тут я проснулся.

Мэри. Как же вам не стыдно видеть такие сны после всего того, что вы нам рассказывали о готической архитектуре!

Профессор. Если бы вы поняли что-нибудь из того, что я говорил вам о ней, вы бы узнали, что ни одна архитектура не была так страшно искажена, не была так справедливо заброшена вследствие того, что довела свое безумие до крайности. При этом даже в дни своего процветания она подвергалась подобного рода катастрофам. Я слишком часто с грустью останавливался перед обломками сводов в Бове, чтобы это никак не повлияло на меня. Без сомнения, вы заметили также, что эти духи были из «блестящей» школы или, во всяком случае, из германской, сходной с ней по сумасбродству.

Мэри. Но где же тот кристалл, из-за которого вам приснился этот сон?

Профессор. Здесь, но я предполагаю, что низший Птах коснулся и его, оттого он так мал. Вот пирамида, построенная из больших четырехугольных флюоритов, а вот три башенки из зловредного кварца, поместившиеся на том же самом фундаменте, но только наклонно, как Пизанская башня; а вот большой шпиль кварца, который, по-видимому, должен был стоять прямо в некотором отдалении, но он упал на основание пирамиды, сломав свои башенки. На самом деле он начал кристаллизоваться горизонтально, но закончил неправильно. По какому же, однако, капризу один кристалл образуется горизонтально, когда остальные стоят вертикально? Все это, впрочем, ничто для фантазии шпата, кварца и им подобных, когда им дана возможность творить свою волю. Я мог бы показать вам пятьдесят образцов, и относительно каждого из них можно было бы придумать новую волшебную сказку. Но не все кристаллы могут делать все, что им угодно. Многим из них уготована жалкая участь: им, бедняжкам, нет времени капризничать!

Мэри. Мне всегда кажется, что они или шутят, или страдают. Каким же испытаниям они подвергаются?

Профессор. Испытания их очень сходны с нашими. Болезни и голод, лихорадки, горячки, параличи и притеснения. Они также не избавлены ни от старости, ни от необходимости погибать в свое время, как и все в мире. Если вам ведомо чувство жалости, то вы должны прийти завтра и принять некоторое участие в невзгодах кристаллов.

Дора. Я уверена, что мы будем безутешно плакать.

Профессор. О, вы можете смеяться, Дора. Я же не раз и не два и вправду горевал, думая о том, что даже кристаллы в конце концов не могут избежать старости. Прописная истина, но, увы, этот приговор обжалованию не подлежит.

Дора (задумчиво). Я думаю: страшно быть старым! Но, впрочем (*снова оживляется*), что бы мы делали без наших дорогих старых друзей и без наших милых старых профессоров?

Профессор. Если бы все старые профессора пользовались таким же малым расположением, как один мой знакомый, то...

Дора. И если бы все они так же мало верили тому, что говорят, то, конечно, вполне заслуживали бы этого. Но мы придем... придем и поплачем.

Деловая беседа в классной комнате.

Профессор. До сих пор, дети, мы говорили о кристаллах так, как будто они могут жить, забавляться, ссориться, вести себя хорошо или дурно в зависимости от их свойств, как будто их поведение не зависит от воздействия внешних сил. На самом деле все совсем не так, и почти всем кристаллам, независимо от их свойств, приходится вести тяжелую жизнь и сталкиваться со многими неприятностями. При более тщательном исследовании мы бы обнаружили, что корень всех их недостатков кроется в несчастье, а теперь я хочу показать вам, через какие невзгоды должны иногда пройти лучшие, ни в чем не повинные кристаллы.

Этот черный предмет, один из самых прекрасных черных предметов в мире, называется турмалином. Он может быть и прозрачным, и зеленым, и красным — и тогда ни один камень не способен сравниться с ним по красоте (только свет, преломляясь в нем, становится, как мне кажется, значительно хуже и долго не может снова стать самим собой). Обычно же турмалин бывает непрозрачен и черен как смоль.

Мэри. Что значит «турмалин»?

Профессор. Говорят, что это цейлонское слово. Я не знаю цейлонского языка, но мы всегда должны быть признательны за это изящное слово, что бы оно ни означало.

Мэри. А из чего турмалин состоит?

Профессор. Из всего понемногу: в нем есть кремний, глина и магnezия; черное вещество в нем — железо, такова его фантазия; есть тут и борная кислота, может быть, известная вам, а если вы ее не знаете, то сегодня разговор не о ней, да это и неважно; есть в нем и сода. Вообще, состав его больше похож на рецепт средневековых алхимиков, чем на обычный способ образования почтенных минералов. Но, быть может, благодаря своей удивительной сложности он приобретает те замечательные свойства, которые для меня делают его одним из самых интересных минералов. Вот два кристалла, треснувшие поперек во многих местах, — будто шпильи черного мрамора, упавшие с разрушенного храма.

И вот они лежат осколками в белом кварце, сохраняя очертания первоначального кристалла, в то время как кварц заполняет промежуточное пространство. Турмалин более всех других известных мне минералов склонен к подобным вещам. А вот и другой кусок, который я нашел на леднике в Макуньяга: он похож на обломок столба, построенного из плоских широких камней, в три слоя, из которых каждый возвышается и отклоняется в сторону, почти как ступеньки. И тут все промежутки заполнены цементом кварца.

Вот, наконец, зеленый кусок из Индии, в котором столбик сначала расчленен, а потом изогнут в форме буквы S.

Мэри. Как же это могло получиться?

Профессор. Это могло получиться тысячами способов. Трудно объяснить не то, как это получается, а то, почему в одних кристаллах это встречается, а в других — нет. Вы никогда не встретите кристалла кварца, изломанного или искривленного таким образом. Если он ломается и кривится, совсем как шпиль Дижона, а такое иногда случается, то делает это по своей воле или вине; пассивно же он, по-видимому, никогда не искажается. Что же касается сил, вызывающих это пассивное разрушение турмалина, то вот камень, который покажет вам, какое множество их действовало разом. Он известен под именем брекчиевидного агата, очень красив, как видите, и, как кремьень, ценится довольно высоко.

Однако насколько я читал и слышал, никто никогда не рассматривал его с должным вниманием. На первый взгляд кажется, что он состоит из тонких красных полосок агата, раздробленных на мелкие куски и снова связанных цементом из того же агата. И в этом, в сущности, нет ничего удивительного. Хорошо известно, что при движении слоев горная порода нередко крошится; известно также, что агат — это осадок кремня в воде при определенных температурах и давлении; следовательно, ничего нет удивительного в том, что агат ломается, как и в том, что он восстанавливается тем же раствором, от которого и сам получил первоначальную твердость. И это объяснение, по-видимому, вполне удовлетворяет многих. Я и сам

удовлетворялся им двадцать лет назад. Но позднее, когда мне пришлось пробыть некоторое время в швейцарском Бадене, где весь берег Лиммата состоит из конгломерата известняка, я стал исследовать его внимательно и понял, что все минералы, от первого до последнего, покрыты завесой тайны, которую человек не в силах даже приподнять. Этот кусок агата, который у вас в руке, Мэри, покажет вам общие черты брекчирования; но не углубляйтесь так, не хмурьте бровей, будьте уверены: ни я, ни вы да и никто до конца жизни не узнает, как оно совершается.

Дора. Но это не имеет особого значения.

Профессор. Извините, кошечка. Когда мы приобретаем сколько-нибудь реальное понятие о размерах и несокрушимости нашего невежества, то можем спокойно и свободно положиться на это понятие и подняться на нем, как на облаке, чтобы ликовать вместе с богами. После этого ни вас, ни других уже не должны тревожить теории или противоречия в теориях, у вас не должно быть ни головной боли, ни изжоги, вы больше, чем когда-нибудь, увеличите запас ваших слабых сил и свободного времени. Однако есть некоторые факты о происхождении агата, которые я могу вам сообщить, и, узнав их, вы можете смотреть на него с радостным изумлением сколько вам будет угодно, потому что радостное изумление не есть потеря времени.

Прежде всего, он раскололся не просто от удара, а медленно сдавливался и дробился на куски. Вы только смутно можете представить себе силу, проявляемую горами в переходном состоянии движения. Вы все знакомы немного с геологией и знаете, как хладнокровно геологи говорят о поднятии и опускании гор. Они говорят хладнокровно, потому что привыкли к этому факту, но универсальность факта всегда мешает нам ясно понимать условия действия силы. Вам известно, что я жил в прошлом году в Савойе. Дом мой стоял на откосе горы, которая плавно идет вверх на протяжении двух миль и затем, по направлению к Женеве, сразу обрывается, образуя громадную пропасть, спускаясь вниз на три тысячи футов четырем

или пятью ступенями — скалами. Вся эта группа скал была просто оторвана силой от нижних гор, когда вся масса была мягка, как бисквит. Поставьте четыре или пять бисквитов на поле так, чтобы второй бисквит стоял на верхушке первого, третий на верхушке второго и так далее, и постарайтесь разломить их потом пополам, не сгибая, а давя одну половину книзу, а другую таща вверх. Конечно, вам не удастся сделать это, но вы почувствуете и поймете, какого рода сила требуется. Затем вообразите, что каждый бисквит представляет собой каменный пласт в шестьсот или семьсот футов толщины и что вся оторванная масса, половина которой приподнята на триста тысяч футов, перетирает другую, когда та поднимается, — и вы составите себе некоторое представление о происхождении Мон-Салева²⁵.

Мэй. Но таким образом камень должен превратиться в пыль!

Профессор. Нет, пыль тут невозможна. Давление слишком велико, да и температура, вероятно, настолько высока, что камень становится до известной степени гибким. Но хуже всего то, что мы никогда не можем видеть этих частей гор в том состоянии, в котором они находились в период образования, а между тем именно в этих трещинах при тектонических процессах и проявляется сила кристаллизации. Это главным образом вяжущая сила, и при разрывах она заживляет и связывает. Муки и горе земли, по-видимому, неизбежно напрягают всю ее энергию, так как мы находим, что кристаллизация проявляет наибольшее напряжение своей деятельной силы только там, где трещины и разломы глубоки и многочисленны.

Дора. Скажите, пожалуйста, что такое разломы?

Профессор. Разве вы никогда не слышали о них?

Дора. Ни разу в жизни.

Профессор. Когда жила, плавно проходящая в камне, прорывается другой маленькой, беспокойной жилкой, которая останавливает и отгоняет ее так, что та должна избирать себе

другое место, возникает разлом. Я думал, что название это относится к прерывающей жиле. Но горняки всегда относят его к прерванной.

Дора. Это справедливо, если она не продолжается там, где остановлена.

Профессор. Да, в этом, конечно, вся суть дела. И, в противоположность обыкновению благодушных старых профессоров у камней есть дурное обыкновение, когда их прерывают, не спрашивать: «На чем я остановился?»

Дора. Когда две половины стола были сдвинуты вчера, был ли разлом?

Профессор. Да, но только не разлом стола. И все же, Дора, иллюстрация вполне подходящая. Когда пласты камня разделяются только трещиной, оставаясь на одном и том же уровне, подобно двум половинам стола, уместно говорить о трещине, а не о разломе; если же одна половина стола или поднимется выше другой, или отойдет в сторону, так что части не будут состыкованы, это будет уже разлом. Прочитайте лучше главу о разломах в геологии, и вы познакомитесь с ними поближе. И тот разрыв, о котором я упоминал, говоря о Салеве, есть только один из многочисленных разрывов, каковым Альпы на всем протяжении обширной горной цепи обязаны своей формой. Где бы вы ни увидели пропасть действительно грандиозных размеров, почти всегда окажется, что это следствие подобного рода движения. Но всего удивительнее для меня та деликатность, с какой, по-видимому, совершался этот гигантский разгром. Заметьте, однако, что мы до сих пор не представляем, сколько времени нужно, чтобы произвести каждый из этих переворотов. Мы знаем, что перемена температуры изменяет положение и углы атомов кристаллов, как и весь объем камней. Нам известно, что во всех вулканических и в большей части всех подземных процессов температура постоянно изменяется, а следовательно, и массы камня должны расширяться и сокращаться — крайне медленно, но под действием колоссальной силы. Результатом подобного давления должен

стать механический надрыв — как в них самих, так и в соседних камнях; и мы не можем представить результаты непреодолимого давления, способного разрывать и поднимать массы толщиной в тысячи футов. Желательны были бы опыты с массами железа и камня, но мы не можем добиться их, потому что христиане всерьез готовы жертвовать свои капиталы только на изыскание легчайших способов истребления друг друга. Однако кроме этого медленного рода давления случаются более или менее внезапные натиски такого же страшного масштаба, и при всем этом, как я уже говорил, меня больше всего удивляет деликатность столкновения. Я отломил глыбу салевого известняка у края одного из главных разломов, образовавших пропасть. Это прекрасный плотный известняк, а сам разлом наполнен красной брекчией, образовавшейся из обломков оторванного камня, связанных красным кристаллизованным цементом. Я взял кусок, гладкий и отполированный по спайкам, вот он. Вы можете провести по его поверхности своими нежными пальчиками, не заметив того места, где скала, способная затмить все холмы Англии так, что от них не видно было бы ни одной верхушки, где, говорю, скала была разодрана во всю толщину, подобно тому, как наступив на платье, вы рвете подол. **Слушательницы рассматривают камень и робко дотрагиваются до него, все еще не понимая, в чем дело.**

Мэри (пораженная красотой камня). Но это почти мрамор!

Профессор. Это и есть мрамор. Другая удивительная сторона дела, по моему мнению, заключается в том, что эти камни, которые в течение тысячелетий люди разрезали на плиты для украшения своих главных построек и которые под общим названием «мраморы» восхищали взор и составляли богатство архитектуры, и являются как раз теми, на которых в первую очередь запечатлелись знаки подземной агонии. В них нет ни одной пурпурной жилы, ни одной яркой прожилки, которые не представляли бы картины всех их давних страданий. Какой беспредельной склонностью

к дремоте и к безмятежной глупости обладает человеческий ум! Представьте себе мыслящих существ, тысячелетиями режущих и полирующих камни ради их прекрасной окраски. Наконец существа развили в себе способность искусно воспроизводить эти прожилки, научившись ловко рисовать, и, однако, при всей своей любознательности никогда не задали себе вопроса: что разрисовало эти скалы?

Слушательницы удрученно и смущенно переглядываются.

Дело в том, что все мы ходим всю жизнь как сонные и только благодаря очень сильным щипкам наконец приходим в себя и понимаем что-нибудь. К тому же не только мы сами щиплем себя — иногда нас щиплют и другие, что, я нахожу, очень хорошо с их стороны или, иначе сказать, очень свойственно им. Но как же грустна жизнь, состоящая преимущественно из дремоты и щипков!

Некоторые из слушательниц, по-видимому, находят, что другие нуждаются в том, чтобы их ущипнули, и Профессор меняет предмет разговора.

Рассмотрите, однако, внимательно этот кусок мрамора и подумайте о нем. Вы видите, что это одна из сторон разлома, другая же или опустилась, или поднялась — неизвестно; но на этой стороне вы можете ясно заметить следы процесса движения и разрыва. По всему краю этого мрамора концы жилок оторваны друг от друга, где на дюйм, а где на полдюйма, и вы видите точное место их соединения до разрыва. Вы видите, что все скважины заполнены теперь кровавым цементом с примесью осколков раздробленного камня, и сам цемент, по-видимому, был наполовину расплавлен, отчасти же расплавил края заключающихся в нем частиц и кристаллизовался вместе с ними и вокруг них. Брекчиевидный агат, который я вам показывал, несет в себе следы точно таких же явлений: среди и вокруг цементированных осколков происходит кристаллизация, отчасти изменяющая строение самих осколков и подвергающаяся беспрестанным переменам — как в отношении напряженности своей собственной силы, так и в отношении свойств подчиненного ей материала.

На осколки действует иногда сила давления, и они располагаются или горизонтальными рядами, или сталактитами. Иногда же сила давления не имеет никакого влияния, и субстанция в растворе кристаллизуется в полосы одинаковой со всех сторон толщины. Нам потребовались бы гораздо более пространные беседы, чтобы описать явления подобного рода только в агатах и халцедонах. В Британском музее, например, есть простой саркофаг XVIII династии, покрытый рельефами и состоящий из превосходной брекчии (агаты и яшма, вкрапленные в порфир), на которой запечатлены следы всех скорбей земли за такой продолжительный период времени, по сравнению с которым вся история Египта кажется рассказом о событиях одного утра. Агаты, я думаю, более всех других камней могут рассказать о своем прошлом, но и вся кристаллизация совершается при обстоятельствах такого же рода: при бесконечном разнообразии, всегда сопряженном с трудностями, перерывами и изменениями условий в разное время. Заметьте прежде всего, что вся масса скал находится в движении. Она, то сжимается, и то увеличивая трещины, то расширяя, замыкает раскол, дробя его края. Если же одна часть вещества этой массы делается при данной температуре мягче, чем другая, то, вероятно, эта более мягкая часть проходит в жилы. Если же скала, сжимаясь при своем сокращении, оставляет жилы открытыми, то последние воздействуют на ее субстанцию разным всасыванием: капиллярным притяжением, если вещество измельчено, образованием пустоты, если фракции более крупные, и, наконец, изменением в составе и сгущением смешанных газов, которыми скала первоначально была наполнена. Объем же и сила самих газов пополняются извне, путем медленного разложения скал. При меняющихся температурах неизбежно изменяются и сила разложения, и комбинации составных частей жил, наполняемых этими газами; а вода при любых температуре и давлении (будут ли это неподвижные пласты векового льда или утесы природных скал, расширяющиеся до объема красного каления либо пара) замерзает в капли, дрожит и передает

свой трепет от одной трещины до другой. Дыхание и пульсация пьянящих или пылающих страстью артерий этих скал слышатся по всей обширной цепи великих островов Индийского океана. И подобно тому, как биение вашего пульса заставляет колыхаться ваши браслеты, пульсация этих скал вынуждает целые царства мира, словно осиновы листья, дрожать от смертельных землетрясений. Не забывайте при этом, что в подобной обстановке маленькие кристаллы должны проводить свою жизнь и как можно лучше заботиться о своих делах. Они удивительно похожи на людей и забывают все, что происходит, как бы страшно это ни было, если только не видят этого; к тому же они никогда не думают о том, что может случиться завтра. Злые или любящие, ленивые или трудолюбивые, благонравные или беспутные — все они живут, не помышляя ни о лаве, ни о наводнении, которые могут когда-нибудь нагрянуть и или заставить эти маленькие кристаллы испариться, или смыть их растворами солей. Поняв однажды условия, влияющие на судьбу кристаллов, вы непременно посмотрите на них с огромным интересом. Вы увидите массу несчастных маленьких кристаллов, которые были принуждены образоваться наскоро, когда на растворенное вещество их действовала чрезвычайно высокая температура; они сделали все, что могли, и вышли блестящими и многочисленными, но крошечными. Вы найдете также балованных судьбой кристаллов, в распоряжении которых для самообразования были целые столетия; эти беспрестанно меняли свои намерения и способы действия, уставали и снова набирались сил, болели и выздоравливали, пробовали менять пищу и добивались несколько лучшей, но в общем мало пользовались своими преимуществами. Вы увидите и такие кристаллы, которые, начав жизнь нечестиво, потом, под влиянием тревожных обстоятельств, встали на путь истинный и действовали в течение короткого времени изумительно; но затем они снова пали и окончат, может быть, даже разложением; во всяком случае, неизвестно, что из них выйдет. Иногда вы встретите лукавые кристаллы, имеющие вид мягкого бархата, но дей-

ствующие смертельно на все прилегающее к ним. А то и такие обманчиво твердые, как маленький кристалл кварца у нашей хозяйки (молчите, Дора!), способные, однако, быть бесконечно милыми и правдивыми, когда это требуется. Иногда перед вами предстанут дети-кристаллы, выстроенные в ряды и идущие в школу, как маленькие девочки, — они очень стараются держать ряд и вести себя хорошо. А то вам попадутся несчастные заброшенные маленькие кристаллы, которым выпало валяться в грязи и добывать себе пропитание и обучаться манерам, как и где они могут. Иногда же перед вами предстанут жирные кристаллы, поедающие тощих, как крупные капиталисты — мелких рабочих; и кристаллы, напоминающие политэкономов, поучающих неразумных, каким образом следует поедать и обманывать друг друга. Вам встретятся безумные кристаллы, становящиеся поперек дороги мудрых; и нетерпеливые кристаллы, срывающие планы терпеливых — точь-в-точь так, как происходит в мире людей. Иногда вы можете даже увидеть лицемерные кристаллы, принимающие форму других, не имея ни малейшего сходства с ними по существу; увидеть кристаллы-вампиры, высасывающие сердца других; кристаллы — крабы-отшельники, живущие в скорлупе других; кристаллы-паразиты, живущие на средства других; кристаллы-подхалимы, блестяще ухаживающие за другими. И все это кроме тех обширных лагерей войны и мира, которые соединяются для решительного нападения или для решительной защиты. Наконец, вы увидите, что над всем этим нависла тень и неумолимая сила неизбежной судьбы; вы увидите множество кристаллов, время которых настало — не тот определенный момент, который наступает для каждого из нас, но все же время, когда им придется испустить свой кристаллический дух, когда сила, придававшая им рост и дыхание, придававшая им жизнь, уходит от них, когда они погибают и исчезают, и новое поколение из их пепла призывается к жизни.

Мэри. Это ужасно. В этом превращении в пыль нет ли полного исполнения слов стиха: «Вся тварь совокупно стенает и мучится доныне?»

Профессор. Не знаю, Мэри, мучается ли она. Во всяком случае, очевидно, что ощущаешь гораздо больше радости, чем горя, когда чувственный опыт становится возможным.

Люцилла. Но если нам сказано, что она мучается, значит, так оно и есть?

Профессор. Да: если нам сказано, да еще в том смысле, в каком вы понимаете, Люцилла; но ведь ничего не сказано о размерах удовольствия. Несмягченное горе убило бы каждого из нас в несколько часов; горе, равное нашим радостям, заставило бы нас ненавидеть жизнь; да и само это слово в обычном смысле неприменимо к низшим свойствам материи. Но пока не спрашивайте меня об этом. Отложим до завтра вопросы и трудности, сегодня же обратимся исключительно к фактам. Мне хотелось бы дать вам представление об одной группе фактов, связанных с разрывом камней. Вот вы штопаете старое платье, и это очень похвально только тогда, когда есть еще возможность...

Египет (прерывая). Не можете ли вы хоть изредка приводить в пример мужскую работу?

Профессор. Мужская работа редко бывает так полезна, как ваша, Египет; полезную же мужскую работу девочкам трудно освоить.

Дора. Я уверена, что мы поняли бы ее лучше, чем мужчины понимают наше шитье.

Профессор. Надеюсь, дорогая моя, что я, не в укор вам будет сказано, всегда выражаюсь скромно, когда касаюсь материй, слишком для меня высоких. К тому же я с неизменным уважением отзываюсь о шитье, хотя вы, по-видимому, думаете, что я смеюсь над вами. Говоря серьезно, иллюстрацию шитья заставила меня полюбить Нейт, и мне кажется, что и все молодые девушки должны бы охотно пользоваться ею. Как вы думаете, от чего происходит прекрасное слово wife — жена?

Дора (качая головой). Я не нахожу его особенно прекрасным.

Профессор. Может быть, в ваши годы слово *bride* — невеста звучит лучше. Но слово «жена» есть великое слово, в котором сказывается победа английского и латинского языков над французским и греческим. Я думаю, что когда-нибудь и французы введут в употребление это слово вместо своего ужасного *femme*. Но от какого слова, вы думаете, оно происходит?

Дора. Я никогда об этом не думала.

Профессор. А вы, Сивилла?

Сивилла. Я думаю, что это слово саксонское и осталось таким.

Профессор. Да, но саксонские слова тем и хороши, что они всегда имеют какое-нибудь значение. «Жена» восходит к слову «ткачиха». Вы имеете полное право называть себя маленькими хозяйками, если искусно шьете.

Дора. Я не думаю, что бы нам следовало называть себя маленькими хозяйками.

Профессор. Вы можете быть либо домашними хозяйками, либо домашней молью, запомните это. В более широком смысле — вы можете или ткать людское благосостояние, или истреблять его и доводить до упадка. Будет лучше, если вы позволите мне пользоваться для пояснения моих мыслей шитьем и поможете мне в этом.

Дора. Хорошо, мы будем безропотно слушать.

Профессор. Вы слышали уже, правда, по другому поводу, что «никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже». Не значит ли это, что новый кусок оторвет старый в том месте, где будет пришит?

Дора. Да конечно.

Профессор. А когда вы штопаете ветхую материю крепкими нитками, не отделяется ли иногда весь край при новом разрыве?

Дора. И тогда уже ничего не починишь.

Профессор. Хорошо, но камни, по-видимому, не думают так, и подобная вещь случается с ними постоянно. Значи-

тельные массы гор бывают иногда испещрены жилами, как ваша рука, и приблизительно такими же тонкими; только, как вам известно, жила в камне представляет собой не трубочку, а трещину или щель. Эти-то трещины исправляются обычно самым крепким материалом, какой только может найтись у камня, и часто буквально нитками, потому что мало-помалу открывающаяся щель как бы втягивает наполняющее ее вещество в скрещивающиеся волокна, причем они бывают до некоторой степени прозрачны. Когда же кристаллы становятся отчетливы, то трещины приобретают вид разрыва, соединенного крепкими поперечными стежками. Теперь, когда все заделано и скреплено, может произойти новый перепад температур, и камень опять начнет сжиматься. Тогда старая жила должна будет раскрыться шире или образоваться в другом месте. Если старая жила расширится, она сможет служить своего рода центром. Но поперечные стежки могут быть слишком крепки, чтобы допустить разрыв, в таком случае отрываются стенки, сбоку от первой жилы образуется добавочная жилка, а часто за ней следует и другая, и третья.

Мэри. Да, это очень похоже на нашу работу, но чем пользуются горы для починки?

Профессор. Кварцем, когда могут достать его. Чистый известняк принужден довольствоваться углекислой солью; большая же часть смешанных пород всегда может найти для себя сколько-нибудь кварца. Вот кусок черного сланца из Буэ-та: он похож на сухую черную грязь, не подумаешь, что в нем есть кварц. Но вы видите, что его трещины наполнены прекрасными белыми нитями, которые и представляют чистейший кварц, так плотно сжатый, что вы можете разбить его как кремень. А там, где он подвергался действию непогоды, видно тонкое волокнистое строение: более того, вы видите, что все нити скручены и отодвинуты в сторону тут и там вследствие искривления и изменения жилы при ее расширении.

Мэри. Удивительно! Но совершается ли нечто подобное сегодня? Разрываются ли и соединяются ли снова горы?

Профессор. Да конечно, дорогая моя. Но я считаю несомненным (хотя геологи не сходятся во мнениях по этому вопросу), что это совершается не с такой силой и не в таких масштабах, как прежние разрушения и восстановления. Все, по-видимому, стремится к состоянию хотя бы временного покоя. И этот стон и труд во Вселенной, хотя они и не проникнуты всецело мукой, не вполне еще осмыслены.

Мэри. Мне так много хотелось бы спросить у вас об этом!

Сивилла. Да и всем нам хотелось бы, кроме того, расспросить вас о многом.

Профессор. Мне кажется, вы приобрели как раз столько знаний, сколько вам нужно, и мне бы не хотелось обременять вас ими больше. Но я должен стараться, чтобы все, что вы слышите, было для вас понятно. Итак, нас ждет еще одна беседа, во время которой я буду главным образом отвечать на ваши вопросы. Обдумайте все хорошенько, сформулируйте вопросы, и мы посмотрим, что можно с ними сделать.

Дора. Они все появятся в лучшем виде и присядут в почтительном реверансе.

Профессор. Ну нет, Дора, пожалуйста, без приседаний. С меня было достаточно их, когда на вас напал припадок реверансов, выживший меня из комнаты.

Дора. Но, знаете, мы разом излечились после той выходки, и я надеюсь, что все наши затруднения сами исчезнут — войдут в одну дверь и выйдут в другую.

Профессор. Как хорош был бы мир, если бы все затруднения исчезали таким же образом! Однако можно кое-что извлечь из затруднений или, по возможности, не усиливать затруднения, если характер их определен. Но ваши затруднения — я должен это сказать вам, дети, — так же неопределены, как и ваши желанья.

Дора. Это очень любезно с вашей стороны. Некоторые не допускают и мысли, что девочки могут хотеть что-нибудь узнать.

Профессор. Но они, по крайней мере, допускают в вас, Дора, желанья, которые вам следовало бы изменить.

Мэри. Вы могли бы предоставить нам последнее слово без возражений. Но мы постараемся изменить наилучшим образом наши скромные желания к завтрашнему дню.

Вечер. У камина. Кресло Профессора помещается в самом уютном уголке.

Профессор (замечая приготовленные скамеечку для ног, подушку, экран). Да-да, все это прекрасно, но мне, по-видимому, придется просидеть здесь до самого ужина, выслушивая бесконечные вопросы, не так ли?

Дора. Едва ли вам вообще удастся поужинать сегодня — нам так много надо спросить у вас.

Лили. О мисс Дора, мы отлично можем принести профессору ужин сюда!

Профессор. Да, это будет очень приятно при конкурсном экзамене — соревнование будет, конечно, со стороны экзаменаторов. Действительно, узнав теперь, как вы, девочки, несносны, я уже не так сильно удивляюсь тому, что люди снисходительно относились иногда к драконам, поедавшим их на ужин. Но я, кажется, бессилён как помочь себе, так и прибегнуть к помощи святого Георгия. Итак, спрашивайте, дети, а я буду отвечать вам с изысканной вежливостью.

Дора. Мы хлопочем не столько о вежливых ответах, сколько о том, чтобы не превратиться в допрашиваемых.

Профессор. «Aye seulement la patience que je le parle»²⁶. И не ждите никакого вознаграждения!

Дора. Хорошо, значит прежде всего... но о чем мы спросим прежде всего, Мэри?

Мэри. Это неважно. Я думаю, что все вопросы сведутся в конце концов к одному.

Дора. Знаете, вы все время так говорили, как будто кристаллы — живые существа, а мы никак не могли понять, какова доля шутки в этой шутке. Это во-первых.

Профессор. Да я и сам, друг мой, не понимаю, насколько я говорю серьезно. Камни ставят меня в тупик не меньше, чем я вас. Их видимая жизненность заставляет меня говорить о них как о живых, но, в сущности, я не знаю, насколько можно довериться их внешнему виду. Я не намерен возвращаться сегодня к тому, о чем мы уже говорили, но все подобные вопросы ведут

к одному главному, который мы с вами — тщетно — обсуждали раньше: «Что значит быть живым?»

Дора. Да, но нам хотелось бы вернуться к нему, потому что мы читали научные книги относительно закона сохранения сил, и все там представляется таким грандиозным и удивительным, а опыты такими прекрасными! Мне кажется, что все сказанное в научных книгах верно. Но они ничего не говорят о такой вещи, как жизнь.

Профессор. Они, конечно, большею частью упускают из виду эту сторону предмета, Дора, вы вполне правы: жизнь — такой элемент, о котором не совсем удобно говорить. В последнее время ученые, по-видимому, добыли частичку ее в своих колбах и вне их, в виде «озона» и «антизона», но все же они еще очень мало знают о ней, а я и того меньше.

Дора. Вы обещали не дразнить нас сегодня.

Профессор. Погодите минутку. Хотя тайны жизни, несомненно, известны мне менее, чем философам, но я знаю, на какой площадке мы, художники, можем защищаться от нападок ученых так же стойко, как солдаты при Инкермане. И вы можете встать в ряды нашей лейб-гвардии, если научитесь хорошо рисовать.

Дора. Я уверена, что все мы постараемся научиться! Но скажите, на какой почве мы можем стоять твердо?

Профессор. Вы всегда можете противопоставить Форму Силе. Для живописца главный отличительный признак всякого предмета заключается в его форме, и ученые не могут на это нападать. Они являются и говорят вам, например, что в чайнике столько же теплоты, движения, или тепловой энергии (как бы они это назвали), сколько и в орле. Прекрасно, это верно и крайне интересно. Чтобы подняться в свое гнездо, орлу требуется такое же количество теплоты, какое нужно для того, чтобы вскипятить чайник, и гораздо большее, чем для того, чтобы ему спуститься и наброситься на зайца или на куропатку. Но мы, живописцы, признавая равенство и однородность чайника и птицы во всех научных отношениях, придаем, со своей стороны, особое значение различию их форм. Для нас

прежде всего важно, что у чайника есть носик, а у орла клюв; что у чайника сбоку ручка, а у орла пара крыльев; не говоря уже о разнице в воле, которую ученые могут просто назвать известной формой или видом силы, но для художника-то в форме и есть вся суть дела. Чайнику свойственно стоять спокойно на плите, а орлу — парить в воздухе. В факте воли, а не в одинаковой температуре заключается для нас самое интересное обстоятельство, хотя и факт степени теплоты тоже очень интересен, чрезвычайно интересен. Не смейтесь, дети! Недавно ученые совершили величайший прорыв в своей области: превращение силы в свет есть превосходный образец системного открытия. А гипотеза, по которой Солнце получает свое пламя от непрерывного метеорического града, выбивающего из него огонь, — очень величественна и кажется весьма правдоподобной.

Конечно, это все тот же старый ружейный замок — кремень и сталь — в больших размерах, но порядок и стройность его величественны. Однако нас, скульпторов и живописцев, это мало интересуется. «Бесспорно, — говорим мы, — прекрасно и очень полезно это выбивание света из Солнца или вбивание планет в него вечным водопадом. Но вы можете совершать это бесконечно и все-таки не выбьете того, что можем выбить мы. Вот кусок серебра величиной с полкроны, на котором ударом молота один из нас две тысячи лет назад удачно выбил голову Аполлона. Тут только форма, но если кто-нибудь из вас, господа ученые, со всей вашей Солнечной системой, может изобразить на куске серебра что-нибудь подобное, то мы снимем перед ним шляпы. Пока же мы останемся при шляпах».

Мэри. Да, понимаю, и это прекрасно. Но не думаю, чтобы кому-нибудь из нас нравилось зависеть только от формы.

Профессор. При сотворении Евы формой не пренебрегали, дорогая моя.

Мэри. Но не в этом заключается наше отличие от праха, а нам бы хотелось постичь дыхание жизни.

Профессор. Вы и постигните его, но тверже держитесь формы и отстаивайте ее прежде всего, в отличие от простого превращения сил. Отличайте творческую руку гончара, управляющего

глиной, от простого движения его ноги при верчении колеса. Если вы найдете впоследствии в этом сосуде миро — хорошо. Но интересно, насколько простая форма поставит вас впереди людей науки. Возьмем, например, самый интересный из всех видов силы — свет. Ученые никогда не рассматривают, насколько существование его зависит от известной стекловидной влаги и нервной субстанции в системе того, что мы называем глазом. Немецкие ученые, с одной стороны, давно начали атаку, возвещая нам, что такого предмета, как свет, совсем не существует, а существует только наша способность видеть его. Теперь немецкие и английские ученые, в противоположность прежней теории, утверждают, что свет существует именно таким, каков он есть, пусть его и не видно. Предполагается, значит, что сила сама по себе, а глаза сами по себе, и что свет есть воздействие силы на глаз (Платон, насколько мне известно, заглядывал глубже в эту тайну, чем кто-либо после него) или на нечто, находящееся внутри глаза. Но мы можем спокойно стоять позади сетчатки и бросать вызов людям науки.

Сивилла. Я не собираюсь бросать вызов людям науки, — я мечтаю лишь составить для самой себя ясное представление о жизни или о душе.

Профессор. Вы, Сивилла, имели возможность больше узнать о них в ваших пещерах, чем кто-либо из нас. Я собирался спросить вас о вдохновении, о золотых ветвях и тому подобном, но вспомнил, что сегодня я не имею права задавать вопросов. Не можете ли вы, однако, сказать нам: нельзя ли просто упорядочить противоположность между идеей о жизни как о силе, соединяющей предметы, или создающей их, с идеей о смерти как о силе, разъединяющей предметы, или разрушающей их?

Сивилла. Нет, я сегодня не в своей пещере и ничего не могу сказать.

Профессор. А я думаю, что можете. Современная наука — величайший разъединитель. Она несколько более расширяет смысл мольеровской сентенции: «Il s'ensuit de la, que tout ce qu'il y a de beau est dans les dictionnaires; il ny'a que les mots, que

sont transposes»²⁷. Но когда вы бывали в вашей пещере, Сивилла, и предавались вдохновению, то помимо творческой и поддерживающей силы была еще (остающаяся отчасти и теперь) одна, которую мы, живописцы, называем «страстью», — не знаю, как зовут ее ученые мужи. Мы знаем, что она заставляет людей краснеть и бледнеть и, следовательно, должна что-то представлять из себя. Может быть, она и есть истинная, поэтическая, творческая сила, созидающая свой собственный мир из взгляда или вздоха, а отсутствие страсти и есть, может быть, самая настоящая смерть или разрушение всего, даже камней. Кстати, вы все читали на днях о восхождении на Айгуль-Верт?

Сивилла. Да, так как вы нам сказали, что это было очень трудно.

Профессор. Я надеялся, что Айгуль-Верт, Зеленая Игла, постоит за себя. А помните, что воскликнул один из восходивших, когда убедился, что достигнет вершины?

Сивилла. Он воскликнул: «Oh, Aiguille Verte, vous etes morte, vous etes morte!»²⁸

Профессор. Да, в этом выразился верный инстинкт, действительная философская радость. Теперь можете ли вы понять разницу между чувством торжества от смерти горы и восторгом вашего любимого поэта при чувстве жизни в себе?

Quantus Athos, aut quantus Eryx, aut ipse coruscis,
Quum fremit ilicibus quantus, gaudetque nivali,
Vertice, se attoelens pater Apenninus ad auras²⁹.

Дора. Вы должны перевести эти стихи нам, простым хозяикам, хотя бы мы, жительницы пещер, кое-что и знали о них.

27 «Из этого следует, что все, что есть прекрасного в словарях — это всего лишь слова, а не то, что они обозначают» (фр.).

28 «О, Айгуль-Верт, с вами покончено!» (фр.)

29 «Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже / Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега / <Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет>». Вергилий, «Энеида» (пер. С. Ошерова).

Мэри. Не поможет ли нам Драйден³⁰?

Профессор. Нет. Драйден не вполне передаст значение этих стихов, да и никто этого не сделает. Это непереводаемо. Вам нужно только знать, что эти строки дышат страстной сыновней любовью к Апеннинскому хребту, как к отцу и защитнику Италии, любовью, изливающейся из души, которая разделяет радость, сияющую в снежной мощи вершин, что возносятся к небесам, и трепещущую в листьях горных бесконечных лесов.

Мэри. Да, тут есть, конечно, разница, но все это только фантазия. Очень заманчиво воображать горы живыми, но живы ли они на самом деле?

Профессор. Мне кажется, Мэри, что именно самые чистые и страстные человеческие души способны познать истину, не тогда, конечно, когда они не желают ее познать или видеть, предаваясь своему эгоизму, так как в этих случаях они перестают быть чистыми. Но если страстные души, неустанно ища и воспринимая истину, насколько она доступна нам, доверяют чистоте инстинктов, дарованных им Богом, и обретая мир в чаянии высшей истины, которой они не в силах еще доказать, то их-то слова и есть самые истинные.

Дора и Джесси (аплодируя). Итак, мы в самом деле можем верить, что горы живут?

Профессор. Вы можете, по крайней мере, верить, что присутствие духа, управляющего вашей собственной жизнью, проявляется едва брезжащей зарей, и в то, что прах земной начинает принимать стройный и правильный порядок. Вы сочтете невозможным отделить идею последовательного проявления порядка от идеи о жизненной силе. Являются предметы как бы не вполне живые и не вполне мертвые, а более или менее живые. Возьмите наиболее удобный для исследования пример — жизнь цветка. Заметьте, сколь разная роль отведена природой чашечке и венчику. Чашечка — лишь пелены цветка; цветок — только ребенок, завернутый в нее с руками и ногами; он сохраняется в ней, сдерживается ею, пока не приходит время явиться на свет.

30 Драйден Джон (1631–1700) — английский поэт, драматург, переводчик; перевел «Энеиду».

Скорлупа едва ли более подчинена зародышу в яйце, чем чашечка цветку. Она наконец лопается, но никогда не живет, как венчик. Чашечка, выполнив свою задачу, или отпадает (тотчас же, как у мака, или постепенно, как у лютика); или продолжает пребывать в одревеневшей апатии после смерти цветка, как, например, у розы; она может, наконец, быть настолько гармоничной, что получает вид настоящего цветка, как у лилии, но она никогда не принимает участия в блестящей, страстной жизни венчика. И последовательность эта, существующая между различными органами живых существ, наблюдается также и между различными родами организмов. Мы не знаем более возвышенной и энергичной жизни, чем наша, но, мне кажется, в том и благо идеи последовательности в жизни, что она допускает идею жизни других существ, настолько же выше и благороднее нашей, насколько наша благороднее жизни пыли.

Мэри. Я рада, что вы сказали это, поскольку знаю, что Виолетта, Люцилла и Мэй хотели задать вам один вопрос, который интересуется и всех нас, только вы так запугали Виолетту муравейником, что она боится теперь слово сказать, а Мэй опасается, что вы будете дразнить ее. Но я знаю, что их всегда удивляет, когда вы говорите о языческих богах и богинях, как бы наполовину веря в них. Вы изображаете их добрыми, и мы видим, что в ваших рассказах есть доля правды. Но мы всегда бываем смущены, и сами не можем разобраться в том, что нас смущает. Если бы мы спросили вас обо всем, о чем нам хочется знать, то получился бы очень длинный ряд запутанных вопросов.

Профессор. И это неудивительно, Мэри, так как предлагаемый вами вопрос действительно самый древний и запутанный из всех, в которых разуму приходилось когда-либо разбираться. Но я постараюсь дать вам о языческих богах несколько ясных понятий, которые могут послужить вам руководством впоследствии, когда запас ваших знаний увеличится.

У любого языческого понятия о божестве, которым вы интересуетесь, есть три аспекта.

I. Оно имеет физическую сторону и представляет некоторые великие силы или предметы природы — солнце или месяц,

небо, ветер или море. Фабулы, передаваемые о каждом божете, изображают иносказательно действие известной естественной силы, как то: восход или заход солнца, прилив или отлив моря и так далее.

II. Оно имеет этический характер и представляет в своем развитии формы нравственного общения божества с человеком. Таким образом, Аполлон является прежде всего физическим светом, борющимся с тьмой, а затем нравственной силой божественной жизни, борющейся с развращенностью. Афина служит физическим олицетворением воздуха, а нравственным — дыхания божественной мудрости; Нептун — физическим олицетворением моря, а нравственным — возвышенной силы бушующей страсти и так далее.

III. Оно имеет, наконец, личный характер и реализуется в представлении его поклонников как живой дух, с которым люди могут говорить как с другом.

Пойдем дальше. Трудно и даже невозможно точно определить, насколько в определенный период развития национальной религии эти три идеи перемешаны, или насколько одна берет верх над другими. Каждое исследование сообразуется обычно с одной из этих идей и преследует ее до того, что исключает все остальные: по-видимому, не было проведено беспристрастных исследований для определения истинного состояния языческого воображения на разных стадиях его последовательного развития. Вопрос не в том, какое значение изначально имела та или иная мифологическая личность, а в том, во что она обратилась при последовательном умственном развитии нации, унаследовавшей представление о ней. В соответствии с умственным и нравственным развитием расы увеличивается для нее значение мифологических образов, которые становятся все реальнее. Первобытная, дикая раса подразумевала под Аполлоном только солнце (потому что ничего больше подразумевать не могла), тогда как у цивилизованных греков он олицетворял различные проявления божественного разума и справедливости. Египетская Нейт физически означала немногим больше, чем просто синеву воздуха; но греки при

их климате, где тишина сменялась бурями, изображали злоеющие края грозовых облаков змеями Эгиды, а молнию и холод высочайших грозовых туч — Горгоной на ее щите. Между тем, по всей видимости, эти же самые типы олицетворяли для них тайну и изменчивый ужас знания, а пика и шлем — его укрощающую и оборонительную силу. И никакое отдельное изучение не может быть более интересным и полезным для вас, чем изучение различных значений, придаваемых великими нациями и великими поэтами мифологическим образам, являвшимся первоначально в самой первобытной простоте. Но лишь только мы коснемся их третьего, или личного, характера (самого значимого по своему влиянию на народный дух), как тотчас же столкнемся с вопросами, которые заставят всех призадуматься. Ошибочно ли воображали язычники своих богов реальными существами и таким образом незаконно ставили на место истинного Бога? Или эти божества и в самом деле были реальными существами — злыми духами, — удалявшими людей от истинного Бога? Может возникнуть, наконец, и третье предположение: что они были реальными существами, добрыми вестниками, ниспосылаемыми истинным Богом для исполнения Его воли? Эти вопросы, Люцилла, вы хотели мне задать?

Люцилла. Да, эти.

Профессор. Итак, Люцилла, ответ будет во многом зависеть от ясности вашей веры в реальное существование тех духов, которые описаны в книге вашей религии, в реальное существование, заметьте, как отличное от простых символических видений. Например, когда Иеремия видел кипящий котел с отверстием, обращенным к северу, вы знаете, что это был не реальный предмет, а только вещий сон. Точно так же, когда Захария видел красных коней в чаше среди миртовых деревьев, то и это видение символическое, и вы не примете его за реальное, как и Пегаса.

Но когда вы читаете о четырех всадниках Апокалипсиса, то невольно начинаете отчетливо представлять реальное существо. И хотя в мрачном расположении духа вы можете подумать, например, что четвертый всадник на коне бледном есть символ могущества смерти, однако, по более ясному и серьезному

размышлении, он представится вам скорее реальным, живым существом. Если же вы от видений в Апокалипсисе обратитесь к рассказу об истреблении первенцев в Египте, к войску Сенахериба и к видению Давида на гумне Аарона, то идея о реальной личности этого ангела смерти настолько же становится определена, как и явление ангелов Аврааму, Маноаху или Марии. И лишь только вы признали идею личного духа, как тотчас же возникает вопрос: оказывает ли этот дух воздействие на одно только племя людей или на все? Существовал ли этот ангел смерти только для иудеев или и для язычников тоже? Вы читаете об известном божественном послании, когда перед израильским царем явился ангел с мечом, творящий возмездие, целью которого было смягчить царскую гордость. Вы читаете о другом (а может быть, и о том же самом) посланнике, явившемся христианскому пророку в виде ангела, стоящего на солнце и призывавшего птиц, летавших под небом, клевать трупы царей.

Есть ли что-нибудь нечестивое в мысли, что подобный же вестник мог явиться в видении и греческому царю или греческому пророку? Что этот ангел, стоящий на солнце и вооруженный мечом или луком (стрелы которого были пропитаны кровью) и являвшийся главным образом для смягчения гордости, мог вначале называться только разрушителем, а потом, когда свет или солнце правды было признано благом, его стали называть «исцелителем» или «искупителем»? Если вы не готовы признать возможность подобного воздействия, то мне кажется, что это происходит отчасти по очень простой причине: все дело в различном воздействии на ваш слух греческой и английской терминологии, а главным образом — в неопределенности вашего собственного суждения относительно свойств и действительности видений, о которых рассказывает Библия. Разбирал ли кто-нибудь из вас внимательно свою веру в них? Вы, например, Люцилла, так много и серьезно думающая о подобных вещах?

Люцилла. Нет, я не отдаю себе в них ясного отчета. Я знаю, что тут точно есть доля правды, и люблю об этом читать.

Профессор. Да, и я люблю читать Библию, Люцилла, как всякое другое поэтическое произведение. Но, несомненно, обоим нам нужно нечто большее, чем любовь к такому чтению. Неужели вы думаете, что Бог будет нами доволен, если мы будем читать его слова ради пустого поэтического наслаждения?

Люцилла. Но разве люди, увидевшие смысл в подобных вещах, не приходили к странным и нелепым выводам?

Профессор. Более того, Люцилла, они часто доходили до сумасшествия. Я как раз против созерцания и усиленного обдумывания религиозных теорий. Я никогда не советовал вам посвящать себя раскрытию их значения. Но вы обязаны стараться понять их настолько, насколько они ясны, и точно определить ваше духовное отношение к ним. Мне бы не хотелось, чтобы вы читали библейские тексты ради того, чтобы наслаждаться их поэтичностью, или, того хуже, по формальной религиозной обязанности (ради этого лучше уж повторяйте «Отче наш», потому что гораздо разумнее повторять что-нибудь одно, понятное нам, чем читать тысячу вещей, понять которые мы не в состоянии). Поэтому или признайте, что эти места Святого Писания вам пока непонятны, или ясно определите, в каком смысле вы их понимаете. И во всяком случае выделите те значения, между которыми следует выбирать. Определите ясно ваши верования или уясните свои сомнения, но не допускайте, чтобы в продолжение всей жизни вы могли сознательно ни во что не верить, и не думайте, что, прочитав слова Божественной книги, вы имеете право презирать всякую чуждую вам религию. Уверяю вас, как это ни покажется странно, что ваше презрение к греческим преданиям зависит не от веры, а от неверия в ваши собственные предания. Пока у нас нет надлежащего ключа для разъяснения их значения, но вы убедитесь, что, по мере того как упрочится ваше серьезное отношение к вашей вере, будет усиливаться и ваша склонность допускать существование личного духа, и что самая жизненная и прекрасная сторона христианства радостно признает служение живых ангелов, бесконечно разных по чину и силе. Вам всем известно выражение чистейшей и удачнейшей формы подобной веры

нашего времени в прекрасных иллюстрациях Рихтера к Молитве Господней. Действительно, ангел смерти, опоясанный как странник, с цветочным венком на голове, стоит у двери умирающей матери; ангелы детей сидят лицом к лицу со смертными детьми среди цветов — поддерживают их за рубашонки, чтобы они не упали с лестницы, нашептывают им райские грезы, склоняясь к их изголовью, доносят к ним издалика звуки церковных колоколов и даже снисходят до более земных услуг, наполняя медом ячейки для утомленных пчел. Кстати, Лили, рассказывали вы другим детям ту историю про вашу сестричку, Алису и море?

Лили. Я рассказывала мисс Доре, а другим нет. Я думала, что не стоит рассказывать.

Профессор. Мы этого не подумаем, Лили, если вы нам ее расскажете теперь. Сколько лет Дотти? Я позабыл.

Лили. Ей около трех, но у нее бывают иногда уморительные ужимки взрослой...

Профессор. И она очень любила Алису?

Лили. Да, Алиса всегда была очень добра к ней.

Профессор. Итак, когда Алиса ушла?

Лили. Да ничего тут не было особенно интересного. Только тогда мне это показалось удивительным.

Профессор. Но все-таки расскажите.

Лили. На следующий день после ухода Алисы Дотти была очень печальна и встревожена. Она ходила, заглядывая во все углы, будто надеясь найти там Алису, наконец пришла ко мне и спросила: «Разве Алиса ушла за широкое море?» — «Да, — отвечала я, — она ушла за широкое, глубокое море, но она когда-нибудь вернется». Тогда Дотти обвела глазами комнату, а я как раз наливала воду в таз. Увидев это, она забралась на стул и, поплескивая ручонками воду, закричала: «О глубокое, глубокое море, верни мне маленькую Алису!»

Профессор. Ну не прелестно ли это, дети? Перед вами очаровательная маленькая язычница. В этом вся суть греческой мифологии, здесь выражена мысль об олицетворении стихийных сил, о том, что они служат проявлением личных

существ, внемлющих мольбе, об их присутствии всюду, вследствие чего и каждое отдельное проявление стихийной силы получает священное значение.

Помните же, что возможность для нас допустить в мыслях об этом желанном и обожаемом воплощении духа из греческой или какой-то другой мифологии тень постижимой истины зависит от того, до какой степени мы считаем греков или какие-либо другие великие нации равными либо уступающими по исключительному праву и роли в истории иудеям или нам самим.

Если мы верим, что видения вдохновляли иудеев, воодушевляя их и руководя ими, а видения греков имели целью только унижать и сбивать их с истинного пути; если мы можем допустить предположение, что действительные ангелы посылались, чтобы помогать иудеям и карать их, и что не ангелы, а только смешное подобие их или даже дьяволы в обличье ангелов предназначались для служения Ликургу и Леониду от безотрадной колыбели до безнадежной могилы; если мы можем допустить, что только под влиянием призраков и под руководством демонов являлись такие матери, как Корнелия, и такие сыновья, как Клеобис и Битон, — то можем, конечно, с презрением снобов отвергать языческую мифологию. Но, по крайней мере, мы обязаны внимательно исследовать, из-за каких собственных наших ошибок произошло то, что помощь настоящих ангелов для нас обыкновенно является до такой степени ненастоящей, что мы видим Корнелий, вверяющих охрану своих дорогих детей Шарлоттам Виндзор, и сыновей, подобных тому, который недавно во Франции забил свою мать до смерти и был признан виновным, но заслуживающим снисхождения.

Мэй. Возможно ли это?

Профессор. Да, моя дорогая, я не могу рассказать вам всех подробностей, так как это случилось не на днях, а год или два тому назад. Но это реальный факт, и если бы я захотел, то мог бы привести вам несколько подобных примеров. Совсем недавно в России было совершено убийство путешественника. Маленькая дочь убийцы каким-то образом оказалась свидетельницей и помехой. Мать убила ее и спрятала в печь. Тут

весь ужас в отношениях между родителями и детьми, которые порождены в Европе разными унижительными формами белого рабства. В моих заметках я нахожу одну ссылку на историю Клеобиса и Битона, хотя, мне кажется, я сделал ее главным образом благодаря ее оригинальности и красоте христианских имен сыновей; но она может служить хорошим доказательством власти, которую имеет над нами царь Долины алмазов.

В Galignani³¹ от 21–22 июля 1862 года был помещен отчет о процессе сына фермера в департаменте Сены.

Отец за два года перед тем отдал все свое состояние двум сыновьям при условии, что они будут содержать его. Симон выполнил обязательство, а Петр нет. Сенский суд обязал его выплачивать отцу по восемьдесят франков ежегодно. Петр возразил, что он скорее умрет, чем станет платить. И действительно, вернувшись домой, он бросился в реку, и тело его не найдено до сих пор.

Мэри. Но... но... я не знаю, что и подумать. Неужели вы серьезно считаете, что греки были лучше нас и что их боги были настоящими ангелами?

Профессор. Нет, друг мой. Я думаю только, что мы, в сущности, ничего не знаем о промысле нашего Создателя относительно наших собратьев — людей, принадлежащих к другим народностям, и можем правильно рассуждать и делать здравые предположения относительно них, только когда искренне имеем самое скромное мнение о самих себе и о своих верованиях.

Мы всецело обязаны грекам благородной дисциплиной в литературе, радикальными принципами в искусстве и всеми возможными формами истинно прекрасного в нашем домашнем обиходе и в наших повседневных занятиях. Сами мы неспособны рационально использовать и половину того, что унаследовали от них; самостоятельны же у нас только научные изобретения и ловкие механические приспособления. С другой стороны, пороки, которыми заражены известные классы, как богатые, так и бедные, в Лондоне, Париже и Вене,

31 Galignani's Messenger — «Вестник Галиньяни», ежедневная газета, издававшаяся в Париже на английском языке с 1814 по 1904 год.

были бы признаны спартанцами или римлянами героической эпохи как возможные только в аду, где в обязанности злых духов входило бы обучать преступлениям, а не карать за них. Нам едва ли подобает отзываться презрительно о религии народов, с которыми мы находимся в столь тесной связи. И я не думаю, чтобы человек скромный и мыслящий когда-нибудь отзывался так о религии, в которой умер с верой хоть бы один достойный человек.

Чем легче мы признаем элемент заблуждения в наших собственных дорогих убеждениях, тем жизненнее и полезнее становится все истинное в них. Нет более рокового заблуждения, чем предполагать, что Бог не допускает нас заблуждаться, хотя и допустил всех остальных людей. Можно сомневаться в значении остальных видений, но относительно видения святого Петра сомнений быть не может. Вы можете доверять истинности объяснений того камня, на котором зиждется церковь, когда Петр, поучая, говорит, что «во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему». Постарайтесь понять, что такое справедливость, и тогда вы будете смиренно оценивать веру других в соответствии с истинными плодами вашей собственной. Не думайте, что вы сделаете что-нибудь дурное, стараясь вникнуть в веру других и мысленно сочувствуя принципам, определяющим их жизнь. Только так вы можете честно любить и ценить их или сожалеть о них. Любовью вы можете удвоить, утроить — даже до бесконечности умножить удовольствие, благоговение перед тем, что вы читаете, и осмысление прочитанного. Верьте мне, что гораздо мудрее и святее огнем собственной веры воспламенить едва тлеющую искру потухающих религий, чем блуждать душой среди их могил, содрогаясь и спотыкаясь в сгущающемся здесь мраке и пронизывающем холоде.

Мэри (после паузы). После этого мы куда охотнее будем читать историю Греции! Но у нас вылетело из головы все остальное, о чем мы хотели спросить вас.

Профессор. Я могу напомнить вам только об одном, и в данном случае вы можете вполне доверять моему великодушию. Так

как этот вопрос отчасти лично касается меня. Я говорю о стихах Люциллы относительно творения.

Дора. О, да... да... «И его стенания поныне»³².

Профессор. Я возвращаюсь к этому вопросу, потому что должен предостеречь вас от моего собственного бывшего заблуждения. Где-то в четвертом томе «Современных живописцев» я сказал, что Земля миновала эпоху своего высшего состояния и что, пройдя серию восходящих видоизменений, она, достигнув высшего предела удобства для жизни человека, по-видимому, опять постепенно становится менее для этого приспособленной.

Мэри. Да, помню.

Профессор. Я писал эти строки под очень горьким впечатлением постепенного исчезновения красоты самых чудных местностей, известных мне на земле, — это было для меня бесспорно. И случившееся я мог приписать не потере во мне способности воспринимать эти красоты, а влиянию резких и определенных физических воздействий. Таково было переполнение Лакхедского озера из-за обвалов снежных гор, сужение Люцернского озера из-за разрастания дельты реки Муота, которая со временем пережмет озеро надвое, подобно тому как Бриенцское озеро отделено теперь от Тунского; постоянное уменьшение альпийских северных глетчеров и снежных покровов на южном склоне гор, питающих прохладные реки Ломбардии; увеличение губительных болот в окрестностях Пизы и Венеции и другие подобные явления, вполне заметные даже в пределах короткой человеческой жизни и не искупаемые, по-видимому, равноценными влияниями. Я захожусь и теперь под тем же впечатлением от этих явлений. Но я с каждым днем понимаю все отчетливее, что нет неоспоримых данных, которые указывали бы на такое направление геологических перемен, что и великие непогрешимые законы, которым подчинены все перемены, служат для достижения постепенного приближения к лучшему порядку, к более тихому, но и более глубокому одухотворенному покою. И никогда это убеждение не

32 «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим, 8:22).

укреплялось во мне так сильно, как во время моих попыток очер-тить законы, управляющие смиренным формированием праха, потому что во всех фазах его перерождения и разложения видно усилие подняться на высшую ступень и путем резких изломов и медленного возобновления земной оболочки постепенно служить красоте, порядку и устойчивости.

Мягкие белые осадки моря собираются с течением времени в гладкие, симметрично округленные глыбы; сплоченные и стиснутые под увеличивающимся давлением, они переходят в зарождающийся мрамор; опаленные сильным теплом, они блестят и белеют в снежных скалах Пароса и Каррары. Темные наносы рек или стоячий ил внутренних прудов и озер, высыхая, разлагаются на свои составные элементы и медленно очищаются, терпеливо освобождаясь от анархии массы, с которой они были смешаны. Сжимаясь от увеличивающейся сухости до необходимости разбиться на частицы, они пропитывают постоянно открытые расщелины жил более тонким веществом и находят в своей слабости первые зачатки совершенной силы. Рассеченные наконец на отдельные камни, даже атомы, и прошедшие через медленный огонь, они сплавляются на вечные времена в волокна и в течение многих и многих последующих столетий опускаются или, лучше сказать, возвышаются до сохранения в совершенстве несокрушимого блеска своей кристаллической красоты под охраной гармонии закона, всегда благодетельного в своей неумолимости.

Дети, по-видимому, довольны, но более склонны размышлять над услышанным, чем разговаривать.

Профессор (дав им время несколько одуматься). Я редко прошу вас читать что-нибудь из моих книг, но там есть кое-что о законе содействия, и мне хотелось бы, чтобы вы это прочитали сейчас вслух, потому что не стоит излагать его другими словами. Вы, наверное, знаете то место, о котором я говорю, не правда ли?

Мэри. Да (*быстро находя его*). Откуда же начинать?

Профессор. Вот отсюда. Но старшим следует впоследствии прочитать и все предыдущее.

Мэри (читает). «Чистое и святое состояние чего бы то ни было есть то, в котором все части полезны или солидарны. Высочайший и первый закон мира и синоним жизни есть, следовательно, Помощь! Синоним же смерти есть Разъединение. Порядок и кооперация — вот вечный для всего закон жизни. Анархия и соперничество — вечный закон смерти.

Пожалуй, самым лучшим, хотя и самым простым примером, иллюстрирующим свойства и могущество солидарности, будет возможность изменений в пыли, которую мы попираем ногами. Исключая животное гниение, мы едва ли можем найти более совершенный тип нечистоты, чем грязь и тина затоптанных тропинок на окраинах городов. Я не говорю о грязи на проезжих дорогах, потому что она смешана с животными отбросами; но возьмите немного черного ила в дождливый день на протоптанных тропинках вблизи промышленного города. Этот ил состоит, как правило, из глины (или кирпичной пыли — обожженной глины), с примесью сажи, небольшого количества песка и воды. Все эти элементы не только не помогают один другому, но разрушают свойства и силу друг друга, соперничая и борясь за место при каждом вашем шаге. Песок вытесняет глину, глина вытесняет воду, а сажа, проникая всюду, чернит все. Предположим теперь, что эта толика грязи предоставлена абсолютному покою и что ее элементы соединены вместе, подобные с подобными, так что их атомы могут находиться в самых близких отношениях.

Пусть начинает глина. Освободившись от посторонней материи, она становится белой землей, очень красивой и способной при помощи огня превратиться в превосходный фарфор, который может быть разрисован и находится в царских дворцах. Но это искусственное состояние еще не лучшая ее доля. Предоставьте ей возможность следовать своему собственному инстинкту солидарности, и она сделается не только белой, но и прозрачной; не только прозрачной, но и твердой; не только твердой и прозрачной, но и пропускающей свет, от которого она заимствует лишь чудные синие лучи, отказываясь от остальных. Тогда мы называем ее сапфиром.

Покончив с глиной, предоставим такой же покой песку. Он также становится прежде всего белой землей, потом твердеет и делается прозрачным и, наконец, располагается чудодейственными, бесконечно тонкими параллельными линиями, обладающими свойством отражать не только синие лучи, но и голубые, зеленые, пурпурные и красные. Тогда мы называем его опалом.

Точно так же принимается за работу и сажа. Сначала она не может сделаться белой, но, не теряя присутствия духа, она все с большей и большей энергией старается достигнуть этого и становится наконец светлым и самым твердым веществом на свете; а вместо прежней черноты получает способность разом отражать все солнечные лучи с чрезвычайно ярким блеском. Это то, что мы называем алмазом.

После всего очищается или соединяется вода, довольствуясь тем, что получает форму капли росы. Если же мы захотим проследить за ее дальнейшим стремлением к совершенству, то увидим, что она кристаллизуется в снежинку. Итак, вместо грязи, которую мы имели по политико-экономическому закону конкуренции, получаем сапфир, опал, алмаз и снежинку».

Профессор. Я просил вас, дети, прослушать этот отрывок, потому что мне хочется, чтобы из всего, что вы видели в последнее время, работая и играя, вы могли бы в конце концов усвоить очень важную и серьезную мысль. Кажущееся смятение — этот несомненный упадок — физических элементов земли должно пассивно ожидать предназначенного времени для успокоения или восстановления. Привести к этому может только действие вечного закона. Но если действительно в нас вложена более благородная жизнь, чем жизнь этих удивительно движущихся атомов; если действительно бесконечна разница между огнем в них и огнем, оживляющим нас, то разница эта должна проявиться в каждом из нас не только в форме терпения, но и в форме осуществления наших надежд; не только в наших желаниях, но и в нашей работе ради достижения того времени, когда прах человеческих поколений сплотится для

основания врат, ведущих в град Божий. Глина, из которой сотворен человек, теперь попираемая с презрением ногами, не превратится — не может превратиться — в силу и свет случайно по воле беспомощной судьбы. Человеческой жестокостью и неправдой она была сокрушена; человеческим же милосердием и человеческой справедливостью должна быть восстановлена. При всем вашем страхе и сомнении относительно действительного смысла жизни вы, бесспорно, найдете истинное успокоение, если решитесь поступать так, как требует от вас Господь, и убедитесь, что Он действительно требует от вас только дел справедливости, любви, милосердия и смиренного следования за Ним.

**Рёскин
и песчинки
Творения**

«Для моего представления о мироздании я приобрел уже немало, но и не слишком много нового и неожиданного. Я долго мечтал и давно уже говорю о модели, на которой сумел бы показать, что происходит в моей душе и что не каждому я могу наглядно показать в природе».

Гёте. *«Итальянское путешествие»*

Утверждают, что во второй трети XIX века наукой наук была геология. Да-да, не история и даже не математика с физикой, а геология. Только она могла подняться до таких высот, чтобы спорить с Богом, точнее, с Христианским Богом, а еще точнее — с Писанием о Мире, устроенном Христианским Богом. Собственно, проблем с датами и состоянием сотворенного мира было (и остается) две. Одна анатомическая, другая геологическая и палеонтологическая, хотя по сути обе упираются в логику. Что касается первой, то она такова: если Господь сотворил Адама из глины в возрасте (как считало немалое количество теологов) тридцати трех лет, то был ли его организм тридцатитрехлетним, будучи совсем новым? К примеру, страдал ли он от атеросклероза или отложения солей, случались ли у первого человека приступы цистита, крошились ли у него зубы? И вот еще вопрос: тридцать три года — это много или мало? По нынешним западным представлениям Адам создан человеком молодым, едва закончившим университет и аспирантуру и приступившим к работе: первый кредит в банке, первый ребенок и все такое. Но в Средние века ему, по статистике, оставалось жить четыре года, оттого изношенность Адамова организма должна быть соответствующей. И, наконец, самый убийственный вопрос: был ли у Адама пупок? Если он не рожден женщиной, то ему не нужна эта отметина человеческого (слишком человеческого) происхождения. С другой стороны, Адам — прачеловек, значит, его тело должно быть таким же, как и у всех людей, включая пупок. Так что представим себе Бога в качестве концептуального художника, который конструирует из ничего новые вещи, целый мир в таком виде, будто этот мир уже имел историю, которой на самом деле не было и быть не могло. Подобные соображения

нисколько не умаляют Всевышнего и его творение, наоборот, если он знает вещи от первого до последнего их мгновения, знает исчерпывающе, то эта информация целиком уже содержится в любой точке существования той или иной вещи — тогда любая точка заключает в себе все прошлое и будущее, исходящие из нее пер- и ретроспективно. Получается, что Бог есть в каждой песчинке мира, отчего она ничуть не менее важна, чем континенты, океаны и великие царства. Собственно, что и требовалось в который раз доказать. Книга, которую сопровождает мое эссе, называется «Этика пыли»; имея в виду, кем был Джон Рёскин и каково было его время, слово «пыль» в заглавии имеет исключительно важное, исторически ограниченное значение — отличное от нынешнего, стертого прошлым столетием в лагерную пыль. Для Рёскина «пыль» состоит из мельчайших частиц, которые по-русски было бы неправильно называть эфемерными «пылинками»; здесь действительно лучше подойдут «песчинки».

Собственно, о проблеме пупка Адама и самых экстравагантных теориях по поводу его наличия/отсутствия писал Борхес в эссе «Сотворение мира и Ф. Госс». Там же можно обнаружить и рассуждения по поводу второй проблемы, геологической и палеонтологической, связанной с датами и ходом Творения. Борхес обсуждает одну из самых экстравагантных теорий XIX века, предложенную зоологом Филиппом Генри Госсом. Госс пытался разрешить неразрешимое (или — как казалось, неразрешимое) — соотнести последние научные открытия (а именно, датировку ископаемых животных и геологических пластов) с установленными Библией хронологией и временем Творения: шесть дней работы, седьмой — отдыха, и все это произошло около шести тысяч лет назад. Борхес пишет: «В 1857 году мир был раздираем одним противоречием. Книга Бытия приписывает божественному творению шесть дней — ровно шесть иудейских суток, от заката до заката; однако палеонтологи беззастенчиво настаивали на огромных временных пластах. Напрасно твердил Де Куинси, что Писание не обязано наставлять людей в какой бы то ни было науке, дескать,

науки — это гигантский механизм, развивающий и тренирующий человеческий интеллект... И все же как примирить Господа с ископаемыми рептилиями, а сэра Чарльза Лайелла с Моисеем? Закаленный молитвой, Госс предложил одно удивительное решение». Здесь мы оставим слепого аргентинского книгочея, лишь напомнив, что решение, предложенное Филиппом Генри Госсом, было как раз то самое, о котором мы только что говорили в связи с пупком и песчинкой, — Господь создал землю в таком состоянии, будто она уже имела долгую историю; иными словами, Бог сотворил мир и населил его животными, как бы являющимися результатом эволюции, а под землей этот шутник припрятал ископаемые остатки тех животных, которые никогда не существовали. Мир был создан Богом таким образом, что его история есть такой же элемент Творения, как и окаменевшие останки динозавров. То есть история — один из бесконечного количества элементов, не более того. Чего Борхес не заметил, так это того, что такая концепция, если додумать до конца, является чисто буддийской. Согласно буддизму (да и отчасти индуизму), мир состоит из бесконечного количества феноменов, дхарм, находящихся в хаотическом состоянии. Важно, что наши мысли и чувства тоже суть такие дхармы; скажем, чашечка кофе есть дхарма, мысль о чашечке кофе — тоже дхарма, они равноправны и совершенно дискретны. Упорядочить их каким-то образом может лишь наше мышление — которое, в свою очередь, тоже дхарма. И так до бесконечности, пока просветленное сознание, находясь в соответствующем состоянии, не поймет, что этого ничего вообще нет. Здесь мы оставим Будду и его последователей точно так же, как несколько строчек назад оставили Борхеса. И вернемся в XIX век.

Около 1839 года двадцатилетний студент Оксфордского университета Джон Рёскин написал и опубликовал несколько памфлетов о главном геолого-палеонтолого-теологическом споре своего времени. Рёскин много занимался естественными науками под руководством тьюторов: преподобных Уильяма Лукаса Брауна и Осборна Гордона, а также более молодого Генри Лидделла, в будущем — отца той самой Алисы, что путешествовала в Страну

чудес и Зазеркалье. Но главным учителем Рёскина был геолог и теолог Уильям Бакленд; благодаря ему Джон стал профессионально разбираться в камнях и геологических пластах. В богословии он к тому времени уже хорошо разбирался — благодаря прежде всего матери, Маргарет; эта благочестивая шотландская протестантка заставляла маленького сына читать и перечитывать Библию — и Рёскин выучил Писание наизусть. Увлечение геологией не очень нравилось отцу Джона, зажиточному виноторговцу Джону Джеймсу Рёскину, который видел будущее единственного сына в англиканской церкви; Джон Джеймс даже мысленно примерял на Джона торжественное одеяние архиепископа Кентерберийского. Для церковной карьеры надо знать теологию — это верно, но плюс к тому хорошо бы в совершенстве владеть классическими языками, читать древних и средневековых авторов, четко осознавать принадлежность к высшей части среднего класса и — что очень важно — заводить побольше знакомств с молодыми людьми благородного происхождения, которыми был набит Оксфорд. Нет, скажем по-другому: для которых тогда Оксфорд на самом деле и существовал. Джон не очень следовал рекомендациям и желаниям отца; впрочем, особого давления на него, слава Богу, не оказывали; в конце концов, утешал себя почтенный просвещенный виноторговец, пусть сын станет если не епископом, так поэтом. Здесь достижения уже были — и немалые: Джон Рёскин сочинял стихи с младых ногтей, а в Оксфорде даже получил самую главную университетскую поэтическую Ньюдигейтскую премию; на торжественной церемонии присутствовал сам Вордсворт, с которым молодому лауреату удалось познакомиться. Похоже на чтение стихов Пушкиным Державину в Царском Селе — но только на первый взгляд. На самом деле совсем не похоже, если мы посмотрим на то, что случилось дальше.

А случилось вот что: наступило Новое время, и Рёскин был одним из тех людей, которые это время в Британии создали. В этом времени геология была не менее важна, нежели поэзия, а искусство — нежели теология. Еще в этом времени присутствовали социальные науки, экономика, педагогика, этика, политика. Все вышеперечисленное, оставаясь дискретным, составляло

удивительную композицию, определенный тип мировоззрения, характерный для небольшого количества европейцев середины — второй половины XIX века. Рёскин задал им темы и язык разговора на эти темы, сама его жизнь стала примером для них; а уже в следующем, двадцатом столетии его труды способствовали появлению столь разных и столь мощных умов, как Пруст, Махатма Ганди и некоторые другие.

Впрочем, нас заждались в Оксфорде 1839 года, а мы уже убежали в Британскую Южную Африку 1908-го, где молодой Ганди переводит на свой родной гуджаратский язык политэкономическое эссе Рёскина *Unto This Last*, ставя в заглавие слово *Sarvodaya*, то самое, что позже превратится в одно из главных понятий его собственного учения — и название общественно-го движения в постколониальной Индии. Итак, в Оксфорде Рёскину было не очень по душе: и из-за наставлений родителей, которые к тому же старались держать его на коротком поводке (впрочем, надо сказать, что Джон не сильно сопротивлялся), и из-за полной чужести всей обстановки — разгульная жизнь высокородных сокорытников отвлекала его от занятий, в частности геологией. В этих занятиях ключевой фигурой и был Бакленд, прославившийся к тому времени книгой «Геология и минералогия в отношении к естественной истории», описанием первого из обнаруженных в земле динозавров (он назвал чудище «мегалозавром»), а также изобретением забавного термина «копролит». Позже он станет деканом Вестминстерского аббатства, доказав тем самым тесную связь между Богом и древними окаменелостями. Пока же Бакленд переживал не самые лучшие времена: он вступил в конфликт с более традиционными оксфордскими теологами, что грозило его преподавательской карьере. Его коллега (и оппонент) сэр Чарльз Лайелл из-за своих геологических теорий был даже вынужден покинуть пост профессора в лондонском Кингс-колледже. Молодой Джон Рёскин понимал, в какой непростой игре он принимает участие. Чему же Бакленд учил Рёскина?

Игнорировать Библию в Оксфорде 1839 года было столь же нелепо, как и не обращать внимания на находки последних

сорока лет. Ситуацию усложняла еще одна проблема — вопрос о животных, обитавших в Раю. На самом деле: если мы находим останки каких-нибудь мегалозавров, которые вымерли сотни тысяч, если не миллионы лет назад, то естественно предположить, что они жили до Грехопадения, точнее до Потопа, то есть в Раю. Получается, там же они и умерли, что противоречит Библии, где говорится: в Эдеме никто никогда не испытывал голода или жажды, боли, страдания, никто не умирал. Собственно, в конце 1830-х попытки совместить науку с теологией сосредоточились именно на этой проблеме. Бакленд утверждал: все найденные им и не им древние животные *действительно жили в Раю*, но они не умирали сами (соответственно, ни болезней, ни страданий не испытывали), а просто поедали друг друга. «Быть съеденным» не значит «умереть» — утверждал будущий вестминстерский декан. Когда Джон Рёскин поделился оригинальной концепцией своего учителя с матерью, та написала ему: «Вопрос, конечно, головоломный — слава Богу, что ни наше благосостояние, ни наше счастье не зависят от его разрешения. Что касается Доктора и его соратников, думаю, было бы мудрым оставить Библию в покое до тех пор, пока они не приобретут более достоверных знаний по этому предмету»¹. Маргарет Рёскин недооценила упрямство и энтузиазм сына; тот ввязался в дискуссию и высказал свою точку зрения по главному вопросу современности.

Эта точка зрения исключительно интересная — жаль, что Борхес (увы, мы опять на мгновение вернулись к нему) не обратил на нее внимания. Помимо того, что из этого пункта можно вывести всю дальнейшую философию Рёскина — искусствоведа, социолога, политэконома и моралиста, само по себе рассуждение двадцатилетнего студента гораздо тоньше многостраничных доводов его учителя. Вкратце гипотеза юного Рёскина такова: мировой обмен веществ держится на том, что животные зависят от продуктов разложения жизни растений, а растения —

¹ Джон Джеймс Рёскин не разделял мнений супруги по этому поводу. Он считал, что ископаемые животные действительно жили в Раю, но их исчезновение было определено Волей Божьей, что нельзя назвать «смертью» в обычном смысле этого слова. Довольно остроумное мнение, не так ли?

от продуктов разложения жизни животных. Оттого, утверждал двадцатилетний студент, мы можем одновременно говорить о жизни и смерти, росте и разрушении. Тот же самый закон можно приложить и к Эдему, в котором растения были обречены стать кормом для плоти, а плоть — удобрением для роста растений. Разрушение в самой природе этого кругооборота. Иными словами, Рёскин считал, что *смерть действительно была в Раю* — но только как универсальное условие жизни.

Что касается достоверности библейских сведений о сроках и датах Творения, то по этому поводу он высказал еще более удивительную — и для своего времени неожиданную — точку зрения. Ученым не следует обращать внимание на библейскую историю, которая носит в основном аллегорический характер. Но и на собственные построения современникам не стоит полагаться. На самом деле, утверждает двадцатилетний студент, мы можем знать только *наше настоящее* и то, кем и чем мы *должны стать*. Прошлое же не в нашей власти, только Бог знает, *чем мы были*. Немецкий биограф Рёскина Вольфганг Кемп обращает внимание² на невероятно смелый характер такой гипотезы — в век романтизма и становления национальных государств, в эпоху (добавим мы от себя) конструирования прошлого, в столетие, как никакое иное, одержимое историей. На самом деле здесь находится точка расхождения Рёскина с мейнстримом XIX века; заслуга его в том, что он не стал отщепенцем, «подпольным человеком», чудаком, мыслителем экзотическим и немного нелепым, как Томас де Куинси или тот же самый Филипп Генри Госс. Рёскин с невероятной энергией, талантом и трудолюбием заставил мир принять свою систему мысли как актуальную, важную, необходимую, как что-то, с чем можно либо согласиться, либо оспорить, но от чего нельзя просто отмахнуться — или вовсе не заметить.

Из такой позиции, занятой (точнее — сконструированной) в 1839 году, он ведет разговор почти тридцать лет спустя в «Этике пыли» — хотя, конечно, за эти годы он обустроил ее

2 Kemp W. The Desire of My Eyes: The Life and Work of John Ruskin. Translated by Jan van Heurck. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1990. P. 60.

значительно лучше, удобнее и основательнее. Пока же перед нами одна довольно простая идея: точка зрения рассуждающего находится всегда здесь и сейчас. Только из нее мы можем созерцать Природу, находящуюся в Вечности, — и из нее же созерцать Искусство, которое в своих лучших образцах следует Природе. Искусство следует Природе не рабским образом, не мимикрируя, не копируя, но пытаюсь воссоздать ее вечную структуру, постоянно переливающуюся изменчивостью. Чтобы эту структуру увидеть, надо внимательно следить за поверхностным, которое следует изучать прилежно — но не научными методами, а... сейчас бы это, наверное, назвали «включенным наблюдением». Если пишешь пейзаж, надо наблюдать ландшафт, который хочешь изобразить, постоянно и во всех его изменениях, надо замечать все оттенки красок при перемене погоды, времени суток и года, затем фиксировать изменчивость внешнего на холсте — но имея в виду, что горы останутся горами, реки — реками и облака — облаками. Собственно, первый том знаменитых рёскиновских «Современных художников» посвящен этому. Автор превозносит Тернера, видевшего, с точки зрения Рёскина, вечное, универсальное в изменчивой Природе, — и низвергает Никола Пуссена, Сальватора Розу и Клода Лоррена, которые, по его мнению, Природы на самом деле не видят³.

Если есть только настоящая точка — тут мы возвращаемся к самому началу нашего рассуждения, — то она (и мы вместе с ней) и есть одна из мириад песчинок. Рядом есть другие песчинки — у которых свой взгляд, свое наблюдение. Мы не можем претендовать на то, что наша точка лучше или важнее соседней или находящейся за тридевять земель. Мы можем только стараться как можно лучше видеть то, что можем видеть, и понимать то, что можем понимать. Такова наша первая этическая — да-да, именно этическая! — обязанность. Вторая — быть учтивыми к другим песчинкам, помогать им, давать возможность существовать и развиваться. Не конкурировать, а помогать

3 Ну а мы уже из своей современности добавим, что Лоррен, Пуссен и Роза рисуют архетипическое как архетипическое, а Тернер дает нам возможность угадать его за случайным буйством красок и оттенков.

при необходимости, даже сотрудничать. В основе такого взаимопонимания должно лежать убеждение, что каждая песчинка вмещает все Творение разом и оттого ценность ее ничуть не меньше других. Отсюда строятся эстетика, политэкономия, социология и педагогика Джона Рёскина. Его больше не интересует вопрос о том, умирали ли в Раю мегалозавры, он занят созданием целой вселенной, которая покоилась бы на двух вышеперечисленных этических принципах.

С большим опозданием приведу несколько биографических фактов о Рёскине. Годы жизни — 1819–1900, про родителей мы уже говорили, про Оксфорд тоже. Выдающийся знаток искусства и арт-критик. Энтузиастический пропагандист Тернера. Идейный отец прерафаэлитов, «Движения искусств и ремесел»⁴, один из основоположников английского социализма; без Рёскина не было бы викторианского «готического возрождения»⁵, многих идей Ганди (сознательно беру примеры из, казалось бы, разных областей жизни), Гилберта Кита Честертона, Эзры Паунда; огромное влияние Джон Рёскин оказал на современное городское планирование, многие считают его работы обоснованием «социального государства» в современном его виде. Толстой называл его одним из самых выдающихся людей всех времен и народов, а Пруст так вообще смиренно переводил Рёскина на французский. Вышедшее после смерти Джона Рёскина собрание сочинений насчитывало 39 томов — и туда вошло далеко не все. Ну и конечно, Джон Рёскин постоянно рисовал и сочинял стихи. Он даже написал одну сказку, «Король Золотой реки, или Черные братья» — для девочки по имени Эффи Грей, на которой потом женился. Это был несчастный брак, расторгнутый через несколько лет за отсутствием супружеской близости. Ниже мы ненадолго вернемся к Грей и «близости» как таковой в жизни

4 *Arts and Crafts* – художественное движение поздневикторианской эпохи, имевшее мощную ретроспективно-утопическую окраску. Возникло как реакция на индустриализацию и триумф машинного производства, включая производство предметов домашнего обихода. Одним из предводителей «Искусств и ремесел» был знаменитый художник, дизайнер, поэт и социалист Уильям Моррис.

5 На русском его еще называют «неоготикой». Речь идет о Gothic Revival в архитектуре середины — второй половины XIX века.

Рёскина. Пока же замечу, что этот великий человек, судя по всему, был девственником.

Наблюдение, которое ведется из точки, находящейся здесь и сейчас, не следует путать с научным познанием. Рёскин не любил машины и механизмы, произведенные современной ему индустрией. Пыхтящая трубами промышленность ужасала его, хотя наш герой, конечно же, не был капризным эстетом, что предпочитает заводской гари аромат розы в петлице своего безукоризненного сюртука. Рёскин привычен к низким запахам вроде навоза или строительного раствора, ему важно другое — происхождение запаха и внешнего вида. Индустрия, порожденная конкуренцией, средний класс, порожденный индустрией, стиль жизни, порожденный средним классом, и искусство, порожденное буржуазным стилем жизни, — все это, по мнению Рёскина, просто унижительно для человека, который — не будем забывать — есть песчинка, но он же и все Творение целиком. Рёскин не был коммунистом, конечно, он никогда не утверждал, что крупинка песчинки во всем равна крупинке кварца, нет, просто они могут сосуществовать вместе, помогая друг другу, не стремясь к господству. Конкуренция же ведет к установлению прямой власти одних над другими — особенно если учесть, что в ней побеждает не самое лучшее, а самое дешевое. Собственное достоинство⁶ средневекового ремесленника, члена гильдии, мастера, который делал вещи от начала и до конца, — вот социальный и этический идеал Рёскина. Чуть ли не первым он подверг сокрушительной критике машинное производство — и современный капитализм вообще. Очень важно, что эта критика носила эстетический характер, — однако «эстетическое» для Рёскина было крайним и наивысшим выражением «этического». В отличие от сторонников «искусства для искусства» (с которыми его иногда путают), Рёскин считал Красоту воплощением главного этического принципа нашего мира, главным принципом Творения, а следование ей — главной обязанностью человека, вне зависимости от того, является он художником или нет. Вообще, как мне кажется, он думал, что каждый может стать художником, мастером — в средневековом

6 Сильно преувеличенное Рёскиным, что уж там скрывать.

смысле этого слова, стоит только научиться его ремеслу, искусству. Отсюда и название «Движения искусств и ремесел».

Мало кто из великих людей XIX века посвятил столько времени и сил педагогике — обычной и социальной. Рёскин учил рабочих основам рисунка в Колледже для трудящихся, учителей на курсах повышения квалификации в Уайтлэндс-колледже, прочел сотни публичных лекций слушателям из самых разных классов общества, наконец, в 1869 году стал оксфордским профессором, а чуть позже основал там Школу рисования и изящных искусств, названную его именем. Из университета он ушел (после нескольких попыток) в 1884-м, в знак протеста против вивисекции. Рёскин действительно верил в педагогику и просвещение — но эта вера сильно отличалась от представлений XVIII века, да и от взглядов социальных филантропов его времени. Он пытался снабдить учеников достаточным количеством фактических познаний для того, чтобы они смогли понять свою отдельность и свою уникальность, а потом — и свое предназначение в связи с этими отдельностью и уникальностью. Как мы уже говорили, в самом высшем своем проявлении такая задача превращалась из этической в эстетическую. Или, если быть точным, она с самого начала была этической и эстетической разом. В процессе решения такой задачи важнейшую роль должна была играть Природа. Ее устройство — видимое невооруженным глазом наблюдателя, а не через лупу исследователя — давало представление об устройстве общественной (и отдельной человеческой) жизни, ее совершенная красота открывала глаза на возможность Красоты как таковой, в том числе и рукотворной. С 1859 по 1868 год Джон Рёскин рассказывал обо всем этом ученицам знаменитой тогда (и очень прогрессивной) школы для девочек в поместье Уиннингтон-холл, расположенном в графстве Чешир. Он читал лекции, вел беседы, просто болтал с воспитанницами, писал им письма, дарил школе картины и естественнонаучные экспонаты. Разговоры в Уиннингтон-холле и легли в основу «Этики пыли».

«Этика пыли» — одна из самых странных, неожиданных и восхитительных книг, которые автор этих строк когда-либо

держал в руках. Чтобы не испортить чистоты послевкусия/ послемыслия от чтения этой книги, я ни слова не скажу о ее прямом содержании — и даже о том, как она сделана. Разве что очень личное: для меня «Этика пыли» стоит рядом с главными английскими прозаическими текстами XIX века — «Исповедью англичанина-опиомана», «Посмертными записками Пиквикского клуба», «Островом сокровищ», «Собакой Баскервилей» и «Портретом Дориана Грея»⁷. Ну и конечно, рядом с диалогией про ту самую Алису, отец которой был тьютором Рёскина в Оксфорде. В связи с Алисой Лидделл, Чарльзом Доджсоном, детской сказкой Рёскина про короля Золотой реки, катастрофическим браком с Эффи Грей, а также в связи со странным на первый взгляд фактом, что в викторианской Англии джентльмен средних лет постоянно крутится в школе для девочек, следует сделать короткое, но необходимое разъяснение. Им я и закончу этот текст.

Рёскин сочинил сказку для тринадцатилетней Эффи Грей. Рёскин наставлял девятилетнюю Розу Ла Туш в науках и полюбил ее, когда той было около тринадцати. Рёскин постоянно наезжал в Уиннингтон-холл, став фактически патроном школы. Он не только читал ученицам лекции, он танцевал с ними и даже играл в прятки. На этом основании некоторые называют его педофилом, а более академические исследователи — нимфолептиком. При этом никаких недостойных действий в отношении юных созданий Рёскин никогда не совершал; он не совращал девочек, не выказывал в отношении них ровным счетом никаких постыдных намерений. Он ими восхищался, ему нравилось, как они выглядели — и как они вели себя. Более того — позволю себе только одно замечание по поводу книги, которую читатель держит в своих руках, — Рёскину ужасно нравилось, как девочки думают, не так ли? Все, что я здесь пишу, не следует считать апологией Джона Рёскина — этот великий человек ни в каких апологиях не нуждается,

7 Что нисколько не умаляет восхищения некоторыми другими сочинениями Рёскина, такими как его хрестоматийные «Камни Венеции» или та же *Unto This Last*.

да и оправдывать его не в чем. Рёскин полюбил девочку Эффи, дождался ее совершеннолетия и женился на ней, когда невесте исполнилось 19 лет. Рёскин полюбил девочку Розу, дождался ее совершеннолетия, сделал предложение и получил отказ (на который повлиял совет той же Эффи ни в коем случае не иметь дела с Рёскиным). Эффи Грей после развода вышла замуж за протеже нашего героя, художника Джона Эверетта Милле и прожила долгую семейную жизнь, родив восемь детей. Роза Ла Туш умерла в 27 лет — судя по всему, от нервного расстройства и вызванной им анорексии. Родители Розы были очень религиозны; у дочери религиозность превратилась в конце концов в иступление. Смерть Розы Ла Туш потрясла Рёскина, его здоровье — прежде всего психическое — пошатнулось, и под конец жизни он впал в безумие.

Джон Рёскин восхищался юными девочками чисто эстетически — но не стоит забывать, что эстетическое для него есть наивысшая форма этического. Он видел в них идеальную природную форму — и идеальное самостоятельное непосредственное сознание, еще не испорченное обществом. Под «обществом» в данном случае понимались не только обычные социальные обязательства, но и брак, включая, конечно, секс. Известно, чем был секс в викторианском обществе: в жизни среднего класса его в лучшем случае загоняли в строжайшие рамки, а порой просто изгоняли; зато аристократия и пролетариат творили что хотели. Впрочем, и здесь существовали свои рамки; список возможностей был ограничен — социальными нормами и барьерами, а также влиянием церкви, пусть и не столь сильным, как в случае среднего класса. Рёскин вырос в довольно строгой протестантской семье, разгул аристократических товарищей по Оксфорду его не привлекал, эстетическое чутье совершенно справедливо отвращало от обычной семейной жизни. В каком-то смысле его восхищение Эффи и Розой (я бы назвал это именно «восхищением») было следствием его воззрений на искусство, экономику и геологию. Будучи человеком порядочным, он, следуя правилам окружающего его общества, сделал формальные предложения обеим девочкам, когда они выросли. Брак с Эффи

Грей стал трагедией: как известно, в первую же брачную ночь Рёскин был так потрясен видом обнаженного тела жены, что ни о каком сексе и речи быть не могло — ни тогда, ни во все последующие годы его женитьбы. Многие биографы утверждают, что Рёскина отвратил вид волос на лобке или даже менструальной крови — ведь до того он видел женское тело в форме совершенных античных статуй. Не думаю, что последнее соображение верно: Рёскин, как известно, не был поклонником античности, да и вообще дело не в статуях. Он любил одно существо, а тут должен был овладеть телом совсем другого. В 1861 году Рёскин признался в письме: «Я не увижу ее (Розу — К. К.) целую вечность — думаю, до зимы — и она станет совсем другой — дети похожи на облака в лучах восходящего солнца — их золото уходит — всегда уходит — я был ужасно грустен этим утром».

Ну и не забудем, что в те времена девочек в тринадцать лет нередко уже выдавали замуж — не говоря о том, что в этом же возрасте многие из них были вынуждены, увы, продавать себя на улицах Лондона, Манчестера, Ливерпуля. Но это, конечно, совсем другой социальный класс. В жизни викторианской буржуазии разыгрывались иные драмы; драма Рёскина не была единственной в таком роде: вспомним хотя бы оксфордского математика, фотографа-любителя и изобретателя Чарльза Доджсона. Вообще, рассуждая на эту тему, надо иметь в виду три обстоятельства. Первое: перед нами истории совсем других людей, очень мало на нас похожих, которые жили в совсем другое время, с его собственными представлениями и правилами. Второе: эти люди сполна заплатили за все — и наши осуждения или восхищения ими абсолютно ни к чему, особенно если мы не хотим понять, что они — совсем другие (см. пункт первый). Третье: не будь на свете несчастного наркомана и алкоголика, или беспощадного домашнего тирана и коварного изменника, или тайного обожателя невинности, или джингоиста-спирита, или чахоточного шотландского пьяницы и фантазера, или одержимого идеей Красоты и Справедливости энергического чудака — мы не были бы собой. Впрочем, говоря от первого лица, следует избегать множественного числа. Тогда так: автор этих

строк уж точно не был бы тем, кто он есть. Важность последнего заявления можно (и нужно) поставить под сомнение — но автор «Этики пыли» со мной уж точно согласился бы. Песчинки, песчинки, песчинки.

Кирилл Кобрин

Джон Рёскин
Этика пыли

Издатели:

Александр Иванов
Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Лайма Андерсон

Редактор:

Анна Шафран

Корректор:

Марина Нагришко

Оформление:

ABCdesign

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книги издательства Ad Marginem

обращайтесь по телефону:

+7 (499) 763 3595

sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»,

Резидент ЦТИ ФАБРИКА

Переведеновский пер., д. 18,

Москва, 105082

тел./факс: +7 (499) 763 3595

info@admarginem.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А,
www.pareto-print.ru